THE WEEKLY MAGAZINE
АПРЕЛЬ № 17 1991
ISSN 0131–0097

ОГОНЁК

В КРУГЕ ПЕРВОМ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 17 (3327)
20 — 27 апреля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Плакат японского художника Ш. Фукуда, присланный на международную выставку графики в Харькове. (См. в номере материалы, посвященные чернобыльской трагедии.)

Оформление А. А. КОВАЛЁВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 01.04.91. Подписано к печати 16.04.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 318. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

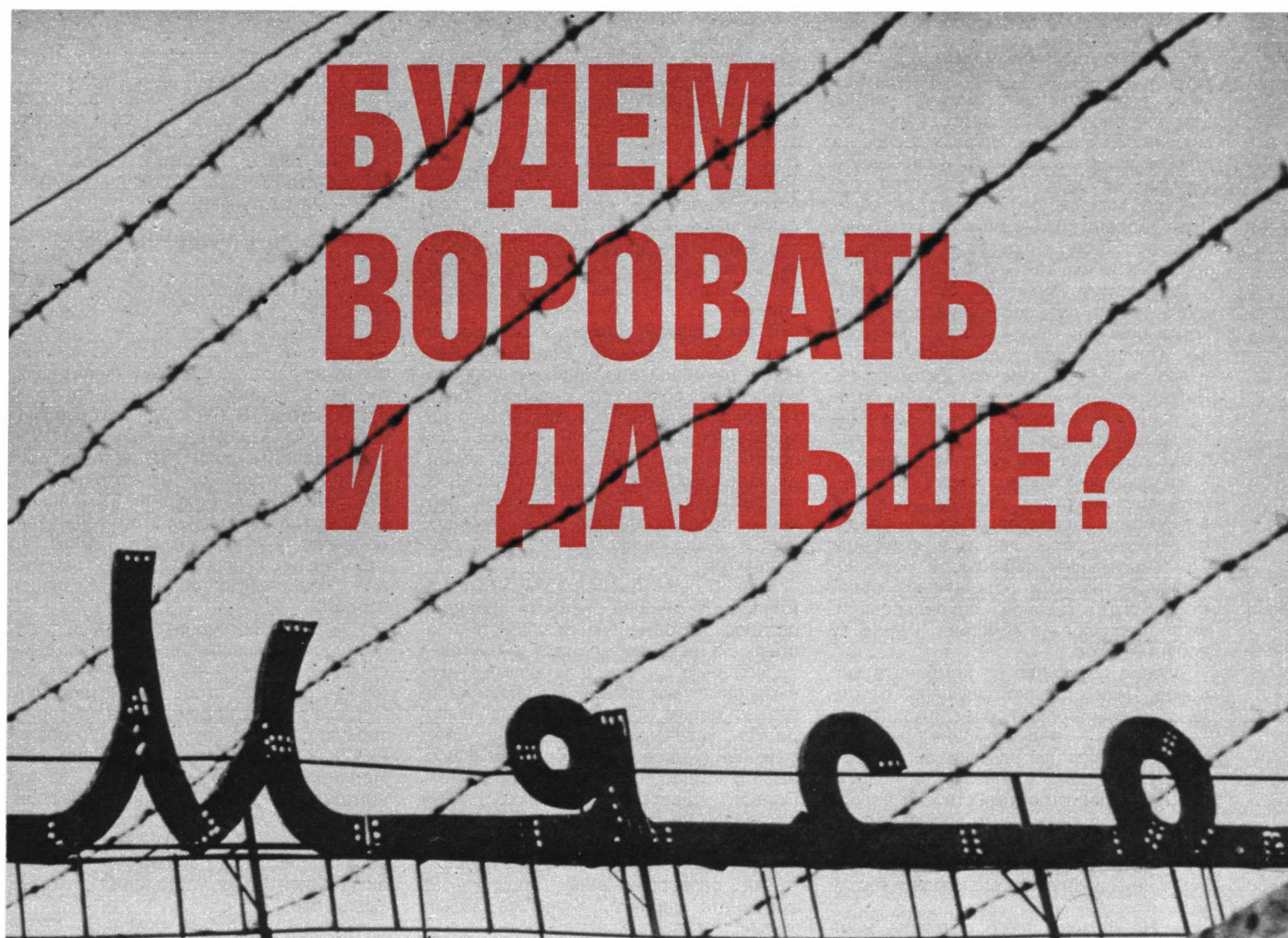
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

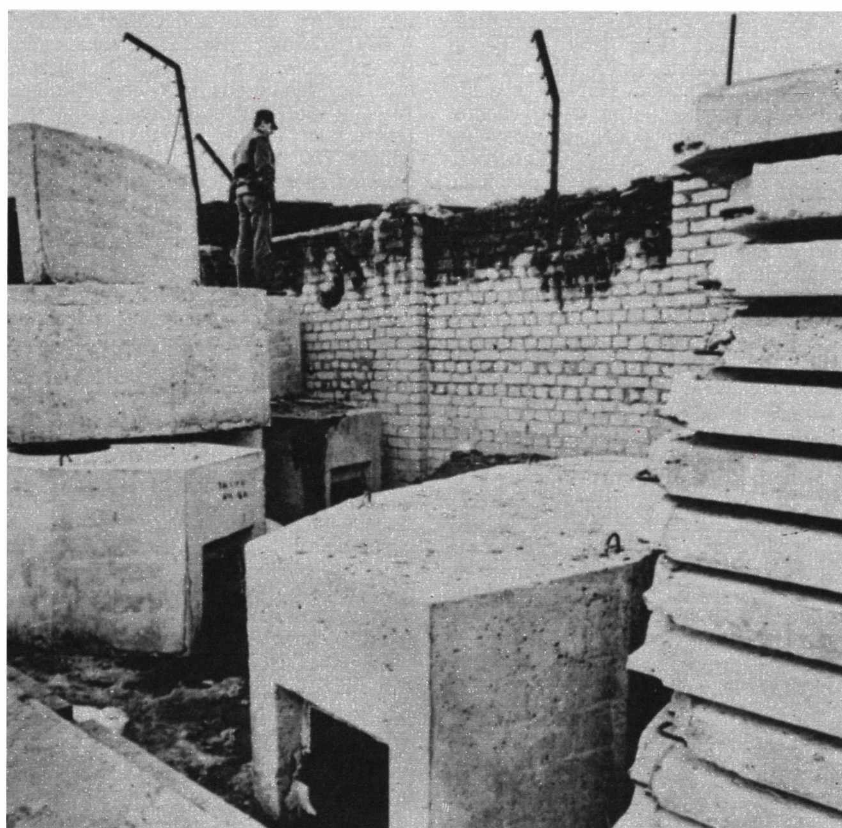
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

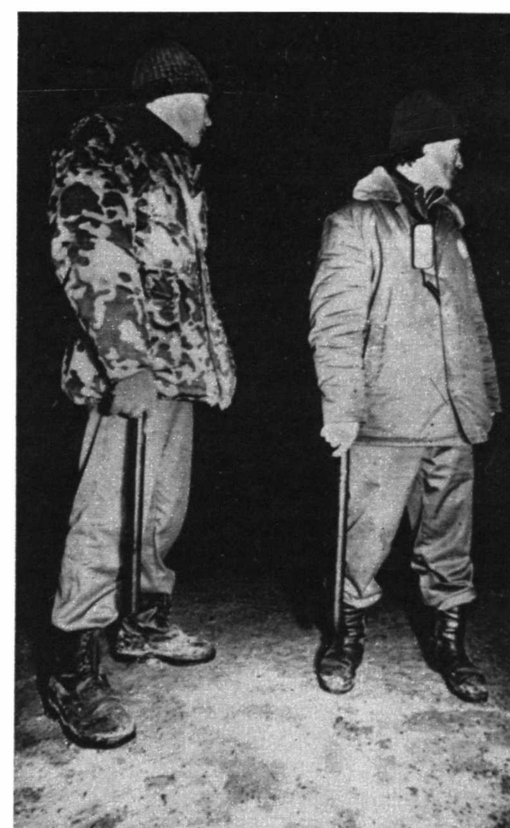
Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

БУДЕМ ВОРОВАТЬ И ДАЛЬШЕ?

Людмила САЛЬНИКОВА

Фото Владимира МАШАТИНА

В одно прекрасное утро скромные труженики Брянского мясокомбината проснулись знаменитыми — едва ли не все центральные газеты и в придачу телевидение разнесли молву о них по всей стране. Ошалевшие от политики журналисты с жадностью набросились на свеженький анекдот из быта российской глубинки. Пикантная канва его излагалась всеми примерно одинаково. Директор мясокомбината решил повести беспощадную борьбу с воровством, для чего на проходной вместо вневедомственной охраны поставил наемную детективную службу, которая и мухе не позволит пролететь незаметно. Героически перетерпев два дня полного воздержания, на третий день возмущенные работники объявили забастовку: «Сколько можно измываться! Требуем снять драконовскую охрану, иначе не будем работать!» После четырехчасовых бурных переговоров с трудовым коллективом директор был вынужден принять требования бастующих.

Такая вот история. Не история — подарок, поскольку дает вольный простор для рассуждений о наших нравах. И не стоило бы, пожалуй, добавлять еще один голос в дружный хор обличителей воровства, не окажись сей очевидный, узнаваемый факт нынешней действительности при более пристальном рассмотрении ускользающе неоднозначным. За анекдотическим фасадом происшествия у каждого из его участников обнаружилась своя особая правда, пренебречь которой было бы несправедливо...

ПРАВДА ПЕРВАЯ. ДИРЕКТОР

Петр Леонтьевич Кузнецов — руководитель крутой. Это чувствуется сразу. Лицо его вылеплено мощно, взгляд тверд и спокоен. Он мало зависит от мнения окружающих, позволяет себе на службе ходить в варенках и свободном свитере, без галстука. В качестве служебной машины использует серебристую «вольво». На комбинате он единоличный хозяин. По любому вопросу — только к нему, как к отцу родному.

Директором Кузнецов стал в двадцать девять лет, в конце пятидесятых, когда повсюду насаждались совнархозы. Тридцать два года проработал — и все на начальственных должностях. Из тех, кто начинал вместе с ним, нынче в прежнем ранге уцелели единицы. Не выдерживали люди, хотя многие были талантливыми организаторами.

На Брянский мясокомбинат Петр Леонтьевич приходил дважды. Сначала в 1969 году. Но развернуться как следует не успел: через два года назначили его генеральным директором молочно-производственного объединения области. Когда таковое ликвидировали, вновь вернулся на комбинат. Шел в ту пору 1986 год.

Первое ощущение от комбината шоковое. Цехи страшно запущены, потолки и стены вот-вот обвалятся, грязь чудовищная — ведь комбинат эксплуатировался без передышки аж с 1935 года. При огромной очереди на квартиры жилищное строительство не велось вовсе. Не то семь, не то восемь директоров сменилось за время отсутствия Кузнецова, и в основном посылали сюда неудачников из райкомов и горкомов.

— Но больше всего потрясли меня люди,— рассказывает Петр Леонтьевич.— Представляете, иду по цехам во вторую смену, работают пятьсот — шестьсот человек — и все пьяные. Без одного-двух стаканов самогонки за дело взяться не могли, благо закуска даровая всегда под рукой. Многих я помнил с прежних времен, передовиками были, специалистами прекрасными, а теперь — деградировавшие алкоголики и воры. За голову схватился. Среди алкоголиков — коммунисты, члены парткома. Одну женщину особенно жалко. Кристальной честности был человек, работник безотказный, люди к ней тянулись, в бюро сидела, а мне ее начали в кабинет на руках приносить в невменяемом состоянии. Пошел в цехи, в иные дни по пять собраний проводил, все рассказывал, объяснял, в какую трагедию попали.

С воровством положение оказалось не лучше. Комбинат стоит на окраине города, рядом лес. По ночам, по выходным грабители взламывали замки и решетки, уносили целые туши мяса, колбасу — чуть ли не контейнерами. И живой скот прихватывали, то коней угонят, то овечек — живой шашлык — в ближний лесок уведут. Кузнецов и в милицию обращался, и в органы госбезопасности. Устраивались засады, воров ловили с поличным, но на смену им приходили новые. Иногда наглели настолько, что средь бела дня врывались в цех и, угрожая ножом, брали что хотели.

Разумеется, воровали и свои. По раскладке директора из полутора тысяч работников комбината пятая часть — законченные воры, которых надо судить. Хапают по-крупному, вступая в сговор с воровской мафией. Еще треть берет для знакомых, родственников, нужных людей. Врачу, скажем, услужить, или парикмахерше, или учительнице, у которой ребенок учится. Ну и примерно половина работников тащит только для себя, граммов по триста — на обед. Если все это сложить, считает Кузнецов, то в год получится полтора миллиона рублей убытка.

Решил директор как-то выбираться из воровской трясины. Первым делом занялся вневедомственной охраной, представленной в основном бабушками и дедушками — божьими одуванчиками с семидесятирублевой зарплатой. Попросил помощи у милиции, та отказалась. Зачем ей впутываться, брать на себя материальную ответственность? Слава Богу, вскорости разрешили пользоваться услугами наемной охраны. Дал директор в местной газете соответствующее объявление, пообещав добровольцам квартиры, приличный заработок. Желающие нашлись, целых двадцать шесть человек. Послал их директор в милицию вроде как на стажировку, а там из всей компании только троих признали годными к ответственной службе.

В этот самый момент и переступил порог мясокомбината Владимир Леонов — руководитель только что образовавшегося брянского сыскного бюро «Кодекс», входящего в ассоциацию детективных служб СССР «Алекс». Он предложил как раз то, что надо: команду надежных, отлично подготовленных, не связанных с мясной мафией парней — профессионалов по выслеживанию и задержанию разного рода преступников.

Наивно было бы полагать, что стремление Кузнецова навести порядок осталось не замеченным общественностью. На него посыпались анонимные телефонные звонки с угрозами, гневные подметные письма. На двери кабинета то мелом, то губной помадой выводились устрашающие надписи. Даже мешочек с заговоренным песком подсовывали на рабочий стол. Все без толку. Первого февраля утреннюю смену встречали на проходной комбината незнакомые молодые люди с непроницаемыми лицами и дубинками на поясе.

Как разворачивались события на комбинате дальше, Кузнецов может только догадываться, сам он в это время лежал в больнице. Однако четвертого февраля за ним приехала машина с перепуганным насмерть заместителем: «Одевайся, Петр Леонтьич, народ требует». Площадь перед зданием конторы была запружена людьми, в актовом зале яблоку негде было упасть. Собравшаяся публика сильно нервничала, в раскаленном воздухе, казалось, проносились электрические разряды. Пока Кузнецов шел к трибуне, за спиной раздался жидкий выкрик: «Директора на пенсию!» Но поддержки не последовало.

Посмотрел Кузнецов на сидевших в президиуме членов стачкома и про себя ухмыльнулся: все как один попадались на воровстве. А одна, боевая такая женщина с зычным голосом, с ходу выпалила: «Скажите мне спасибо, если я 200 граммов колбасы украду, чтоб с голодухи ноги не протянуть! Иначе некому будет работать...»

У бастующих оказалось два главных требования. Первое — убрать охрану с проходной. Второе — повысить зарплату до 500—600 рублей в месяц против 170—200 нынешних. Директор согласился вернуть на проходную вневедомственную охрану, а «Кодексу» дать на откуп периметр, то есть забор вокруг комбината. Зарплату решил повысить на тридцать процентов — больше пока не заработали, зато обещал еженедельно давать каждому по 4 килограмма мяса и колбасы. На том и разошлись.

— Вы думаете, я сдался, уступил? Не-е-е... Тактика такая. Нельзя людей резко ломать. Пусть потихоньку привыкают к новым порядкам. Знаете, какие перемены! Раньше наша водолечебница, массажные кабинеты пустовали, потому что в обеденный перерыв никто не раздевался — все мясом украденным перепоясаны были и тряслись, суетились, пытаясь его переправить за территорию. А теперь в бассейне наслаждаются и сами радуются: «Как, оказывается, можно жить...» Я же тем временем потихоньку вернул «Кодекс» на проходную, а вневедомственную охрану убрал.

У Кузнецова грандиозные планы. Он серьезно реконструирует комбинат, возводит новые цехи, закупает зарубежные технологические линии. В недалеком будущем намерен поставить вдоль всего периметра телекамеры, чтобы один человек мог сидеть за пультом и контролировать всю территорию. Готовы вольеры для собак, в заборе заложены все дыры и лазы, поверху протянута колючая проволока в несколько рядов. Директор уверен, что с воровством удастся покончить, главное — не отступать.

ПРАВДА ВТОРАЯ. «КОДЕКС»

— Полтора миллиона рублей убытка, говорите? Интересно, как Кузнецов считал. Вы бы спросили у него: почему же ревизии никогда этой недостачи не обнаруживают? А? Да ему ничего другого не оставалось, как начать бороться с воровством. В 1989 году каждый четвертый на комбинате был задержан с ворованным мясом, 12 человек привлекли к уголовной ответственности. На следующий год осудили 37 человек. А только за два месяца этого года заведено уже 12 уголовных дел. Темпы! Так что лучший способ защиты — нападение, правильную политику Кузнецов избрал.

У местных сотрудников ОБХСС с директором мясокомбината отношения сложные. Не всем нравится его независимый, волевой стиль хозяйствования. Обращение его за помощью в альтернативную сыскную службу кое-кто расценил как прямой вызов милиции, как желание обособиться, выйти из-под контроля. Сколько в городе предприятий — и мелькомбинат, и птицекомбинат, и ликеро-водочный завод. Везде воруют, но там директора никаких экспериментов не устраивают, этот же умнее всех.

Не сказать, чтобы у «Кодекса» с Кузнецовым мгновенно установилось взаимопонимание. Директор смотрит как: кто платит, тот и заказывает музыку. А ему отвечают: «Нет. Быть вашей карманной, домашней охраной не намерены». Вот тебе и раз, на своем комбинате — и не чувствуй себя хозяином. Опять-таки насчет зарплаты. Ребята просят 700 рублей в месяц! Куда это годится, если сам директорский оклад — пятьсот. А люди? Если ж они проведают про такие астрономические суммы, разнесут всех в клочья. Ему опять твердо отвечают: «Мы не имеем права брать ниже расценок, утвержденных в нашей ассоциации. И просим не так-то много, если сопоставить с размерами ущерба от воровства. Мафия нашему охраннику не моргнув глазом штуку в месяц положит, лишь бы пропускал».

Не привык пока наш народ к профессии частного детектива. Подумаешь, велика заслуга — бицепсы качать. О мере риска мы можем судить лишь по суперменам из лихих кинобоевиков. Но то вроде бы как кино, не имеющее ничего общего с реальной жизнью. А она, между прочим, порой не менее захватывающа. На что замахнулись ребята из «Кодекса»? На жалких, пугливых несунов, спрятавших за пазухой батон колбасы? Если бы! Они покушаются на покой и благоденствие целого мира, сложившегося вокруг комбината, связанного с ним сложной системой кровообращения.

Микрорайон, где расположен мясокомбинат, носит название Брянск-2. Это и впрямь как бы другой, второй Брянск, стоящий в стороне от центральных ухоженных проспектов. Здесь сосредоточены предприятия самого разного толка. Но вдохнул жизнь в промышленную резервацию, дал возможность встать на ноги и разбогатеть здешним жителям, безусловно, мясокомбинат. В таком мнении сходятся все.

Когда семьям, проживающим в деревянных развалюхах с удобствами на улице, предложили переехать в новый высотный дом, далеко не все кинулись радостно паковать вещи. Старый дом хоть и махонький, перекособоченный, да стоит впритык к забору мясокомбината. При некотором навыке мясо с территории можно перебрасывать аккуратно на огород, под самые окна. Или лично кто-нибудь в часы обеденного перерыва килограммчик-другой занесет — на сохранение до конца рабочего дня. Не безвозмездно, разумеется. Словом, натуральная мясная «малина» цветет окрест, кто ж променяет ее на скучную праведную жизнь хоть и в благоустроенной квартире, но вдали от заманчивой кормушки! А потом, это только снаружи хибары неказисты, внутри все как полагается, у кого и по пять телевизоров и по десять ковров.

Появление «Кодекса» вызвало тревожное волнение сначала у местных жителей, а постепенно и у всего города. Как же, перекрылся живительный канал, по которому во все концы Брянска распространялся дефицитнейший продукт, он же — самая твердая валюта, на которую можно выменять что угодно; хочешь — дубленку, хочешь — обыкновенную бутылку водки (такса — 5 килограммов или 3 батона колбасы). До смешного доходило. Сидит один из охранников с женой у тещи в гостях. Та на стол накрывает и причитает: «Плохо, совсем плохо стало, детки». Дочка встревожилась, интересуется, в чем дело». «Да как в чем дело! На комбинат каких-то «афганцев»-бугаев нагнали, говорят. Совсем ничего не вынесешь. Мне соседка третий день мяса не приносит — нету. Как дальше будем... Ох, не знаю...»

Ребята из «Кодекса» заранее психологически готовились к холодному, мягко говоря, приему со стороны окружающих. Учились не реагировать на подстрекательские выходки, обидные оскорбления. Но на деле все равно трудно пришлось. Через проходную всякий норовил пройти так, чтоб чем-нибудь да зацепить парней. Один крепко выругается, другой дыхнет в лицо глухой угрозой, третий от недостатка воображения просто язык покажет, рожу гнусную состроит. Из окон цехов стали чем попало бросаться: копытами, костями, ошметками мяса. Или в столовой во время обеда. Другие за десять минут обслуживались, а охранники по часу в очереди проводили — каждый считал делом чести встать впереди них. Когда с подносом шел частный сыщик к столику, кто-нибудь в спину ненароком норовил толкнуть. А что было в тот день, когда директор убрал «Кодекс» с проходной! Словами не передать. Шли колоннами, как на первомайской демонстрации,— с песнями, радостными призывами: «Давай! Не бойсь! Теперь все можно!»

Не только кнутом — пряником тоже на сыщиков воздействовали. Прижимали где-нибудь к стенке и задушевным голосом предлагали прямо сейчас хоть сто пятьдесят, хоть двести за пустяковую услугу — отвернуться в нужный момент. Только и всего! Выпивать предлагали для закрепления дружбы. Советовали подумать о семье, детках малых.

Безрезультатно. Парни марку фирмы держат достойно. По их выправке, по манере ходить крупным, красивым шагом, по стальному блеску глаз понятно: эти ребята в «совковые» игры не играют, они равняются совсем на другие стандарты.

— Я им дал настоящую мужскую работу,— убежден Владимир Леонов, любое слово которого для сотрудников «Кодекса» — приказ.— Знаете, сколько проблем возникает сейчас у «афганцев», у десантников, вернувшихся из армии, у бывших спортсменов? Некуда применить опыт, боевые качества, никому крепкие парни не нужны. Зато преступная среда использует их вовсю, делая рэкетирами, «шашлычниками». «Шашлычники» — это те, что «клиента» вывозят на природу и начинают поджаривать, вымогая деньги... Погодите, вот мы на ноги встанем, формой обзаведемся, рацией. Ребятам ведь важна романтика, внешние атрибуты. Чтоб не закисали на одном месте, будем перебрасывать их с объекта на объект. На мясокомбинате — грязь, сапоги резиновые, а где-нибудь в учре-

ждении будут стоять в галстуке — «проходите, пожалуйста», «будьте любезны, документы»... Мы не можем позволить себе ни малейшей осечки. Вокруг нас ОБХСС дежурит денно и нощно. Чуть кто незаметно кусочек мяса пронесет — шум тут же поднимется: «Кодекс» подкупили!..

ПРАВДА ТРЕТЬЯ. МЯСОКОМБИНАТ

Художник! Если тебе по профессиональной надобности требуется достоверно изобразить ад, но воображение отказывает — отправляйся на мясокомбинат. Это как раз то, что тебе нужно. Не имеет значения, в какой цех ты попадешь — в шкурозасолочный, где свежая вода в стакане мгновенно становится соленой, или в шерстный, где в гудящем пламени раскаленной трубы обугливаются чьи-то конечности, или в убойный, где в луже крови дрыгает ногой лежащая на боку животина с перерезанным горлом, или в клеевой... Впрочем, к клеевому без навыка ты не приблизишься даже, разве что с респиратором... В любом случае, вернувшись из этого мрачного, тяжкого мира назад к солнцу и синему небу, ты ощутишь себя заново родившимся.

— У меня брат на Дальнем Востоке живет. Он думал, мы тут все в белых халатах, на кнопочки нажимаем. Как побывал, жалеть стал, мужу велел, чтоб помогал мне по дому. Смотри — все прогнило, вентиляции нет, зимой работаем с короткими рукавами на каменном полу, в воде. А стоим как? Спина к спине, хотя по правилам расстояние должно быть полтора метра. Мы ж с ножами, пырнуть друг друга нечаянно — пара пустяков. Во, гляди — специальная металлическая кольчуга на груди, на руке тоже... В дырках давно, новых не дают. Ножей — и то нет. Чем работать? Тележки ворочаем по восемьсот килограммов, а колесико заедает, ржавое потому что. Сюда глянь — все руки в порезах, шрамах. Мне тридцать только, а какая я баба, а? Лошадь ломовая, вот кто! Ни один мужик такого не вынесет, точно. У нас через одного бруцеллез. Я вот, к примеру, заслуженный боец скота РСФСР, а сколько имею в месяц? Хорошо, если двести пятьдесят. Нет, я не против «Кодекса» — «Алекса». Нужен, не спорю. Но выходит, они сиднем весь день сидят — и шестьсот получают. А я, значит, за все удовольствия — двести? Как они с нами обращаются, знаешь? Собаками травят, обыскивают, даже в женскую душевую заглядывают, ей-богу, заявляют: мы вам устроим жизнь, как в зоне. Каково? Одна была — надзирательница из женской колонии, прозвище «пилотка». Ух, лютая баба...

Естественно, тянет спросить: зачем же терпеть такие нечеловеческие условия? Почему не уйти в другое место, где полегче, почище? Вопрос ставит в тупик. Многие здесь по двадцать — тридцать лет. Как ни крути, без комбината не проживешь. Загадка — как существуют остальные жители Брянска. По продовольственным карточкам на каждого гражданина в месяц положен килограмм мяса или 800 граммов колбасы, это при условии, что есть время стоять 5—6 часов в очереди. Значит, в год разрешается съесть не более 12 килограммов мяса. Однако, по сводкам облисполкома, потребление мясной пищи жителями города в год составляет 71 килограмм, что всего лишь на три кило меньше медицинской нормы. Занимательная арифметика! Может быть, имеется в виду, что население Брянска, получая в среднем менее 250 рублей в месяц, питается исключительно с рынка, где мясо стоит в лучшем случае 12—15 рублей за килограмм?

На таком выигрышном фоне жизнь на мясокомбинате выглядит очень даже сытной. В неделю дают в четыре раза больше мяса, чем простым смертным по их карточкам за месяц. Так что ответ на вопрос, куда идти работать, ясен и младенцу. Последние год-полтора, когда дефицит на продукты обострился, на предприятия пищевой промышленности города не устроишься — ни одной вакансии, даже конкурс. В то же время кое-какие комбинаты, камвольный, например, на грани закрытия — не хватает рабочих рук, особенно после того, как уехали вьетнамцы.

— Хотите, я вам правду скажу? Только не выдавайте, ладно? Все мы тут воруем, все до одного. В последнее время дошли уже до точки. Идут — из них прямо сыплется. Куда, спрашиваю, столько прешь? У тебя трехкомнатная кооперативная квартира, у детей тоже и квартиры, и мебель. Зачем? Не могу, отвечает, кровь у меня заговоренная, если в день не украду на тридцать рублей — не уйду. До десяти вечера, бывает, сидят в раздевалке, выжидают, чтоб все разошлись. И я таскаю, что вы думаете. У меня специальный кармашек в сумке. Потайной. Граммов на триста мяса рассчитан. Много брать стыдно. Я тут уже три с лишним десятка лет работаю. Раньше, честное слово, совсем не воровали. В начале шестидесятых. Знаете, какой-то энтузиазм был. Веселыми, счастливыми были, верили, что живем лучше всех. Все делали дружно, коллективом. Потом веселье начало убавляться. Постепенно. Увлеклись, знаете, всякими днями рождения, праздниками, юбилеями. Прямо в цехе. На неделе, бывало, по два-три раза когонибудь чествовали, конечно, со спиртным. Но странно, пьем вроде все больше, а радости все меньше. Растерянность появилась, жить стали как бы по инерции. Почему так, а? Молодежь совсем другая. Они не раздумывают: воровать — не воровать. Я их не осуждаю, нет. У них потребности другие, жить теперь так сложно... А цены на мясо растут быстро. Торговля идет прямо в цехе. Говядина — 3 рубля, свинина — 4 рубля, колбаса по пятерке. Как рассуждают: можешь украсть на своем рабочем месте — хорошо. Нет такой возможности — покупай у своих же. Потом голову ломай, как вынести. Ропщет теперь народ — «алики» эти сильно мешают. Но забастовку не одобряю. Надо привыкнуть не воровать, и все. И работать честно. Всю жизнь работе отдала — и не жалею. Для людей же все...

В Брянске о забастовке говорили все. Местные газеты — и правые и левые — на сей раз сошлись в оценке события. В редакции пошли письма.

«Я пенсионер, инвалид второй группы, существую на пенсию в 95 руб. 50 коп. Вот я и думаю, что забастовку объявили не рабочие, а хапуги. Им мало своей дармовой столовой, им мало того мяса, что выписывают, им еще дай стащить для усиленного питания. Извините, но у вас вместо рабочей совести да нормальных человеческих мозгов — свиной жир». Подпись неразборчива.

«Многие работники мясокомбината живут на широкую ногу за счет народного трудового добра. Воруют не граммами, а килограммами. Мы их точно знаем, так как покупаем у них мясо, колбасу. Нам, рабочим промышленных предприятий, непонятно поведение директора П. Л. Кузнецова, почему он пошел на уступки ворам, сняв охрану с проходной? Товарищи рабочие мясокомбината! Не считайте, что у вас условия труда самые плохие. Они и у нас не из легких, и зарплата не выше. Бастовать и требовать зарплату в 600 рублей — это чрезмерно, лучше бы крепить трудовую и производственную дисциплину. Подписей собрать можно сколько угодно. От имени рабочих писали Н. Ястребов, Н. Полехин, В. Салодухин, А. Щербаков, Л. Астахов».

«До войны и после войны, если рабочего задержали на проходной с болтом, то отвечай по всей строгости закона, и пусть рабочие мясокомбината говорят спасибо Кузнецову, что он к ним никаких мер не применяет. Слово «вор» звучит громко, начальство придумало слово «несун». Звучит мягко и безнаказанно. Если рабочим мясокомбината тяжело и не могут они работать за 260 рублей, пусть уходят с производства, но не смей воровать. Всех рабочих, пойманных в воровстве, увольнять и дело передавать в следственные органы. За четыре килограмма мяса любой честный человек придет и будет работать, не воруя. И. Желдонов».

— Клав... Слушай, Клав, что ты время тратишь на этих корреспондентов? Ну и что, что из Москвы. Мало нас уже позорили?.. Да, жди! Напишут они тебе правду... Ну и что, что сами все видят... Нет, не верю. Хватит, Клав... Уймись, все равно не объяснишь. В общем, мы решили ничего не рассказывать, поняла? А то воры, воры... Одна несправедливость.

ПРАВДА ЧЕТВЕРТАЯ. ВСЕ МЫ

К казенному имуществу в России всегда относились своеобразно. Говорят, что во время Крымской войны Николай I сказал в сердцах наследнику: «Мне кажется, что во всей России только ты да я не воруем». Оснований для такого вывода у самодержца было предостаточно. Народная мораль всегда строго делила собственность на свою или своей крестьянской общины и чужую. С последней обращались весьма либерально. Полистайте классиков. Самовольные вырубки в господском лесу, потрава чужих лугов, тайная ловля рыбы и охота в запретном месте — все это не преступление, скорее доблесть, невинная шалость. Наступив на горло собственному патриотизму, приходится признать эту колоритную черту русского народного характера.

Бог весть что сокрыто в глубинах славянской души, немало умных людей бьется над этой загадкой. Быть может, удачнее других постиг сию тайну Бердяев, рассудив: «У русского человека недостаточно сильно сознание того, что честность обязательна для каждого человека, что она связана с честью человека, что она формирует личность. Нравственная самодисциплина личности никогда у нас не рассматривалась как самостоятельная и высшая задача».

Что верно, то верно. С личностью у нас вечно проблемы. Еще со времен татаро-монгольского ига и крепостного права. Рачительность и предприимчивость, ведущие к умножению личного достатка, а стало быть, и самоуважения, у нас упорно не приживались. Всегда находился кто-нибудь, отнимающий накопленные крохи. Сначала забирали без объяснений. Чем дальше, тем больше появлялось всяких придуманных слов: «экспроприация», «раскулачивание», «ликвидация частной собственности», «обобществление». Поколение за поколением привыкли жить в необременительной легкости, когда за душой ничего нет и терять абсолютно нечего. Кроме, правда, цепей, являющихся единственным личным имуществом.

Только вот ведь какой промах случился. Изничтожив на корню само понятие личной собственности во имя собственности общей, люмпенизированный до крайности русский народ ничего осязаемого в свои руки так и не получил. Оказывается, ограбить сытых — еще не значит накормить голодных. Вместо многих частных собственников появился один сверхсобственник — социалистическое государство. Так называемое народное добро, по-прежнему не принадлежащее труженику, ничем в принципе не отличается от прежнего господского, то есть чужого добра. А про отношение в России к чужому добру смотри выше...

Вопрос о приватизации — главный вопрос сегодняшнего дня. Будет он решен — у нас появится шанс выйти на столбовую дорогу цивилизации. Но посмотрите, как яростно защищает власть свое монопольное право и дальше держать всех нас в нищете. Голодный, нищий человек — существо управляемое, безропотное. Ленин не уставал повторять своим соратникам: «Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины».

Что ж, ленинский завет с честью выполнен. Огромная, богатая страна живет по карточкам. Дабы мысль трудящегося не устремлялась дальше собственного желудка и не расходовал он свои душевные силы на постороннюю, неподконтрольную деятельность, добывание хлеба насущного становится для него все более тяжелым делом. Каждый день он должен мучительно думать, как растянуть положенный килограмм мяса на месяц.

И государству, и трудящемуся ясно, что на такие нормы прожить невозможно. И государству, и трудящемуся ясно, что придется прихватывать на стороне. Даже школьники младших классов раньше пионерской клятвы познали житейскую мудрость: «Не крадет лишь тот, у кого нет возможностей». Негласно нам позволяют заниматься мелкими хищениями соцсобственности, общественное мнение снисходительно к несунам, такое поведение граждан считается у нас вполне естественным.

Но только не подумайте, что здесь проявляется сострадание власть имущих к незавидной доли сограждан. Просто нас выгодно опутывать поголовным воровством, сковывать гаденьким страхом мелкого жульничества. Жалкий воришка, спрятавший в карман казенный гвоздь, кусок мяса, бутыль со спиртом, будет сидеть тихо, как мышка, не высовываясь. Еще и счастлив будет, что заполучил хоть что-то, недоступное соседу...

Так как же мы будем жить дальше? По-прежнему упиваясь тихой радостью неуличенных воришек?

ПОПУЛЯРНОСТЬ БЫВАЕТ РАЗНОЙ...

Итоги мартовского опроса Службы изучения общественного мнения VP (руководитель — профессор Б. А. Грушин)

1. Процедура опроса

Опрос проводился по телефону с 15 по 25 марта. Всего было опрошено 727 (из 750 предусмотренных выборкой) лидеров общественного мнения, принимающих активное участие в формировании и выражении взглядов населения нашей страны. Важная особенность исследования состояла в том, что в нем выяснялось не личное отношение респондентов к предложенному списку деятелей, а оценка ими преобладающих в обществе мнений на этот счет. Более подробно с процедурой опроса можно познакомиться в №№ 8 и 12 журнала за текущий год.

2. Результаты опроса

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных людей привлек к себе наибольшее внимание населения?» (в % к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1.	Павлов В. С	— 40
2.	Горячева С. П.	— 20
3.	Назарбаев Н. А.	— 18
4.	Хасбулатов Р. И.	— 6
5.	Бессмертных А. А.	— 3
6.	Лукьянов А. И.	— 2
7.	Травкин Н. И.	— 1,4
8.	Полозков И. К.	— 0,8
9.	Примаков Е. М.	— 0,7
10.	Губенко Н. Н.	— 0,4
	Другие ответы	— 4
	Затруднились ответить	— 3
	Отказались отвечать	— 0,7

Итак, с третьего места (после Б. Н. Ельцина и А. Г. Невзорова) в февральском опросе В. С. Павлов переместился на первое (правда, в ином списке претендентов). Это естественно. Показав себя не только активным интерпретатором и исполнителем, но и инициатором многих президентских указов, Премьер-министр далеко вышел за рамки экономики и активно вторгся в политическую жизнь страны. Главное здесь, конечно,— его ведущая роль в повышении розничных цен, которое в народе все чаще называют «павловским». Важная деталь — имя В. С. Павлова упоминается приблизительно с одинаковой частотой представителями всех опрашиваемых групп, начиная с народных депутатов СССР (39%) и кончая журналистами и деятелями культуры (49%).

Совершенно иной, если можно так выразиться, «сиюминутный», «конъюнктурный» характер имеет популярность С. П. Горячевой. Она впрямую связана с политическим заявлением 6 членов Президиума ВС РСФСР, содержащим резкую критику Б. Н. Ельцина. Не случайно это имя чаще других называется как раз народными депутатами РСФСР (36%).

Наконец, третье место Н. А. Назарбаева отражает, вероятно, интерес к проводимому им в Казахстане курсу политических и экономических реформ. Неспроста его имя значительно чаще других называют представители высшей исполнительной власти России (35%), для которых действия Н. А. Назарбаева — один из возможных вариантов практического решения республиканских проблем.

Ответы на второй вопрос — «Как сказались минувшие события на авторитете В. С. Павлова (С. П. Горячевой, Н. А. Назарбаева) — он значительно повысился, несколько повысился, не изменился, понизился или значительно понизился?» (в % к числу отвечающих):

	В. С. Павлов	С. П. Горячева	Н. А. Назарбаев
отвечали на вопрос:	291	146	129
значительно повысился	3	18	49
несколько повысился	15	14	43
не изменился	15	9	5
понизился	34	19	1
значительно понизился	30	34	1
затруднились ответить	3	6	1

Комментарии к этим данным, как говорится, излишни. В. С. Павлов хотя и был назван главным героем марта, но его популярность имеет ярко выраженный негативный оттенок. Также больше противников, чем сторонников, приобрела своими действиями С. П. Горячева, и лишь Н. А. Назарбаев, безусловно, повысил свой авторитет. При этом представители различных групп опрашиваемых были довольно единодушны в своих оценках авторитета В. С. Павлова и Н. А. Назарбаева: в первом случае — отрицательных, во втором — положительных. Единственное исключение — респонденты, представляющие исполнительную власть СССР: 55% из них считает, что авторитет В. С. Павлова так или иначе повысился, и лишь 19% — что он понизился. По-видимому, этой категории опрашиваемых было трудно забыть о своей ведомственной принадлежности и отвлечься от личного мнения.

Нечто похожее прослеживается и в оценках авторитета С. П. Горячевой. Ответы респондентов отчетливо воспроизводят ситуацию противостояния союзных и республиканских законодательных органов: если среди народных депутатов и членов ВС СССР положительные оценки преобладают над отрицательными (60% против 33%), то среди народных депутатов и членов ВС РСФСР лишь 11% считают, что авторитет С. П. Горячевой у населения повысился, тогда как 75% — что он понизился, и зачастую значительно.

ПРЕСС-СЛУЖБА VP

Фото Александра НАТРУСКИНА

ВАЛЕНТИН ПАВЛОВ: «ОТОЙТИ ОТ КРАЯ ПРОПАСТИ — ДОСПОРИТЬ МОЖНО ПОТОМ»

Отдаю себе отчет, что признание человеком месяца — это, несомненно, популярность, но необязательно успех. В моем случае популярность скорее не позитивная. Что ж, это неудивительно. В момент, когда хирург режет нарыв, чувства к нему не самые теплые. А если еще перед операцией знакомые уверили, что он наверняка будет резать не то и не так, то тем более. Хирургу благодарны обычно потом, когда нарыв прошел и угроза заражения крови уже миновала. И даже в этот момент можно человека сбить с толку, убеждая его, что резали зря, надо было просто мазью помазать и т. д.

Эту длинную аналогию я привел к тому, что социологам известно, как формируется общественное мнение. Я попросил проанализировать отношение прессы к Кабинету в первые месяцы его деятельности. Оказалось, что практически все популярные издания, не дожидаясь каких-либо конкретных шагов и результатов, заняли однозначную и абсолютно отрицательную позицию по отношению к Кабинету и его Премьер-министру. То есть, как говорится, с порога была отвергнута возможность сотрудничества или конструктивной оппозиции. Хочу надеяться, что тяжесть ситуации, в которую попала страна, общая ответственность за будущее людей приведут к уходу с позиций конфронтации. Предложение выступить в «Огоньке» я рассматриваю как конкретный шаг в этом направлении.

Зачастую новый Кабинет Министров воспринимается как продолжение действий прежней системы, но это не так. Входя в состав предыдущего Правительства, многие из нас неоднократно предлагали меры, которые сейчас выдвигают представители различных общественных движений и политических направлений. Я, например, еще в 1986 году выступал с предложениями о реформе цен, введении

параллельных денег, осуществлении радикальных шагов в земельной реформе. Тогда меня не поддержали даже те, кто сейчас включил это в свои программы и претендует на авторство.

Три месяца назад Кабинет приступил к своим обязанностям в чрезвычайных условиях все нарастающего кризиса. Экономический и политический кризисы, взаимодействуя, усиливают друг друга. Необходимо отойти от края пропасти, чтобы на дне ее не оказались и мы, и наши дети,— доспорить можно потом.

Предотвратить катастрофу, стабилизировать социально-экономическое положение и вывести страну из кризиса можно только на основе реалистической оценки положения, принятия всесторонне продуманных и решительных мер, восстановления правопорядка в обществе, объединения усилий всех республик и регионов страны, создания на новой основе единого экономического пространства.

В печати будет опубликована антикризисная программа Кабинета Министров, и, видимо, нет необходимости ее излагать. Хочу лишь остановиться на принципиальных моментах наших подходов к ее разработке. Работая над проектом программы, мы старались максимально учесть уроки прошедшего периода перестройки, все здравые идеи и конструктивные предложения, независимо от идеологических, религиозных и иных убеждений их авторов, их постов или известности в стране. Мы берем все рациональное как из программ предыдущего Совета Министров, так и из документов и материалов республик, различных общественных движений, групп и отдельных лиц — А. Сахарова, А. Солженицына, Н. Назарбаева, Г. Явлинского, С. Кургиняна, Т. Корягиной и многих других.

Я хочу обратить внимание на важное обстоятельство: построение желаемого будущего и прохождение самого тяжелого этапа кризиса — две разные, но связанные между собой задачи. То, что является желательным и даже необходимым в будущем, может оказаться губительным в условиях кризиса, и наоборот.

Это должна быть программа именно выживания. Потому что мы не считаем возможной такую плату за гипотетическое будущее, как гибель от суровых условий жизни малоимущих и неприспособленных, невозможность воспитывать и обучать своих детей и недоступность для них других жизненно важных возможностей в нашем обществе. Каждая семья должна иметь необходимый минимум для гарантированного выживания, а остальное зависит от ее трудолюбия и предприимчивости.

Должна быть активизирована вся трудоспособная часть населения, для чего надо создать возможности и снять ограничения на разнообразную деятельность. Ограничена она должна быть только по самым опасным направлениям. Это те направления, которые могут привести в реальных условиях нашего общества к пренебрежению абсолютным приоритетом — правом на жизнь.

Кабинет Министров как «правительство выживания» не допустит голода и для этого использует все свои полномочия независимо от предварительного согласия кого бы то ни было. Мы имеем реальные возможности защиты жизненных потребностей населения.

На первом этапе приоритетная цель — выход из кризиса, обеспечение выживания. Поэтому любые экономические программы должны рассматриваться с точки зрения того, не угрожают ли они «витальной» (минимальной) корзине, и только после этого должны решаться вопросы об их поддержке.

Одним из источников финансирования может стать пресечение крупных непродуманных проектов. В начале перестройки общественность подвергла критике одну из таких программ (проект «поворота рек» Минводхоза), превратила дискуссию в шумный политический процесс и добилась прекращения работ. На этом дело и кончилось, хотя практически каждое министерство лелеяло сходный по замыслу «проект века». Бюрократизированные ведомства-монополии породили особую культуру и особый стиль мышления, которые отразились на крупных программах, запланированных в последние десятилетия. Как правило, они игнорируют реальные природные, социокультурные условия, в которых будут осуществляться, и исходят из предположения, что все можно «продавить» приказами и затратами. Систематической ревизии всех этих проектов проведено не было. Необходимы их немедленная экспертиза, общественный мониторинг и ликвидация «черных дыр», поглощающих ресурсы страны.

В условиях острого кризиса необходимо создать автономную систему производства продовольствия и жизненно необходимых товаров для самообеспечения и обмена. В этом смысле земельная реформа сегодня — это основа выживания и возможность перехода к новому качеству жизни. И я разделяю высказанную недавно А. Собчаком мысль, что именно с земельной реформы следовало бы начинать реконструкцию экономики. Это поразительно «человекоемкая» область. Большая часть населения страны готова к той или иной форме повторного освоения своей земли. Этот аккумулятор (резервная емкость занятости), подготовленный вовремя, снял бы проблемы, порождаемые реформами в промышленности, затем в сфере управления, науки, обороны и других государственных структур.

Вопрос о земле — извечный и коренной вопрос любого общества — особенно важен для нашей страны, где большинство населения имеет глубокие корни в крестьянской культуре. Духовная и государственная сущность земельного вопроса в России отражена в многочисленных публикациях русских ученых, религиозных философов, публицистов и писателей как старого, так и нового времени. Эти идеи не устаревают. Они позволяют понять, чем является земельная реформа для нашего общества и как она должна быть проведена с тем, чтобы стать сейчас основой выживания и развития. В этом качестве она должна представлять собою двухзвенный процесс: срочный и перспективный.

Должны быть обеспечены множественность форм собственности на землю, признаваемых народом, и безразрывное их «взаимоперетекание» на основе его волеизъявления. Я убежден, и это подтверждает анализ, что в ближайшие годы только колхозно-совхозная система способна обеспечить страну хлебом, хотя бы по минимуму. Наряду с этим необходимо обеспечить всемерную и всестороннюю поддержку «фермерскому» хозяйствованию.

Срочно, уже этой весной, необходимо принять (и уже принимается) ряд мер, не связанных с необратимым решением о денационализации земли, но позволяющих соединить землю с трудом для тех, кто хочет ее обрабатывать. Здесь я бы назвал, во-первых, увеличение размеров приусадебных участков колхозников и рабочих совхозов, предоставление таких участков всем желающим жителям сельской местности. Во-вторых, выделение всем желающим городским жителям земельных участков для посадки овощей и картофеля, обеспечение потребкооперации фондами на горючее для оказания помощи в уборке и транспортировке урожая и реализации излишков продукции на коммерческой основе, а также снятие всяких препятствий перед заготовителями, посредниками и переработчиками. Словом, должен действовать единственно разумный принцип «лишь бы не пропало, а на стол попало». Эти меры были еще в 1987 году, к сожалению, потом об этом забыли, а ведь их надо двигать, но не за счет разрушения колхозно-совхозной системы.

Однако есть и принципиальный вопрос — собственность на землю. Мое глубокое убеждение состоит в том, что его следует отложить до выхода из ситуации острого кризиса и снятия нынешней эмоциональной напряженности, признав заранее, что все известные варианты решения вопроса разумны и могут быть приняты для обсуждения. Решаться же вопрос должен в соответствии с экономическими, социальными, культурными и религиозными условиями каждого региона и каждого народа. Неверное и поспешное решение может только углубить кризис.

Разгосударствление может касаться только государственной собственности. Закрепленное в Конституции СССР и в сознании народа положение об общенародной собственности на землю делает незаконной продажу земли отдельным лицам. Необходимо подтвердить право каждого гражданина на землю. Ущемление этого права в азарте реформ в будущем чревато тяжкими социальными конфликтами.

В процессе перестройки наметились интересные решения и на перспективу. Такова концепция, согласно которой горожанам предоставляется право одновременного проживания за чертой города и владения землей, с тем чтобы желающие в необходимой им форме и степени могли вести сельское хозяйство. Эта тенденция устойчиво обозначилась на Западе, и огромное стремление следовать ей есть и в нашей стране.

Основные позиции по этому вопросу ясны, поддаются расчету с достаточной для практических целей точностью. Кроме экономического (включая продовольственный) эффекта, это дает ключ к решению демографических проблем, проблем семьи, трудового воспитания детей, нравственности и духовности, стариков, здоровья, отдыха и др. Эта программа может быть поставлена на обсуждение и частично даже начата. Но масштабное ее исполнение требует решить ряд земельных вопросов (кадастр, нормирование удельных участков, оформление и т. д.) и быстро создать структуру производства строительных материалов — кирпичных, кровельных, деревообрабатывающих заводов. Здесь широкое поле деятельности для предпринимателей и частного капитала, так же как и в реализации сельскохозяйственной продукции и особенно в ее хранении.

Такого же взвешенного подхода требует начавшаяся приватизация. Раздел собственности нельзя производить в условиях угрожающего жизни кризиса и расщепленного общественного сознания. Эту акцию надо проводить только в интересах всего народа, не ущемляя прав ни одного гражданина страны, ни одной матери-одиночки, какой бы «социально слабой» она ни казалась.

В этой связи остановлюсь на одном моменте из моего интервью газете «Труд», которое подверглось массированной критике. Я имею в виду соотношение пропорций развития промышленности групп А и Б в нашей экономике. Убежден, в сегодняшней нашей экономике должны действовать ориентиры реальной жизни, а не экономических теорий. Нужно понимать, что пока еще именно группа А обеспечивает у нас основные жизненные блага. Тепло и свет, жилье и водопровод, дорога в райцентр, больница, пассажирский транспорт, трактор для колхоза и фермера, база фармацевтической промышленности — все это группа А. И это, по мнению критиков, не должно иметь приоритета в нашем бедственном положении?

Другое дело, что по мере выхода нашей экономики из кризиса ее социальный поворот должен действительно означать резкое увеличение производства сложной бытовой техники, видеомагнитофонов, легковых автомобилей — иными словами, всего того, что составляет сегодня потребительский стандарт населения промышленно развитых стран мира.

Важнейшим событием марта стал референдум о будущем нашего Союза. Его итоги известны, в нем народ подтвердил свою государственно-историческую и духовную сущность. Россия, как называют СССР за рубежом и сейчас, никогда не была только географическим понятием. Это живое историческое тело, сформировавшееся и устоявшее именно таким, какое оно есть, вовсе не случайно или по чьей-то прихоти. Она продукт длительного и сложного взаимодействия русского народа с окружающими его народами и нациями и географической средой. Россия — это одновременно и Европа, и Азия. Обе компоненты в ней есть — и европейский динамизм, и азиатский традиционализм (консерватизм).

Россия — категория мирового значения в культуре и духовной жизни человечества, мировой центр православного христианства, уже более 1000 лет утверждающий на земле величие человеческого духа. На просторах России веками существует и исламская культура. Взаимотерпимость позволяла и позволяет христианам, мусульманам, иудеям и другим верующим соблюдать свои обряды, воспитывать в соответствии с ними своих детей. Все народы, которые приняла Россия, она сохранила — не исчез ни один из них, в том числе те, про которые можно сказать, что они неизбежно исчезли бы вне семьи российских народов.

Новый синтез религии, искусства и науки известен на Западе как феномен русского космизма. В творчестве Н. Федорова, П. Флоренского, В. Вернадского, не вполне освоенного нами К. Циолковского воплощены новый порыв в будущее и стремление объединить усилия всех наших народов.

Россия, и в этом ее историческая и культурная уникальность, как признается многими в мире, сформировалась как сообщество наций и народностей, которых история, общая судьба неразрывно связала друг с другом в единую историческую общность. Недавно мне попала в руки книга Н. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения». Для меня было интересно узнать, например, о великих русских литераторах, чьи предки были татарами: Г. Державин (род Багировых и Нарбековых), Н. Карамзин, П. Чаадаев (потомок одного из полководцев Чингисхана — Чагадая), И. Тургенев, Л. Толстой (потомок Идриса), А. Куприн, Н. Бердяев (из рода Кудашевых), М. Булгаков, А. Ахматова (потомок того же Чагадая). После этого можно вспомнить величайшего русского поэта, который в своих предках указывал русского Пушку, негра Ганнибала и татарина Раджу. Дополнять ли список этих «русских татар» «русскими евреями» — И. Левитаном, О. Мандельштамом, «русскими немцами» — В. Далем, В. Энгельгардтом, А. Бергом и т. д.? Вспомнить ли о русско-грузинском герое Багратионе, о героях Великой Отечественной войны?

Жизнь убедительно учит нас тому, что человек и общество, не имеющие нравственных устоев, очень быстро становятся нежизнеспособными. Неправильно было бы не видеть и не придавать значения тому факту, что именно потеря духовности, а не только экономический и политический кризисы, является глубинной причиной той розни, злобы, лжи, корысти, которые сегодня грозят жизни нашего общества, наших народов и государства. Мы должны мобилизовать все силы для духовного исцеления. Нужно обратиться к тем историческим корням, которые с древности питали нас и помогали побеждать вражду.

Мы должны сделать все, чтобы преодолеть этот кризис. Уверен, что сегодня жизненно важно уйти от противостояния, когда одни не хотят поступаться старыми принципами, другие стремятся силой опять навязать всем свои новые принципы. Главное сегодня — это реализм, дело и ответственность за судьбу страны и народа.

Виктор Михайлович Чернов, лидер эсеровской партии, председатель Учредительного собрания, написал эту статью в эмиграции сразу же после смерти Ленина. Напечатанная в англоязычном журнале «Форин Афферс» (буквально «Иностранные дела»), она, на наш взгляд, представляет интерес и для нынешнего советского читателя как свидетельство политического соперника. За неимением русского текста публикуем ее в обратном переводе с английского.

Виктор ЧЕРНОВ

ЛЕНИН ГЛАЗАМИ СОПЕРНИКА

Ленин умер — на этот раз умер физически, так как духовно и политически он мертв уже по крайней мере год. У нас выработалась привычка говорить о нем как о явлении прошлого, и поэтому писать о нем беспристрастно труда не составляет.

Ленин был великим человеком. Не только величайшим человеком в своей партии — он был ее некоронованным королем, и притом заслуженно. Он был ее головой, ее волей, можно бы даже и сказать, ее сердцем, если бы он сам и эта партия не приняли обязательства быть бессердечными. Ленин обладал мощным, но холодным интеллектом. Интеллектом ироничным, саркастичным, циничным. Для него ничего не было хуже сентиментальности. Это слово всегда оказывалось у него наготове по отношению к любым моральным и этическим соображениям в политике. Для него все это было чем-то несерьезным — лицемерием, «поповской болтовней». Политика означала стратегию и больше ничего. Стремление к победе — единственная заповедь. Воля к власти и бескомпромиссной реализации политической программы — вот единственная добродетель. Колебание — вот единственное преступление.

Говорят, что война — это продолжение политики другими средствами. Ленин, несомненно, перевернул бы эту формулировку и сказал бы, что политика является продолжением войны, но в другой форме. Самым существенным влиянием войны на сознание человека является легализация и освящение вещей, которые в мирное время являются преступлением. На войне превращение цветущего края в пустыню является только тактическим приемом, грабеж превращается в «реквизицию», обман — в военную хитрость, готовность пролить кровь брата выглядит проявлением военного рвения, бессердечность по отношению к жертвам — похвальным самообладанием, безжалостность и негуманность становятся обязанностью. На войне все средства хороши и лучшими являются как раз те, которые наиболее осуждаются в обычной человеческой практике. И поскольку политика является замаскированным продолжением войны, правила войны превращаются в принципы политики.

Ленина часто обвиняли в том, что он не был и не хотел быть «честным противником». Но для него само понятие «честный противник» представлялось абсурдом, предрассудком ограниченных людей, чем-то таким, что можно время от времени использовать в собственных интересах. Однако воспринимать это всерьез просто глупость. Защитник пролетариата должен отбросить всякую щепетильность в отношении врагов. Обманывать врага сознательно, клеветать на него, очернять его имя — все это Ленин рассматривал как нормальные вещи. Он провозглашал их с жестокой циничностью. Совесть Ленина заключалась в том, что он ставил себя вне рамок человеческой совести по отношению к своим врагам. Таким образом, отказываясь от всяких принципов честности, он оставался честным по отношению к самому себе.

Будучи марксистом, он верил в «классовую борьбу». По его мнению, гражданская война является неизбежной кульминацией классовой борьбы. Можно даже сказать, что для него классовая борьба являлась лишь зарождышем гражданской войны. Разногласия в партии, серьезные или пустяковые, он всегда пытался объяснить как эхо классовых антагонизмов. Он стремился избавляться от нежелательных элементов, изгоняя их из партии, и, делая это, он «честно» прибегал к самым низким средствам. В конце концов разве не является разнородная партия недопустимым конгломератом антагонистических классовых элементов? А с антагонистическими классовыми элементами следует обращаться по принципу «на войне как на войне».

Вся его жизнь прошла в расколах и фракционной борьбе внутри партии. В результате в нем сформировались качества непревзойденного гладиатора, профессионального борца — в каждодневной тренировке, в постоянном придумывании новых уловок для того, чтобы обвести противника или выбить его из игры. Именно эта продолжавшаяся всю жизнь тренировка давала ему потрясающее хладнокровие, присутствие духа в любой мыслимой ситуации, непоколебимую веру в то, что он всегда так или иначе «выкрутится». Будучи по природе своей человеком, преданным одной цели и обладающим мощным инстинктом самосохранения, он без труда мог провозгласить: «Верую, ибо абсурдно»,— и очень походил на любимую русскую игрушку ваньку-встаньку. После каждого провала, сколь бы позорным и унизительным он ни был, Ленин немедленно поднимался и вновь принимался за дело. Его можно уподобить стальной пружине, которая распрямляется с тем большей силой, чем сильнее ее сжали. Он был стойким партийным лидером. Подобные лидеры нужны для того, чтобы воодушевлять соратников по партии и предотвращать панику примером безграничного самообладания, а также для того, чтобы привносить трезвость в периоды излишней экзальтации, когда, как он любил говорить, легко впасть в «чванство», почивая на лаврах и недооценивая подстерегающие в будущем опасности.

Именно приверженность одной цели являлась тем, что более всего внушало уважение его последователям. Много раз, когда Ленину удавалось выжить только благодаря просчетам его противников, это объясняли его несгибаемым оптимизмом. Часто это была слепая удача, но тогда удача обычно приходит к тем, кто знает, как продержаться в периоды неудач. Многие быстро сдаются. Они не хотят тратить силы на бесполезные попытки. Они благоразумны, и именно этот здравый смысл отпугивает удачу. С другой стороны, есть некий высший здравый смысл в человеке, который тратит последние капли своей энергии, несмотря на то, что все против него — логика, судьба, обстоятельства. Этим «иррациональным здравым смыслом» природа наделила Ленина в избытке. Благодаря такому упорству он неоднократно спасал партию в ситуациях, которые казались безнадежными. Массы воспринимали это как чудо и приписывали его особому ленинскому таланту прорицания. Однако как раз именно способности к предвидению ему не хватало. Прежде всего он был мастером фехтования, а фехтовальщику нужно совсем немного способности к предвидению и совсем не нужны сложные идеи. Фактически ему не нужно слишком много думать: следует сосредоточиться на каждом движении противника и управлять собственной реакцией со скоростью врожденного инстинкта для того, чтобы без малей-

шего промедления отвечать на каждое движение врага.

Интеллект Ленина был острым, но не широким, находчивым, но не творческим. Мастер оценки любой политической ситуации, он мгновенно осваивался в ней, быстро оценивал все ее новые повороты и проявлял недюжинную политическую сообразительность. Это совершенное и быстро срабатывающее политическое чутье резко контрастирует с абсолютно необоснованным и фантастическим характером всех исторических прогнозов, которые он делал на сколько-нибудь продолжительный срок, — любой программы, охватывающей нечто большее, чем сегодня и завтра.

Аграрная программа, разработанная им в девяностые годы для социал-демократической партии, провалилась полностью, что, однако, вовсе не помешало ему поспешно заимствовать аграрные лозунги социал-революционеров, с которыми он ранее с большим усердием боролся. Его конкретные планы атак были чрезвычайно практичны; однако его грандиозные планы действий после победы, которые должны были охватывать целые исторические периоды, распадались при первом соприкосновении с реальностью. Его «ближнее политическое зрение» было непревзойденным, «дальнее политическое зрение» всегда подводило.

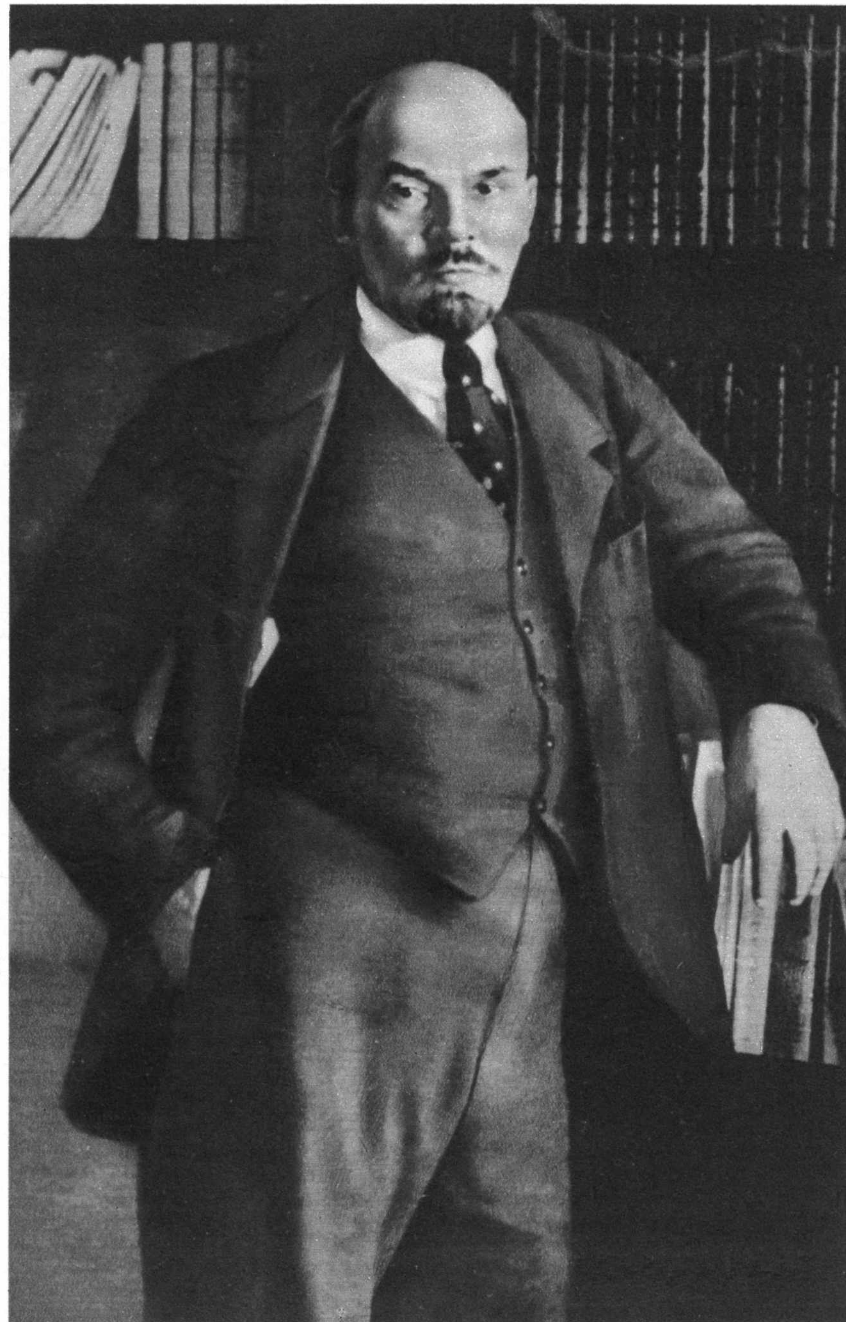
Как человек, у которого «истина в кармане», он не ценил творческие усилия других людей, не уважал чьи-либо убеждения, ему была чужда восторженная любовь к свободе, которая присуща независимому творческому духу. Напротив, он исповедовал чисто азиатскую концепцию монополии на печать, слово и мысль, закрепленной за единственной привилегированной кастой, следуя в этом мифическому мусульманскому изречению о том, что если Александрийская библиотека содержит те же вещи, что и Коран, то она бесполезна, а если другие, то вредна.

Ленину было абсолютно отказано в творческом таланте, он был только умелым, ярким и неутомимым проводником в жизнь теорий других мыслителей, обладал настолько узким мышлением, что можно было бы говорить об ограниченности его интеллекта. Однако в этих рамках он был способен на проявление силы и оригинальности. Его сила заключалась в необычайной ясности, можно даже сказать, прозрачности построений. Он следовал своей логике неуклонно, доводя дело до абсурдных заключений, не оставляя ничего расплывчатого или необъясненного, за исключением тех случаев, когда этого требовали тактические соображения. Идеи формулировались предельно просто и конкретно. Это наиболее очевидная черта ленинской риторики. Он никогда не был блестящим оратором. Часто был грубым и неуклюжим, особенно в полемике, где он постоянно повторялся. Однако именно эти повторы составляли его систему и силу.

За бесконечным пережевыванием и нескладными шутками скрывалась живая, несгибаемая воля, ни на дюйм не отклоняющаяся от избранного пути; это было упорное давление, гипнотизирующее аудиторию своей монотонностью. Одна и та же мысль повторялась несколько раз в различных формах до тех пор, пока тем или иным путем не проникала в сознание каждого. Затем подобно тому, как капля точит камень, постоянное повторение внедряло эту идею в интеллект слушателя. Немногие ораторы умели достигать подобных результатов путем повторов.

Кроме того, Ленин всегда чувствовал свою аудиторию. Он никогда не поднимался слишком высоко над ее уровнем, однако и опускался до него лишь в те моменты, когда это было необходимо для того, чтобы не нарушить непрерывность гипнотического состояния, контролирующего волю его паствы. Более чем кто-либо он осознавал, что толпа требует, чтобы ее погоняли и пришпоривали, она хочет чувствовать твердую руку хозяина. Когда было надо, он говорил как правитель, осуждая и подстегивая свою аудиторию. «Он не оратор — он больше чем оратор», — заметил кто-то, и это замечание вполне уместно.

Воля Ленина превосходила его интеллект, и последний всегда выступал как слуга первой. Так, когда наконец после многих лет подпольных усилий победа была достигнута, он не приступил к воплощению своих идей, как поступил бы конструктивный социалист, заранее продумавший созидательную работу. Он просто применил к новой созидательной фазе своей жизненной программы те же методы, которые использовал в разрушительной борьбе за власть. «Вначале ввяжемся, а там посмотрим» — ему очень нравилось это выражение Наполеона.

Ленина часто изображали слепым догматиком, однако это не было свойственно его натуре. Он был не из тех, кто останавливается на законченной системе, он просто использовал свой ум для достижения целей политической и революционной борьбы, в которой все решает правильный выбор момента. Поэтому он порой становился шарлатаном, экспериментатором, игроком; поэтому он был оппортунистом, а это нечто диаметрально противоположное догматику.

Многие критики обвиняли Ленина в сильной жажде власти и почестей. На самом же деле он просто органически был создан для управления и буквально не мог удержаться от того, чтобы не навязывать свою волю другим, не потому, что жаждал этого, а потому, что это было столь же естественно для него, как для крупного небесного тела естественно влиять на планеты. Что касается почестей, то он их не любил. Плебей по своим вкусам, он остался столь же простым в своих привычках после Октябрьской революции, как и до нее.

Его часто изображали бессердечным, сухим фанатиком. Однако его бессердечность была чисто интеллектуальной и, следовательно, направлена только против его врагов, то есть против врагов партии. По отношению к друзьям он был любезен, добродушен, жизнерадостен и вежлив, каким и полагается быть хорошему другу; поэтому эмоционально-фамильярное «Ильич» стало среди его последователей общепринятым именем.

Да, Ленин был добродушным, однако добродушие не означает милосердие. Известно, что физически сильные люди обычно добродушны, и добродушие Ленина имело ту же природу, что и добродушие огромного сенбернара по отношению к окружающим щенкам и дворняжкам. Настоящее же милосердие, насколько мы можем судить, он рассматривал как ничтожнейшую из человеческих слабостей. По крайней мере фактом является то, что, когда он хотел уничтожить какого-либо социалиста-оппонента, он награждал его эпитетом «хороший парень».

Он посвятил всю свою жизнь интересам рабочего класса. Любил ли он рабочих людей? Очевидно, да, хотя его любовь к реальным живым рабочим, несомненно, была слабее, чем ненависть к угнетателям рабочих. Его любовь к пролетариату была той же деспотической, суровой и беспощадной любовью, во имя которой столетия назад Торквемада сжигал людей ради их спасения.

Следует отметить еще одну черту: Ленин по-своему любил тех, кого ценил как полезных помощников. Он легко прощал им ошибки, даже неверность, время от времени, однако, строго призывая их к выполнению задач. Злобность и мстительность были ему чужды. Даже враги воспринимались им скорее как какие-то абстрактные факты. Вероятно, они не могли возбудить в нем чисто человеческий интерес, будучи просто математически определенными точками для приложения деструктивных сил. Чисто пассивная оппозиция его партии в критический момент являлась для него достаточным основанием для того, чтобы расстрелять сотни людей без тени колебаний. И при всем этом он любил, искренне веселясь, играть с детьми, собаками, котятами.

Говорят, каков стиль, таков и человек. Вернее было бы сказать, что каковы мысли, таков человек. И если Ленину было дано оставить собственный отпечаток на доктрине классовой борьбы, то этот отпечаток следует искать в его интерпретации диктатуры пролетариата, пронизанной концепцией той воли, которая и составляла саму сущность его личности. Социализм означает освобождение труда, а пролетариат есть плоть и кровь трудящихся масс. В самом пролетариате, однако, есть пролетарии более и менее чистой породы. Далее, если необходима диктатура пролетариата, то в соответствии с теми же принципами внутри самого пролетариата должен быть авангард, осуществляющий диктатуру над рядовыми пролетариями. Это должна быть своего рода квинтэссенция — настоящая пролетарская партия внутри пролетарской партии, таким же образом должна существовать диктатура более сильных элементов над другими, более нестойкими. Таким образом, получается иерархическая система диктатур, вершиной которой является, и не может не являться, личный диктатор. Им и стал Ленин.

Его теория концентрических диктатур — которая весьма напоминает концентрические круги Дантова ада — развилась, таким образом, в универсально приложимую теорию социалистической диктаторской опеки над народом, превратилась в антитезис настоящего социализма, как системы экономической демократии. Эта любимая и почти сокровенная концепция Ленина — и единственная действительно его — представляет собой «противоречие данному». Подобное внутреннее противоречие не может в конце концов не превратиться в источник раскола внутри созданной им партии.

Он умер. Его партию теперь возглавляют люди, которых он в течение долгих лет формировал по своему образу и подобию. Им весьма легко подражать ему, но чрезвычайно трудно продолжать его политику. Партию в целом начинает постигать та же участь, что постигла ее верховного вождя,— она постепенно превращается в живой труп. Ленина, который мог бы гальванизовать ее своей бьющей через край энергией, больше нет; он истратил себя до конца — вложил всего себя в партию. Она же теперь, в свою очередь, истощена. Над свежей могилой партия на время сплотит свои ряды под клятвы верности любимому учителю, который сказал ей так много в прошлом, но который сегодня не говорит ничего и больше ничего не скажет в будущем. Затем она вновь вернется к повседневной жизни и вновь подвергнется действию закона разложения и распада.

Перевод с английского
А. ГОЛЬДИНА.

— Тигран, а Бог есть?
— Бог ведь не человек, чтобы он был или не был.
(Тиграну было 6 лет)

ФАКУЛЬТАТИВ

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С БОЖЬИМ ДАРОМ?

Генрих ИГИТЯН

Пишу эти строки, сидя под картинами Тиграна Дзитохцяна, созданными им в десятилетнем возрасте; остальные в стадии подготовки к очередной выставке. Экспозиция в Давосе, маленьком, уютном и отнюдь не провинциальном (совершенно очевидно — провинциализм определяется не масштабами) швейцарском городке. Она приурочена к Всемирному экономическому форуму, куда я, человек весьма далекий от экономики, попал благодаря выдающемуся скрипачу и дирижеру Владимиру Спивакову, чьи врожденные чуткость, благородство, «неодноразовая» благотворительность и, конечно, огромный талант вызывают мое восхищение.

Разве забудется первый благотворительный концерт «Виртуозов Москвы» в разрушенном Ленинакане; с трудом добытые детские инвалидные коляски, посланные Спиваковым из Кольмара (Франция) в зону стихийного бедствия и — увы! — не дошедшие до адресатов, взносы музыкантов в бесконечно нуждающиеся фонды... По всему миру Спиваков и его оркестр несут людям добро и свет. Я видел их изнурительные репетиции в Кольмаре, мокрые — хоть отжимай! — рубашки и... сияющие, вдохновенные лица на вечернем концерте.

Восторгаясь живописью Ван Гога, мы не в состоянии оценить меру горечи, трагических переживаний, голода, пота, неимоверного труда гения. А ведь в этом сила искусства — сила «Виртуозов Москвы» и их создателя в том числе. На этот раз благотворительный концерт в Давосе был посвящен Эстетическому Центру Армении, его детям. Сам великий Иегуди Менухин принял в нем участие.

Стыдно признаваться, но я плакал, думая о своем несчастном народе, его многострадальной судьбе, о Карабахе, разрушенной родине, ее непонятном будущем. И еще я думал о рыхлом, декоративном Верховном Совете СССР, членом которого я являюсь с первых дней его работы, о многих шариковых, голосующих за передачу всех своих полномочий Президенту, против повышения пенсии шахтерам и детям-инвалидам, против частной собственности, против передачи земли ее истинному хозяину и о многом другом... В прекрасном, мирном, благополучном, человечном уголке земли, где все принадлежит людям (всем, а не избранным, как иные полагают), в переполненном зале сияли счастливые лица, и только я один сидел несчастный. За что, о Боже!.. И захотелось скорее домой, к себе, к таким же, как и я...

Кажется, это было совсем недавно. Асмик Жирайровна Акопян, талантливый педагог, художественный руководитель студии нашего Центра, рассказала мне о необычном пятилетнем мальчике. Встреча с ним превзошла всяческие ожидания. Работы ребенка, но совсем недетские! Какие-то странные существа смотрели на меня. Вернее, я с недоумением смотрел то на них, то на Тиграна, весьма серьезного, неразговорчивого человека. И я решил немедленно внести в постоянную экспозицию Музея детского творчества Армении эти не похожие ни на что картины, и поныне этот стенд украшает стены Музея.

Затем — одна за другой — выставки в Ереване, Мадриде, Новом Орлеане, Атланте, Вашингтоне, далее — персональные в Ереване, Москве, Ленинграде, в Давосе...

Часто педагоги, родители, художники сомневаются: не портят ли персональные выставки детей, не пробуждаются ли в них тщеславие, высокомерие, нескромность? На самом деле взрослые приписывают детям качества, присущие им самим. Ребенок относится к тому, что делает, вполне спокойно и естественно.

Для меня Тигран Дзитохцян после Минаса один из немногих армянских художников, у которых всегда найдешь что-то интересное, неожиданное. Пристрастие родителей к музыке, литературе, изобразительному искусству, прекрасная библиотека, музыкальные записи, пластинки, интересные люди, посещающие их тесную, но уютную квартиру, естественно, формировали вкусы, взгляды, характер ребенка. Тигран ходит с родителями на концерты, посещает выставки, музеи, много читает, но больше, конечно, пишет. Школьная программа, быт и остальное мало занимают его внимание.

Обычно у детей возникает стереотип, позволяющий безошибочно определить их национальную принадлежность, в чем я неоднократно убеждался при организации международных выставок. Причем это качество проявляется не только и не столько в экзотике, пейзажах, бытовых сценках, а прежде всего в рисунке, колорите, образном мышлении. Собирая по крупицам в течение долгих лет рисунки и впоследствии объединяя их в общей экспозиции конкретной страны, поражаешься монолитности, ярко выраженному национальному лицу, даже при разнообразии индивидуальностей и несмотря на то, что они созданы в разное время. В творчестве Тиграна этот стереотип отсутствует с самого начала, он не вписывается ни в какую систему. Не желаю этот факт преподносить как положительный либо отрицательный, могу лишь сказать: драматизм наиболее определяющая черта его живописи (что очень характерно в целом для армянского искусства), и здесь он носит внутренний, глубинный характер, лишенный декорационной экзотики.

На каком-то этапе наряду с «инопланетянами», живыми деревьями, чудовищами в его работах появились элементы знакового мышления. Возможно, в более зрелом возрасте Тигран к ним вернется, но в принципе он тяготеет ко все более определяющейся ирреальной фигуративности. Чудовища Тиграна прекрасны. Но не только. Недостаток некоторых современных художников в отсутствии видения, содержания, в точном смысле этого слова они просто «мажут» свой талант на холст. В работах же Тиграна превалирует психологический настрой, но они еще и умны, и содержательны без пресловутой «литературщины», возвышающейся над изобразительностью. Работы Тиграна не имеют названий, он словно приглашает зрителя в соавторы.

В последних картинах гамма приобрела сдержанный характер, рисунок стал выразительнее, деформации осознаннее. Детство, сколь бы оно ни было серьезным, окончилось.

Не берусь предсказывать, в какую сторону разовьются устремления Тиграна, боюсь даже предположить, что ограничение фантазии, «грамотность», взросление приведут его — не дай Бог! — к элементарному натурному реализму или академизму.

Настораживает последний разговор с отцом мальчика о перспективе его образования. Это один из немногих случаев в моей практике, когда я не решаюсь советовать. С ужасом думаю не только о наших художественных вузах с допотопной методикой преподавания полуграмотными, невежественными профессорами, стандартизирующими души студентов, с вечным «не пущать». Но и с сомнением отношусь к зарубежным художественным заведениям, где можно все — никакой системы, полнейшая девальвация качества, стремление к скорейшей реализации «товара». Успеть «схватить» свое время, ошарашить, сделать бизнес и испариться, не успев состояться.

Идеальными были мастерские в эпоху Возрождения. Юноши приходили к Мастеру, именно к тому, единственному, перед которым преклонялись. Отсюда волшебная армянская миниатюра, русская икона, вечность скрипок Страдивари, бессмертная живопись. Известно: научить невозможно, можно лишь научиться, имея перед собой критерий совершенства.

У кого «грамотнее» рисунок — у Андрея Рублева, Пикассо, Миро, Анри Руссо, Ван Гога, Кандинского, Энгра? Да у каждого из них — в той степени, какая необходима им для самовыражения. Здесь невозможен общий закон. Стандарт губителен для искусства, с чем мы сталкиваемся сплошь и рядом, когда, кроме диплома и «грамотности», ничего не остается. Главное, прежде времени исчезает душа, лишь тело продолжает двигаться. Чаще всего нынешняя школа приводит либо к стереотипу, либо к конфликту. Все-таки: «Гениев порождает не система, а противодействие системе» — вечны слова Поля Гогена.

...Пока Тигран развивался самостоятельно, практически без педагогов. Любое вмешательство может деформировать его мышление, притупить интерес к творческому процессу. Сегодня важнее другое: в любом цивилизованном обществе ему были бы созданы необходимые технические и материальные условия: нормальное жилье, мастерская, краски, кисти, холст. К сожалению, у нас это почти невозможно: государство, в котором мы живем, стремительно деградирует, его раздирают недостойные цивилизованного общества первобытные инстинкты, национальные распри, бессмысленная идеологическая тавтология, абсолютная экономическая безграмотность. Будто все разом (впрочем, к этому вели свыше семидесяти лет) взбесились, претендуя на исключительность под воздействием некоего загадочного, глобального, гипнотического психоза («арийский череп, не арийский», «бей-спасай»).

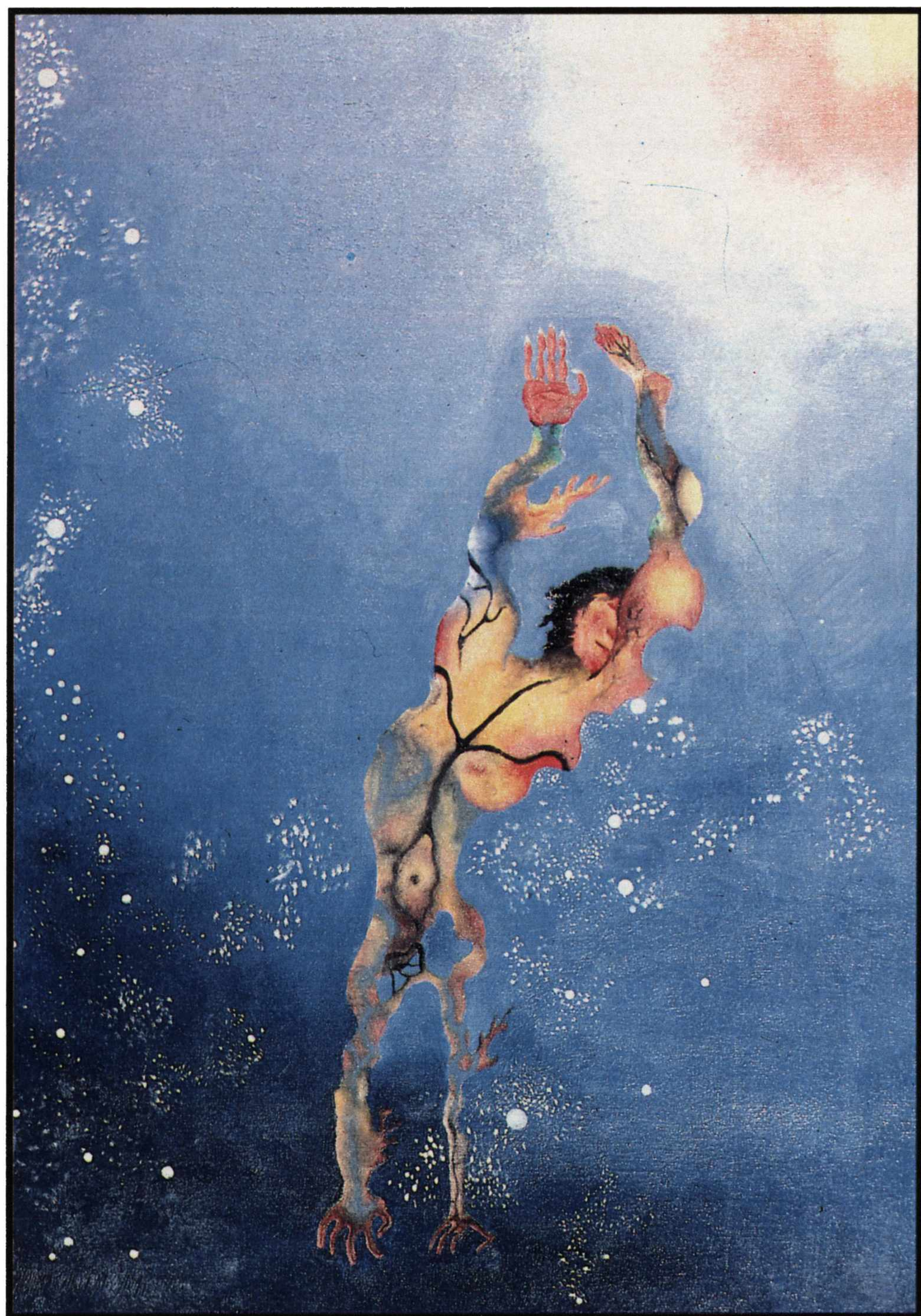
До культуры ли вообще? Но ведь потом будет непоправимо поздно... Талант — единственное, что невозможно вырастить искусственно или восстановить.

Хочу верить, что юному Тиграну предстоят еще интересные поездки, выставки, встречи с лучшими музеями мира. Да и жизнь в нормальных странах, такая непохожая на нашу, наверняка вызовет у него прилив новых ощущений. Но пока первая страна — США, где в течение нескольких месяцев картины Тиграна в составе большой выставки Эстетического Центра Армении будут экспонироваться в крупных культурных центрах. Тигран с родителями приглашен на две недели. Кто в его возрасте, не будучи сыном дипломата или важной государственной шишки, мог мечтать об этом?

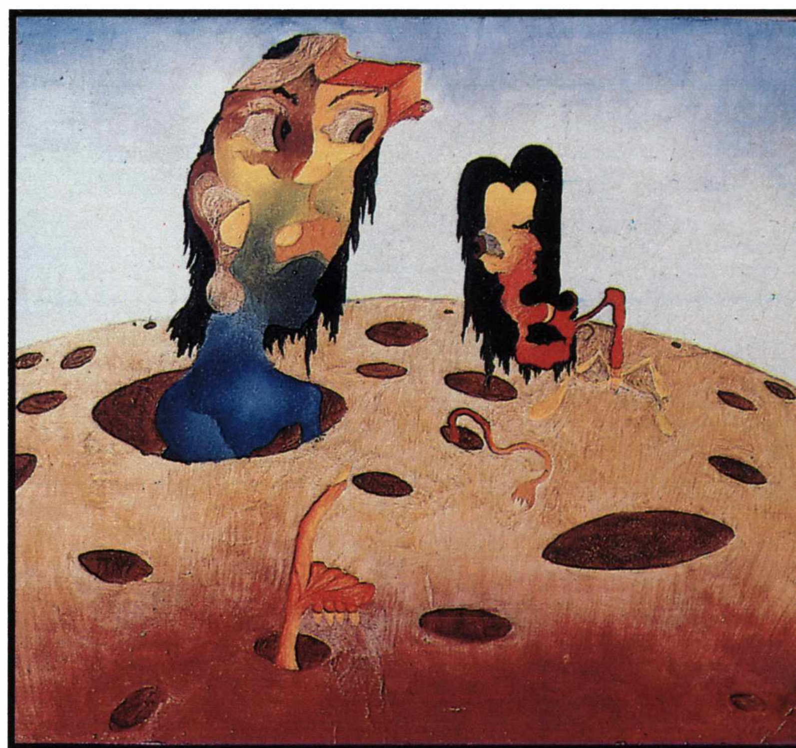
Все же изменения в нашем обществе происходят. Хоть и редко — в лучшую сторону.

Давос, 7 февраля 1991 г.

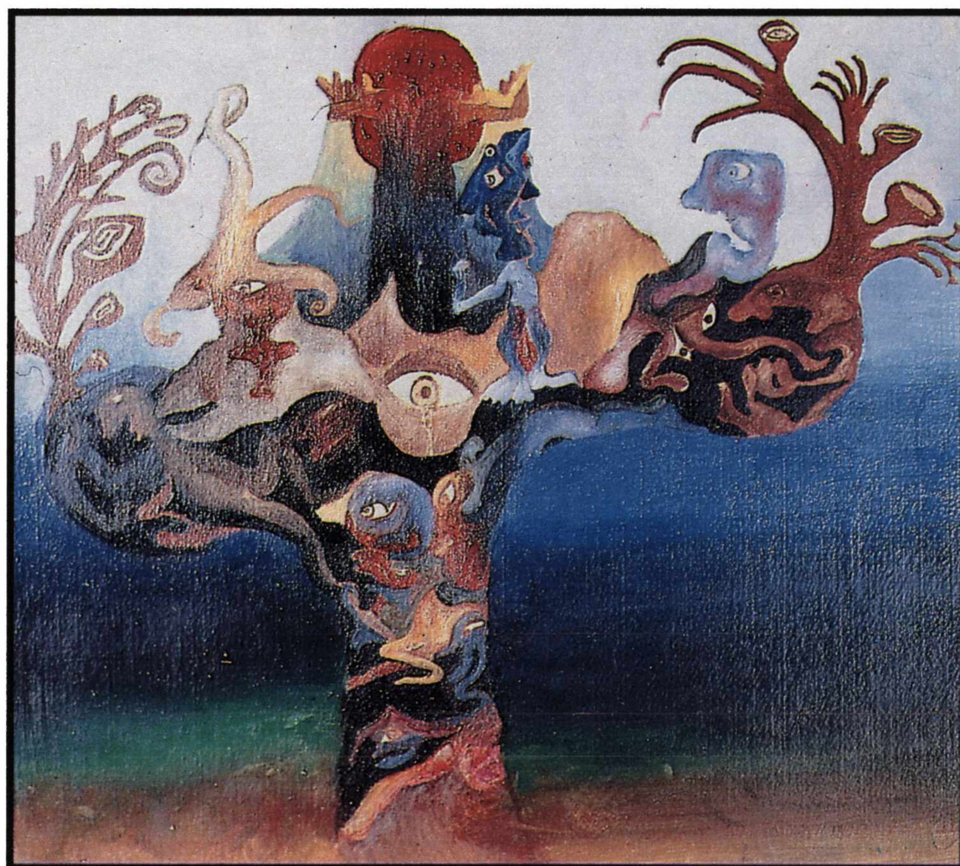
ОГОНЁК

Тиграну Дзитохцяну 14 лет. В апреле нынешнего года в Нью-Йорке пройдет выставка его картин. Можно позавидовать тем, кто впервые увидит эти работы, родившиеся в далеком от благополучия, разрушенном мире, в ста километрах от эпицентра страшного землетрясения, в холодной, голодной и по-своему одной из несчастных столиц — Ереване.

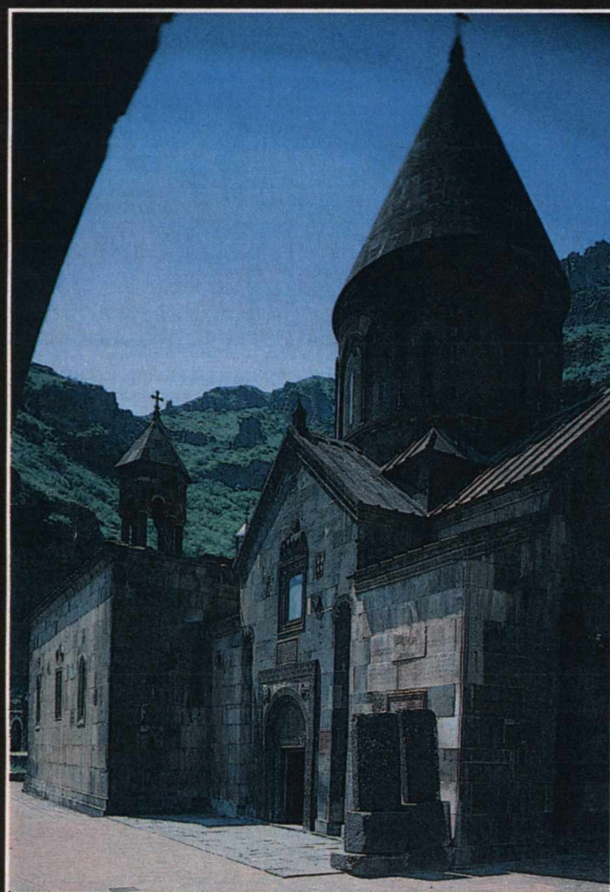

24 АПРЕЛЯ В АРМЕНИИ — ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ГЕНОЦИДА

Осип МАНДЕЛЬШТАМ **Из цикла «Армения»**

Ты розу Гафиза колышешь
И нянчишь зверушек-детей,
Плечьми осьмигранными дышишь
Мужицких, бычачьих церквей.

Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой.

* * *

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну прищурясь
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

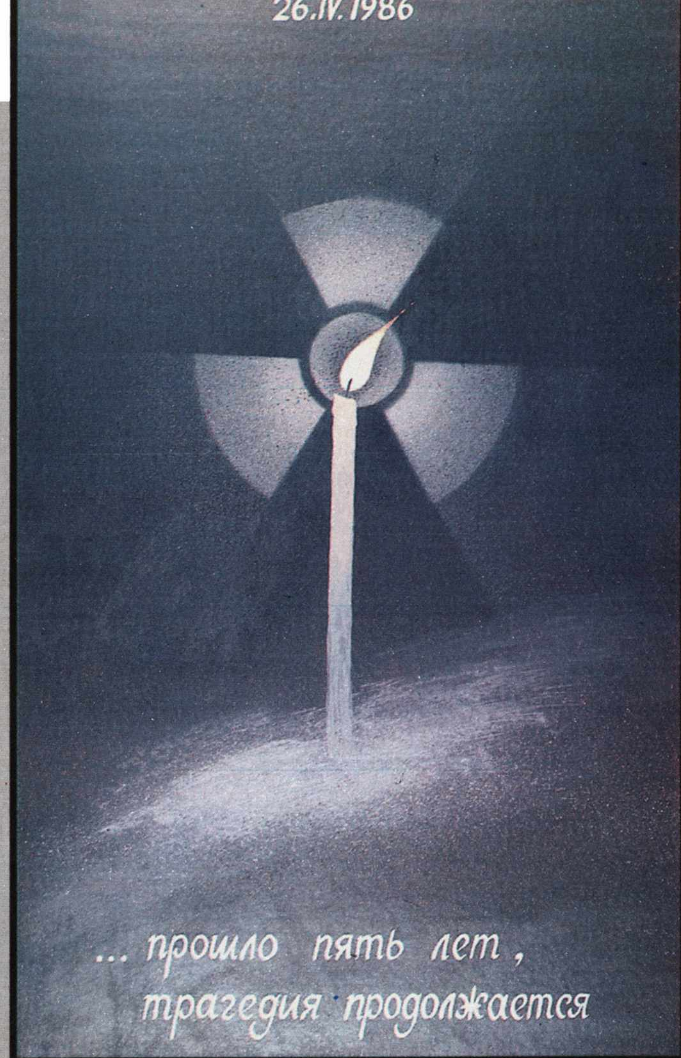
1930 г.

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА и Виктора ЯКОБСОНА

ОГОНЁК

Плакаты Александра КОНДРАШЕВА (СССР) и Нориаки КОНДОХА (Индия).

Это работы с Международной выставки графики и плаката в Харькове, посвященной пятой годовщине чернобыльской аварии.

Выставка называется лаконично — «Четвертый блок», как тот трагический, уже не существующий блок Чернобыльской АЭС...

В Харьков прислали свои произведения, навеянные ужасом атомного взрыва, художники нашей страны, Японии, Германии, Румынии, Чехословакии, Индии, США... Часть работ не вернется домой, они подарены харьковскому музею.

ПЕЧАЛЬНЫЙ АИСТ

Это — зона. Безлюдье, запустение, обреченность. Над зоной нарезает круги черный аист — редкостная птица из Красной книги, зловещий символ убитой земли. В двух верстах от атомного саркофага — плывущий в никуда белый айсберг — 50-тысячный город Припять. Мой мертвый город.

Общий ущерб от катастрофы составляет, по нашим данным, примерно 170—215 миллиардов рублей. В том числе:

от потери земли — минимум 57,5, максимум 94 млрд. рублей;

прямые расходы на ликвидацию последствий аварии — 35—45 млрд. рублей;

потери от сокращения подачи электроэнергии и изменения экономических показателей ее производства на действующих АЭС — 66,85 млрд. рублей;

дополнительные затраты на обеспечение безопасности действующих атомных блоков — 5 млрд. рублей.

А чем измерить ущерб, причиненный здоровью пяти миллионов людей из трех славянских республик?

Вопросы, вопросы. Сколько их ни задавай, возвращаешься к двум главным: Кто виноват? Что делать?

Над вопросом «Кто виноват?» бьются сейчас депутатские комиссии парламентов Украины и Союза.

В поисках ответа на второй вопрос необходимо сказать, что основной болью постчернобыльского бытия на Украине, в Белоруссии и России являются последствия катастрофы для здоровья пострадавших. Только на Украине под воздействием повышенной радиации проживают более 1,8 млн. человек, в том числе 380 тыс. детей.

В 1990 году образованы Союзный и республиканские комитеты по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. На 1990—1992 годы из союзного бюджета выделено на реализацию первоочередных мер по защите населения:

Украине — 3,6 млрд. рублей,
Белоруссии — 5,8 млрд. рублей,
России — 2,9 млрд. рублей.

Эти средства будут израсходованы в основном на переселение людей с загрязненных территорий, для строительства жилья, других бытовых объектов.

На Украине и в Белоруссии, отвергнув установленную АМН СССР «норму» в 35 бэр дополнительного облучения, приняли свою, в соответствии с которой человек не должен «взять» за свою жизнь сверх фона более 7 бэр. На современном уровне знаний это гарантия отсутствия последствий у ныне сущих и грядущих поколений. Думаю, что тем же путем пойдет и Россия.

Установление порога в 35 бэр — акт, имеющий весьма отдаленное отношение и к медицине, и к гуманизму вообще, это скорее экономический и политический акт, получивший благословение нашей медицинской академии. Ведь даже профессионал-атомщик за 10 лет работы на АЭС редко получает облучение более 12—15 бэр.

Именно учитывая допустимый предел в 7 бэр, сейчас принимаются законы республик о защите пострадавших, призванные дать социальные гарантии ликвидаторам, эвакуированным, живущим в «запределе» детям Чернобыля. Принят союзный закон, в котором льгот и компенсаций предусмотрено поменьше...

В принятых законах приоритет отдается решению медицинской проблемы. Это единственно верное решение может так и остаться благим пожеланием, если не оснастить лечебную базу необходимой аппаратурой и оборудованием. А его-то как раз и не хватает.

А надо, не изобретая в очередной раз наш, отдельно взятый велосипед, пойти по пути, уже проторенному японцами после августа 1945 года. Они создали систему, включающую 3 уровня. Первый состоит из лабораторий массового обследования, второй — из базовых диагностических лабораторий и третий — это исследовательские клинико-диагностические центры. Одна такая цепочка стоит 325 тысяч долларов. Вся сеть лабораторий в пострадавших городах обошлась Японии в 36 миллионов долларов.

Специалисты подсчитали, что для Украины, России и Белоруссии необходимо на такие системы 100—150 миллионов долларов — с учетом огромных территорий и количества пострадавших.

Медики вздохнут пессимистически: где же их взять, такие деньги, да еще в долларах? Тогда разрешите несколько вопросов Президенту: а сколько нам должны иракские, кубинские, афганские и прочие братья по идее? Сколько этих самых долларов идет на несокрушимый и легендарный ВПК? Неужели 5 миллионов людей, пострадавших по вине государства, так и останутся брошенными в беде?

Все мы помним счет № 904, на который в 1986 году было собрано более полумиллиарда рублей от тех, кто сохранил еще в своих душах милосердие. Нам памятен и марафон, проведенный 26 апреля 1990 года, который принес 93 031 788 советских и 586 604 инвалютных рубля.

Сегодня из этих денег 17 миллионов рублей обычных и 36 413 инвалютных израсходовано на лечение и отдых пострадавших, поставку чистых продуктов питания, оказание индивидуальной помощи. 358 семей погибших и умерших участников ликвидации последствий аварии получили материальную помощь, оказана также помощь инвалидам и остронуждающимся, проживающим в загрязненных районах Украины, Белоруссии, России.

На эти же цели передано 2 миллиона рублей Союзу «Чернобыль».

Для распределения средств марафона создан Совет попечителей, куда вошли Советский Фонд мира, Красный Крест, Союз «Чернобыль», Фонд социальных изобретений, Союз предпринимателей и арендаторов. Эти попечители, я уверен, распорядятся полученными средствами наилучшим образом.

Что же касается счета № 904, то на нем сейчас около 10 миллионов рублей. Никакого попечительского органа там не было, деньгами распоряжалось государство. Теперь концов не найдешь. Знаю только, что 67 миллионов рублей с этого счета забрало Минатомэнерго и израсходовало на... дезактивацию. Интересно, насколько «чище» стало в том месте и где это место?

...Кружит черный аист над украинским и белорусским полесьем, над пятью областями России — над десятью миллионами квадратных километров зараженной земли. Каких аистят принесет этот печальный аист нашим народам?

Владимир ШОВКОШИТНЫЙ,
член Верховного Совета УССР,
президент Союза «Чернобыль»

Радиация. Чернобыль. Эти два страшных понятия вошли в жизнь и моей родной белорусской деревни, что в Могилевской области.

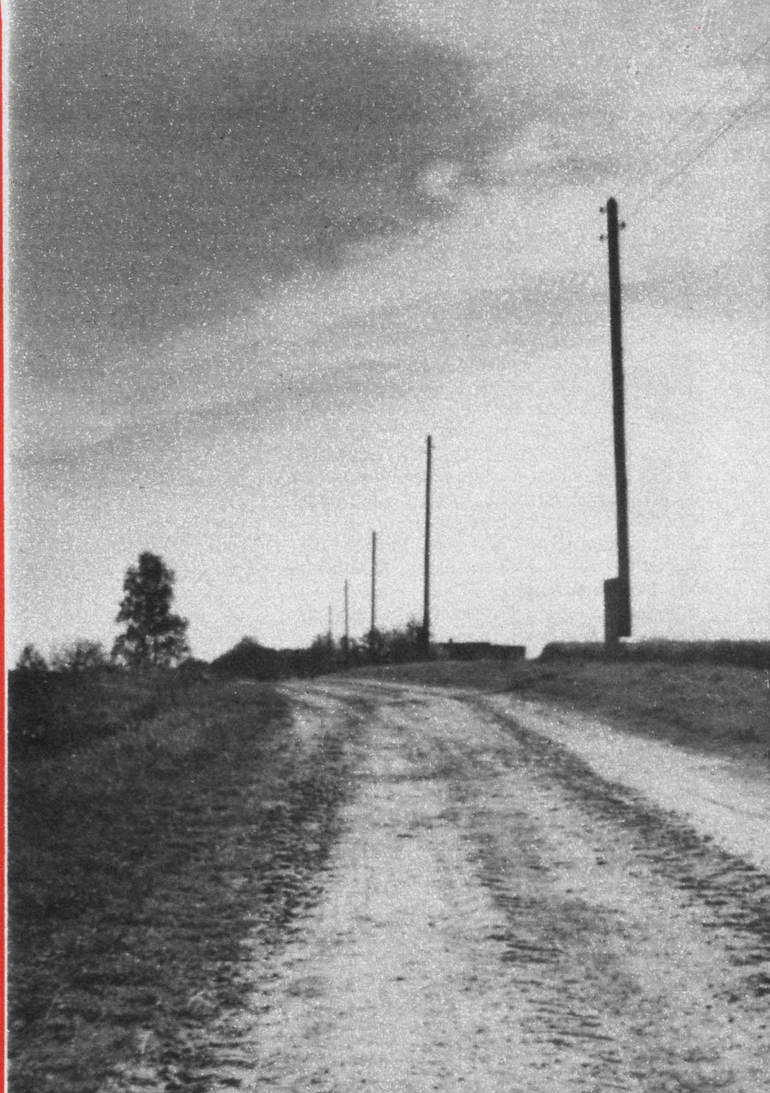
— Сейчас думают, что у нас радиация в 40 кюри,— говорит наш сосед,— а сколько было сразу после аварии, никто и не знает. Сам ведь видишь, как живем, за пять лет никто не помер, и еще немного, даст Бог, проживем.

Да, если бы сразу узнали о всех бедах и последствиях Чернобыля, может быть, и уехали, а теперь что, ведь прошло столько лет.

— Наконец-то сказали хоть какую-то часть правды, не зря ведь, наверное, решили всю деревню переселить,— добавляет дядя Витя,— начали строить деревянные домики в 15 километрах отсюда. Говорят, что там радиации намного меньше, да что-то верится с трудом. Вот теперь сеем картошку и не знаем, будем ли ее собирать осенью или так в земле и останется.

...Ничего не изменилось в деревенском укладе за последние пять лет: так же рожают детей, пашут поля, а вечерком где-нибудь под вербами у костра веселится молодежь. Нельзя остановить круг жизни...

Александр СТЕПАНЕНКО
(фото автора)

ЗДЕСЬ ЖИТЬ

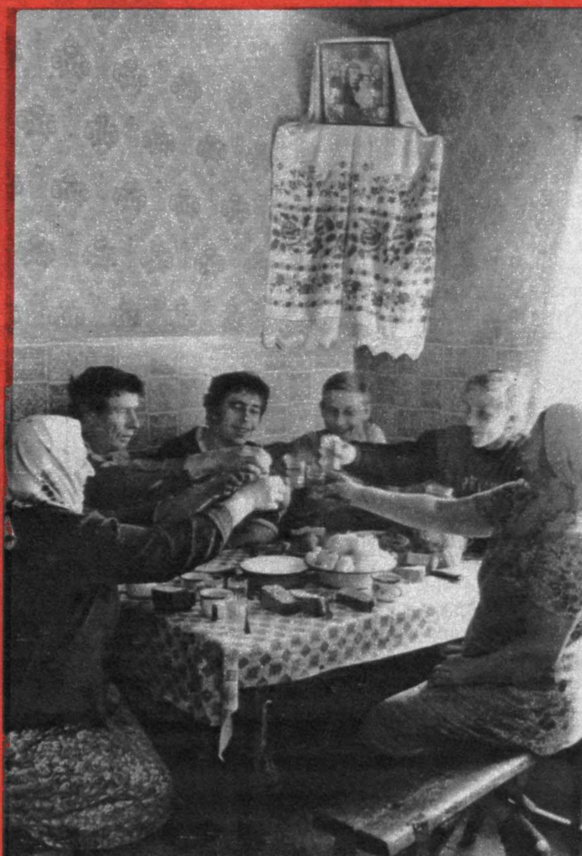

НЕЛЬЗЯ

УРОКИ ЧЕРНОБЫЛЯ

Пять лет минуло с тех страшных суток... Но по-прежнему не смолкают споры о причинах аварии, до сих пор живут люди на зараженной земле, и еще долго, очень долго будет тревожить нас эхо чернобыльской трагедии.

Массу писем получает на эту тему «Огонек». Большинство из них вызвано публикацией беседы с академиком А. П. Александровым «Изменять, что изменить еще возможно» (№ 35, 1990 г.). Люди самых разных профессий считают, что Чернобыль — «наша общая беда и вина». Во взрыве реактора как бы сошлись, с одной стороны, пороки командно-административной системы, с другой — всеобщая безответственность, разболтанность, отсутствие элементарной дисциплины, когда в стране не соблюдаются не только инструкции и правила безопасности эксплуатации техники, даже законы! Специалисты не в почете. Вот и гремят на заводах взрывы, которые подготовили отнюдь не заморские диверсанты, в море сталкиваются корабли, бушуют пожары на нефтепроводах, разбиваются поезда. А началось с Чернобыля... Может быть, в связи с этой общей неготовностью страны к внедрению передовых технологий развивать дальше атомную энергетику вообще не надо?

Встречались мы и с теми, кто нес свою служебную вахту на Чернобыльской АЭС в страшную ночь конца того памятного апреля, с теми, кто пережил ад взрыва на станции, а затем еще и суд. Надеемся, что будет принято гуманное решение по реабилитации этих осужденных.

Мы публикуем сегодня соображения специалистов, пытающихся серьезно и заинтересованно разобраться в ситуации. Хотя они придерживаются разных взглядов на причины аварии и пути выхода страны из грозящего энергетического кризиса, мы считаем, что в поисках истины необходимо учесть мнения той и другой стороны.

Гравюра Вацлава ЖЕЛИНСКОГО

«НЕТ!» — АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

Министр энергетики и электрификации Украины В. Ф. СКЛЯРОВ

Никто и ничто не заставило бы меня вступить в публичную полемику с уважаемым академиком, трижды Героем, лауреатом и т. д., если бы не интервью в «Огоньке» с А. П. Александровым. Удивительное дело: еще не миновал и период полураспада некоторых изотопов, а мы опять уже слышим, как под видом заботы о народном благе утверждается необходимость строить новые АЭС. К тому же в очередной раз в аварии обвиняется только персонал станции.

Разгон мощности и взрыв реактора произошли при абсолютно нормальных, штатных условиях эксплуатации, когда не было никаких оснований для ошибочных действий оперативного персонала, и я смею утверждать, что он их и не допустил. Более того, он действовал грамотно и самоотверженно. Достаточно напомнить, что им в абсолютно немыслимых условиях были остановлены в целости и сохранности первый, второй и третий блоки.

Единственно, что можно было поставить в вину работникам АЭС,— снижение ниже разрешенного так называемого запаса реактивности, то, что из реактора, возможно, было вынуто большее количество его стержней, чем полагалось по инструкции. Но здесь нет приборов постоянного контроля, нет объективных показателей, которые бы однозначно подтвердили это нарушение.

Основной и определяющей весь ход событий причиной чернобыльской аварии является ошибочная конструкция реактора.

Имеет смысл сформулировать в виде вопросов некоторые конкретные упущения и негативные обстоятельства, высвеченные Чернобылем достаточно отчетливо, чтобы при поисках ответов составить собственное мнение о прочих возможных виновниках.

Почему мы были полностью не готовы к Чернобылю на любом уровне ответственности?

Кто определял масштабы происшедшей катастрофы, преступно зауживая осмысливание оценки ее последствий, считая основной задачей скорейшее восстановление работоспособности электростанции и создание условий для резвакуации населения?

Почему при ликвидации аварии широко использовались действия морально недопустимые, с привлечением большого количества молодых людей и беспощадная эксплуатация материальных стимулов, организация героического ажиотажа?

Кто ответит за научно-техническое обеспечение и разработку комплекса вопросов, связанных с «культурой безопасности» атомного производства? Почему не были выполнены все мероприятия по повышению надежности РБМК до аварии на Чернобыле?

Почему ученые, атомные специалисты не провели анализа послеаварийной ситуации и не дали стратегического и тактического прогноза развития событий? Руководство высшего уровня ответственности оказалось абсолютно безоружным, без перспективы, в беспомощном и болезненном состоянии полного неведения.

Кто ответит за облучение множества людей, которые находились непосредственно возле очага радиации без всякой необходимости?

Почему и до сего дня не выполнен детальный анализ всех обстоятельств, связанных с ликвидацией аварии, с научно обоснованной оценкой всех действий, решений и материально-финансовых затрат, не разработан четкий регламент действий для всех подразделений, которые должны непосредственно принимать участие или привлекаться для ликвидации аварии?

Кто отвечает за необоснованность и непоследовательность в определении критериев радиоактивных загрязнений для мест немедленного выселения, ограниченного проживания, хозяйственной деятельности и продуктов потребления, включая воду? Многократное их изменение стало источником недоверия к властям и ненужной напряженности.

Кто же во всем этом виноват, даже если некоторые рассмотренные соображения вызывают сомнения и возражения?

Вполне возможно, что далеко не все добровольно согласятся с этими размышлениями. Но тогда пусть опровергают и следующее. Не всем известно, но года за полтора до 26 апреля на ЧАЭС на блоке 1 произошло повреждение технологического канала, потребовавшее для его локализации сооружения мини-саркофага из свинца. Тогда топливо частично было выброшено, а большей частью захоронено в этот самый саркофаг. По существу, произошла авария — предостережение апрельской.

Есть что поучительного и полезного вспомнить и по Ленинградской АЭС. Но увы, увы... все ждали и надеялись, что пронесет, минует. И дождались!

В настоящее время самая главная задача, самый кардинальный вывод из всего происшедшего состоит в том, чтобы любой ценой, буквально любой ценой, не допустить и намека на возможность повторения этого ужаса. Именно поэтому был принят мораторий на строительство новых атомных станций. Украина объявлена зоной экологического бедствия.

Чернобыльская трагедия застала нас полностью врасплох. По многим и легко понятным, но малоразумным причинам мы все свое энергетическое будущее связывали практически исключительно с развитием атомной энергетики. И сегодня уже предельно ясно, что энергетика республики надолго попала в чрезвычайно затруднительное положение, которое можно образно охарактеризовать как ядерно-угольное балансирование в тупике и которое предопределялось целым рядом крупных стратегических ошибок, допущенных руководством высшего уровня ответственности лет 25—30 назад.

Сознательно создается положение, при котором общество должно встать перед выбором: или ничего — или атомная энергетика. Из-за того, что громадные суммы и ресурсы вкладывались в развитие атомной энергетики, по всем прочим энергетическим направлениям мы отстали от мирового уровня на десятки лет. И это отставание нарастает с катастрофической и прогрессирующей скоростью.

Это преступное состояние надо самым решительным образом менять. Необходимо набраться мужества и однозначно заявить: новых атомных станций на Украине никогда не будет. Немедленно начинать изыскивать источники энергии, развивать нетрадиционную энергетику. Мораторий на АЭС до 1995 года приведет только к полному распаду коллективов строителей, монтажников, проектировщиков. Их необходимо срочно перенацеливать на новые энергетические объекты, иначе грянет большая беда. Народ категорически против АЭС, и он помнит Чернобыль.

Мне пришлось принимать непосредственное участие в ликвидации аварии буквально с ее первых часов. Многое видел своими глазами и многое испытал сам. Никому, нигде и никогда не пожелаю, чтобы этот ужас повторился в любых формах и масштабах. В наше время атомные станции недопустимо опасны при эксплуатации, технически несовершенны и разорительные для общества.

Народ это интуитивно чувствует и протестует.

Святая обязанность правительства — грамотно исполнять волю народа. Доля ученых — обеспечить высокий научный уровень необходимых решений. Время не ждет. И не надо его тратить на абсолютно бесполезные убе-

ждения в целесообразности неприемлемых для людей решений. После Чернобыля кредит доверия исчерпан до дна. Лучше помогите нам найти выход из созданного тупика, употребив свой авторитет и знания.

Министр обращается непосредственно к академику А. П. Александрову. Поскольку Анатолий Петрович уже высказал свою точку зрения и является как бы заинтересованным лицом, мы сочли целесообразным опубликовать мнение специалистов, участвовавших в анализе причин чернобыльской аварии.

БЕДА И ВИНА ОБЩИЕ

Евгений БУРЛАКОВ, начальник отдела Института атомной энергии имени Курчатова, кандидат технических наук; Леонид КЕВОРКОВ, начальник лаборатории, кандидат технических наук

При ответе Виталию Федоровичу Склярову мы постараемся быть максимально объективными и непредвзятыми. На нас не давит груз персональной ответственности за аварию. Мы знаем обстоятельства катастрофы в Чернобыле, были так же, как и Вы, Виталий Федорович, среди участников ликвидации ее последствий. Как все специалисты, работающие в области атомной техники, и тем более занимаясь сейчас проблемами безопасности этого реактора, остро переживаем случившуюся трагедию.

Однако нас удивило, что в Ваших соображениях о причинах аварии нет и намека на то, что Вы сами разделяете ответственность за чернобыльскую катастрофу. Ведь Вы стали министром энергетики и электрификации Украины не сегодня, а еще до аварии, оставались им во время аварии и по долгу службы отвечали раньше и отвечаете сегодня за безопасную эксплуатацию АЭС.

Непонятно нам, почему Вы требуете ответа на свои во многом правильно поставленные вопросы только от восьмидесятисемилетнего академика, не занимающего сегодня никаких административных должностей? Логичнее было бы поставить их перед собой, членом правительства Украины. Но это так, к слову...

Вы пишете, что А. П. Александров делает очередную попытку обвинить в аварии только персонал. Но ведь это не так. В своем интервью он ясно сказал: Чернобыль — трагедия и в моей жизни. И о недостатках реактора он сказал тоже.

Будучи связан достаточно долго с исследованиями атомной энергии в военных целях, где строжайшая дисциплина является одним из главных факторов безопасности, Александров, как и многие специалисты-атомщики, недооценивал возможность грубых нарушений правил эксплуатации АЭС. И, пожалуй, здесь главный идеологический просчет разработчиков реакторов РБМК: передавая атомную энергетику в «ширпотреб», нельзя такой важный для безопасности элемент, как эффективность аварийной защиты, в большой мере базировать на запретах в инструкции.

И тем не менее нам трудно представить себе, что министр энергетики может всерьез оправдывать нарушения правил эксплуатации действующих энергетических объектов. Тогда действительно надо немедленно закрывать всю энергетику, а не только атомную.

Мы понимаем трагедию людей, работавших ночью 26 апреля 1986 года в помещении управления 4-м энергоблоком Чернобыльской АЭС. И убеждены, что несправедливо и жестоко было наказывать их еще и уголовно, так как сознание непосредственной причастности к чернобыльской катастрофе (даже если они не признаются самим себе в каких-либо ошибочных действиях!), потеря многими из них здоровья являются суровым наказанием. Нет спора и о том, что после аварии персонал АЭС действовал отважно и самоотверженно. Поэтому научно-техническая общественность, как нам кажется, имеет моральное право настаивать на их полной амнистии. И мы присоединяем к этому свои голоса. Хотя в ряде стран, например, Франции, Испании, нарушение оператором инструкции эксплуатации, даже не приведшее к тяжелым последствиям, рассматривается как уголовное преступление. В Японии вообще не могут представить себе возможность нарушения правил. Правда, здесь хотелось бы тоже сказать несколько слов в защиту эксплуатационного персонала наших АЭС. На Западе, возлагая на работников, связанных с управлением реактора, повышенную ответственность, соответственно оплачивают и труд этих специалистов. Оператор АЭС во Франции — человек, занимающий положение, близкое к положению директора АЭС, с соответствующей зарплатой.

В чем же была главная ошибка персонала?

Нарушение инструкции о недопустимости снижения количества эффективных стержней менее 15. В регламенте указывалось, что снижать ниже 26 стержней опасно, а работать ниже 15 вообще запрещается.

Вы утверждаете: персонал не мог проконтролировать количество стержней в активной зоне. Это неверно. Во-первых, каждый из руководителей эксперимента или оператор в любой момент мог из информационной системы «Скала» получить данные о количестве стержней в активной зоне. Во-вторых, перед оператором размещено большое табло с указателями положения всех стержней управления и защиты реактора.

Распечатка, полученная за минуту до начала эксперимента из информационной системы, документально подтверждает, что оперативный запас реактивности был существенно меньше регламентного. К моменту аварии (1 час 24 минуты 26 апреля) оперативный запас реактивности составлял не более 6—8 стержней.

Значит, состояние реактора перед началом эксперимента (и перед началом аварии) не было нормальным. Здесь и долгое (половина суток) ожидание разрешения на отключение АЭС от сети (в связи с запретом диспетчера Киевэнерго), что привело к изменению физических характеристик реактора; и повышенный расход восьми работающих циркуляционных насосов, что исключило перед началом опыта кипение воды в активной зоне, увеличило относительную скорость образования пара и усилило разгон реактора в момент начала аварии.

Вот здесь-то проявили себя имевшиеся недостатки в физических характеристиках реактора. Однако — это следует еще раз подчеркнуть специально — они могли проявиться только в том «нерегламентном» состоянии, в которое привел реактор персонал.

Так что же — спросите Вы — ученые знали о недостатках реактора и все-таки внедряли его? Нет, это не так.

То, что возможен кратковременный всплеск мощности реактора в начальный момент введения стержней, впервые заметили во время экспериментов при пуске 4-го блока Чернобыльской АЭС в конце 1983 года. Сразу же, а точнее, в декабре 1983 года, началась работа над улучшением конструкции аварийной защиты. А в феврале 1984 года все атомные станции с реакторами этого типа были поставлены в известность об обнаруженном дефекте. В том числе и директор Чернобыльской АЭС В. П. Брюханов.

Неужели руководство станции не довело эту важнейшую настораживающую информацию до персонала, управляющего реактором?

Были предложены и дополнительные меры безопасности, в частности рекомендовано ограничить число стержней, извлекаемых полностью из активной зоны, общим числом 150. В Чернобыле не вняли и этому — при аварии извлекли полностью около 200 стержней!

Хотим еще раз подчеркнуть — разработчики реактора РБМК не отрицали и не отрицают своей доли ответственности. Реактор должен иметь более устойчивые физические характеристики, не реагировать столь чутко на ошибки персонала. Но выполнено это, к сожалению, лишь теперь. Если бы это произошло раньше, то, несмотря на ошибки персонала, взрыва реактора можно было бы избежать... Ведь так называемый паровой положительный эффект дал о себе знать еще в 1975 году на Ленинградской АЭС. Но тогда более опытный ленинградский персонал локализовал аварию.

Вы упрекаете ученых в том, что о ленинградской аварии не сообщалось в печати. Но разве сами-то Вы не знаете, что все мы до 1985 года жили в стране, где действовал принцип: «При социализме аварий не бывает». Данные по авариям (не только на АЭС) считались секретными. Это отсутствие гласности не вина, а боль наших ученых...

Но вернемся в потрясенный катастрофой Чернобыль. Расскажем о фактах, малоизвестных широкой общественности. В конце апреля, сразу после аварии, группа специалистов прилетела в Припять. В подвале административного здания находились важнейшие документы: запись происходивших событий, ленты самописцев, регистрирующих мощность реактора, давление, расход охлаждающей воды, и, что особенно важно для анализа причин аварии, данные почти всех параметров энергоблока, записанные с интервалами в одну-две секунды. Были сделаны довольно грубые прикидки, так сказать, в полевых условиях.

9 мая группа вернулась в Москву. К работам присоединились три независимых коллектива специалистов, которые получили для анализа мощные ЭВМ, чего, к сожалению, раньше не имел Институт атомной энергии.

Ошибки персонала, приведшие к аварии, комиссия обнаружила ранее, поэтому теперь все внимание сосредоточилось на анализе недостатков реактора и аварийной защиты.

Много ходит разговоров о преступниках-ученых, якобы скрывших от народа правду об аварии, в том числе и дефекты конструкции, о которых мы рассказали. Увы... не избежали этого и Вы, министр. Но мало кто знает о той мужественной борьбе, которую вели тогда некоторые ученые.

Суть недостатков реактора, позволивших свершиться аварии, академик В. А. Легасов изложил еще в августе 1986 года в докладе на заседании МАГАТЭ в Вене. Затем более подробный анализ причин аварии, а также меры по повышению безопасности действующих реакторов РБМК доложили там же год спустя.

Это было осуществлено несмотря на противодействие некоторых высокопоставленных чиновников. При подготовке доклада в Вене, например, один из них написал: «Документ содержит совершенно секретные сведения. Считаю, что авторов следует привлечь к партийной и уголовной ответственности за разглашение государственной тайны». Разрешение на доклад было получено на уровне Н. И. Рыжкова.

Да, несмотря на окрики высшего партийного аппарата, боявшегося, что правда о чернобыльской аварии ударит по «престижу СССР как передовой в научно-техническом отношении державы», А. П. Александров и В. А. Легасов настояли: основные аспекты и причина чернобыльской аварии должны быть доложены мировой общественности. Доклад В. А. Легасова в Вене продолжался около пяти часов. Иностранных специалистов поразили полнота и глубина информации, представленной советскими учеными, а главное, открытость обсуждения.

А ведь перед отъездом в Вену нашим ученым строго-настрого предписали не отвечать на вопросы и поменьше общаться с иностранцами. Однако делегаты откровенно, по мере своего понимания проблемы, давали ответы на десятки, сотни заданных им вопросов...

Так же откровенно прошла встреча и в 1989 году в Дагомысе, где участвовали 80 советских и зарубежных специалистов. Кстати, там, кроме анализа причин аварии, рассматривалась модернизация реактора и аварийной защиты. Иностранные коллеги подтвердили правильность выбранного пути, надежность внесенных доработок.

Чем искать виноватых и препираться сегодня, гораздо важнее извлечь из происшедшей трагедии уроки и приложить все силы к тому, чтобы впредь подобное не повторилось...

Мир не отказывается от АЭС. Уже после аварии в Чернобыле запущено в строительство 98 энергоблоков. США вырабатывают на АЭС сейчас 19,1 процента электроэнергии (СССР — 12), там действует 111 энергоблоков, строится 5, планируется к строительству — 3.

Япония, которая по сейсмической опасности существенно превосходит Крым, имеет (данные на февраль 1990 года) 39 действующих энергоблоков, которые производят 28 процентов электроэнергии. Япония строит сейчас 13 новых энергоблоков, в 1995 году планирует производить 35 процентов электроэнергии на АЭС, в 2000-м — 39 процентов.

Франция (которая близка по площади Украине) производит на АЭС 79 процентов электроэнергии, планирует ввести в этом году еще три энергоблока мощностью по 1300 МВт каждый. Начато строительство мощной АЭС всего в 30 километрах от Парижа — на реке Сене.

Неужели Вы думаете, что в развитых цивилизованных странах с рыночной экономикой хуже нас считают деньги или меньше заботятся об экологии и людях? Вредные выбросы в атмосферу ТЭС — это болезни, смерти людей, в том числе и от рака.

Если Вы не верите нам, то поверьте доводам известного американского врача Р. Гейла:

«Замена всех АЭС в СССР на угольные ТЭС привела бы к пятидесятикратному увеличению числа преждевременных смертей в следующем столетии по сравнению с вероятными последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, рассчитанными по самым пессимистическим прогнозам».

Надо бороться, по нашему мнению, не против атомной энергетики, а за ее безопасное использование.

Мы сочли возможным вынести на страницы журнала этот достаточно специальный разговор, так как считаем, что, несмотря на ряд материалов, появившихся в нашей печати за последнее время, все мы мало информированы о чернобыльской катастрофе. Не может не возникать вопроса: почему судебный процесс был закрытым? Почему и сегодня ход работы комиссии опять овеян тайной?

Подготовила Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ

ДЕРЖАВНАЯ «ФЕНЯ»

Припомним: в эпоху брежневизма мы постоянно что-нибудь усиливали, повышали, расширяли, укрепляли, активизировали, поднимали до новых, небывалых высот. На всех уровнях партийного небоскреба лепились эти вызывающие зевоту пункты решений и постановлений — от первичек до центральных органов партии. По их образу и подобию формулировали пункты-близнецы, вгоняя в бумагу гвозди-глаголы, озадачивали охваченное и не охваченное членством население на ближайшее время и на перспективу вплоть до третьего тысячелетия.

«Усилить ответственность за порученное дело...»

«Выше поднять авангардную роль...»

«Шире вести пропагандистскую работу...»

Эти шаманские заклинания носили чисто ритуальный характер, в одно партийное или беспартийное ухо входили, в другое выходили. Всем было ясно, что такие казенные решения принимаются для проформы, ибо по заведенному распорядку каждое собрание или заседание (конференция, пленум, съезд) просто обязано завершаться резолюцией из нескольких пунктов.

Первый пункт, второй, третий... У кого есть поправки, дополнения? Так, очень полезное у вас замечание, товарищ Семенов. Вместо «выше поднять» — «еще выше поднять», а то получается, что до этого мы сидели сложа руки, ничего не поднимая. Голосуем в целом. Кто — «за»? Единогласно.

И вот сейчас эти бессмысленные «усиления» и «повышения» вновь вынимают из сундуков и ниспосылают партийно-беспартийной пастве.

Загляните в газету «Советская Россия» от 16 февраля. Как это фанфарно и гордо звучит: «В Политбюро ЦК КП РСФСР»! Если судить по замшелым формулировкам, исходящим от Политбюро, оно руководит российскими коммунистами по их состоянию на самый пик застоя. Уж не знаю, как руководящий орган КП РСФСР осуществляет это технически, то ли сам погружается в благословенные застойные времена, то ли коммунистов извлекает из них в законсервированном виде, но порожденный им документ мало чем отличается от унылых, бескровных, ни к чему не обязывающих опусов застойного парттворчества.

Прислушаемся к монотонной мелодии, исполняемой безымянными функционерами:

«...настойчивее вести работу...»

«...усилить партийное влияние...»

«Коммунисты призваны конкретными действиями добиваться...»

«Обращено внимание... на ослабление усилий в наращивании...»

«...активнее бороться за укрепление единства...»

«...дать решительный отпор...»

А нижеследующего пассажа мы не читывали и в годы застоя. Тут налицо развитие поэтики партийного документа:

«Городскому и районным комитетам партии рекомендовано: добиваясь более активного участия коммунистов в работе комитетов и групп народного контроля на производстве и по месту жительства, помогая учебе рабочих контролеров и обеспечивая широкую гласность их деятельности, строже спрашивать с коммунистов-руководителей за лучшее удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах, служащее одним из главных условий стабилизации потребительского рынка».

Бедные барнаульские горком и райкомы, коим адресовано это предложение-гигант! Конечно, чем запутаннее, тем величественнее, тем большее почтение к инстанции, но попробуй выберись из этих «добиваясь», «помогая», «обеспечивая» и «строго спрашивать»!

Бедные, бедные коммунисты-руководители, с которых предлагается строго спрашивать за ЛУЧШЕЕ удовлетворение потребностей населения!

Жалкое это уродливое УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, «служащее одним из главных условий»,— для придания документу мудрой весомости!

Разнесчастное барнаульское население — долгонько ему придется ждать товаров и услуг! Пока местные партийцы выпутаются из высочайших размышлизмов, оно успеет, говоря на партийно-функционерском языке, «еще более усилить свое обнищание».

Но перенесемся в Кострому — искрометное партийное слово и там воюет за лучшее удовлетворение. В том же феврале здешняя газета «Северная правда» (№ 41) выдала информацию: «В обкоме Компартии РСФСР», из которой костромичи, в частности, узнали, что на секретариате обкома «с большой обеспокоенностью за дела обсуждалась работа Мантуровского райкома КП РСФСР ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗИМОВКИ СКОТА...» (выделено мною.— **Э. П.**).

Политическое обеспечение зимовки скота... Нет, если бы сбросить годочков шесть и ввернуть нам, смердам, про политическое обеспечение, даже не зимовки, а очистки выгребных ям, мы бы и глазом не моргнули. Парторганы на то и существовали, чтобы ко всякому делу мы подходили с политическим прицелом, чтобы решению самого малого вопроса придавали политическое звучание.

Но нынче-то мы другие, располитизированные. Нам уже ясно, что мясо-молочное производство для своего процветания необязательно должно быть озарено неугасимым светом вероучения. Достаточно осветить фермы обычными лампочками. Кроме того, необходимо поддерживать в рабочем состоянии оборудование, иметь достаточное количество кормов, добросовестно ухаживать за скотиной — да мало ли у сельчан чисто хозяйственных забот и узких мест? И если образуется где-то дыра, так только руки крестьянина, которые даны ему еще задолго до появления идеологических доктрин, способны ее залатать, только радение и труд могут дать мясо и молоко. И еще — компетентность и смекалка сельских командиров. Ну, и помощь вышестоящих структур — не без того.

Но помощь делом, а не обеспокоенность за дело! Тем более когда беспокоятся за политическое обеспечение зимовки скота.

Что, собственно, секретариат обкома имеет в виду под таким обеспечением? Вовлечение буренок и хавроний в политическую борьбу? Но они равнодушны к политическим реалиям ввиду их полной несъедобности.

Или политическое обеспечение считается состоявшимся, если работники райкома всю зиму безвылазно присутствуют при откорме и доении и своим политическим словом вдохновляют животноводов на трудовые подвиги?

А может, для политической окраски зимовки скота колхозники должны заступать на смену с Гимном на устах, а по окончании смен проводить манифестации со знаменами и лозунгами в поддержку классового подхода к искусственному осеменению скота?

Но сегодня и дошкольнику ясно, что ни барабанный бой, ни патриотические песнопения, ни классовое мироощущение не ведут к продуктовому изобилию. Другие категории на устах — стимулы, семейный подряд, аренда...

Впрочем, что это мы ломаем головы, пытаясь определить роль политики в зимовке скота? На этот счет в информации Костромского обкома содержится четкое указание. Мы узнаем из нее, что Мантуровский райком не предпринимает «практических шагов ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ И СТАБИЛИЗАЦИЮ ОБСТАНОВКИ...» (выделено мною.— **Э. П.**).

Вот оно, по-партийному доходчивое руководство к действию!

Сдается мне, пора готовить для наших департаментов низшего и среднего уровня дешифровальщиков спускаемых в народные массы документов. Ведь партийно-бюрократическая стилистика заразительна, ее признаки можно обнаружить даже в постановлениях такого демократического образования, как Верховный Совет СССР.

И что удивительно: среди депутатов масса умнейших людей, ораторствуют — заслушаешься! Ну, прямо артисты! Нормальным русским языком изъясняется и глава парламента — Анатолий Иванович Лукьянов. Но вот попалось мне за подписью Анатолия Ивановича малюсенькое постановление. В «Правде» от двадцатого опять же февраля. Такая миниатюрка из трех пунктов. После зачтения второго мне, честно признаюсь, понадобился длительный восстановительный период. Сейчас я процитирую, но будьте осторожны — не надорвитесь.

Итак: пункт второй:

«Поручить правительству СССР ОБЕСПЕЧИТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ ПРОВОДИМЫХ МЕРОПРИЯТИЙ УПРЕЖДАЮЩИМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ КОМПЕНСАЦИОННЫХ МЕР (выделено мною.— **Э. П.**) и усилением социальной защищенности граждан с учетом замечаний и предложений, высказанных народными депутатами СССР».

Сейчас-то, пройдя мозговую реабилитацию, я догадался, что депутаты, скорее всего, высказали простейшую мысль: «сначала — компенсация, потом — повышение цен», а «обеспечить подкрепление упреждающим осуществлением» — изобретение какого-то аппаратчика, уверенного, должно быть, что государственные мужи просто не имеют права объясняться с народом вот так запросто, на общедоступном русском языке. Власть, по его убеждению, должна держать дистанцию, напускать на свои словеса таинственный флер, придавать им державное звучание, чтобы не стыдно было поставить внизу: «Москва, Кремль».

Кстати, я не сказал, что стоит вверху. Вверху название документа-миниатюры: «Постановление Верховного Совета СССР о сообщении Кабинета министров СССР о мероприятиях, направленных...» Ну, и так далее... По размеру — вполовину самого текста.

Если отрешиться от сложившихся аппаратных стереотипов — а время к тому обязывает,— в заголовке постановления можно заметить некую методологическую странность. Это как же — один орган сообщил, а другой не долго думая взял да постановил: пункт первый — принять сообщение кабинета к сведению? Было сообщение — стало постановление. Не слишком ли простенький, прямо-таки школярский путь для создания документа, под которым сиятельное: «Москва, Кремль»? Не проглядывает ли и здесь реликтовая рука совпартаппаратчика, дошедшего до нас в первозданно-застойном виде?

Эх, хоть одним глазком взглянуть на автора «упреждающего осуществления» и потешной конструкции с двумя «о» («о сообщении о мероприятиях»)!

Поскольку Бог любит троицу, добавим еще одно «о». Патетическое.

О великий русский язык! Ты мстишь за надругательство над собой! За словом — уровень мышления, методы работы, ее направленность. Слово разоблачает, раздевает, настораживает.

— Это они по-каковски шпрехают? — ломают головы интеллектуально окрепшие на дрожжах гласности миряне.— Опять на своем партийно-пародийном диалекте, по функционерской «фене»? И как только им удается поддерживать ее жизнестойкость? Словари небось имеют с грифом «Для служебного пользования», а кого принимают в аппаратчики, должно, хитроумными тестами прощупывают. Очень может быть, и графу специальную в анкетке завели: «По нашей спецфене ботаю свободно, со словарем. Нужное подчеркнуть». Для них, стало быть, для властей, нужное. У нас-то, у черни, от всей этой номенклатурной «фени» одно только ослабление усилий по наращиванию...

У поэта, как и у любого одушевленного человека, случается в жизни момент, когда из опыта, что «все не так», предпринимается попытка рассказать что-то так, как никто не мог до него, то есть не как все, а как надо на самом деле. Судьба должна дать наколку — чье-то слово, оказавшееся камертоном. Картина или картинка, потом навсегда забытая, или чьи-то слова, может быть, чье-то мудрое изречение.

В случае Генриха Сапгира изначальной верной нотой, по которой потом пошли складываться его стихи, должен был стать мудрый юмор советского анекдота, побеждающего отнюдь не мудрую реальность — мудрость самого юмора.

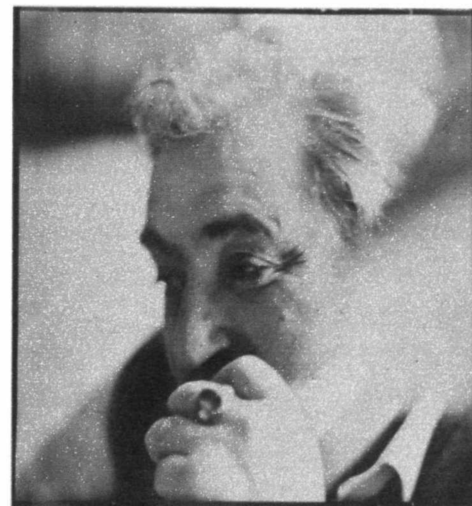
Восточный Ходжа Насреддин, достоевский капитан Лебядкин, блеск четырех братьев, сочинивших себе одну общую маску Козьмы Пруткова. Это коллективное величие, вырастающее в игре, могло стать не отходом, а назначением поэзии. Генрих Сапгир посвятил этому весь свой большой поэтический дар.

Стихов у него столько, что он мог бы уже уставить полку книгами, если бы их выпускали по мере создания стихов, и столько «периодов», сколько у Пушкина или Пикассо,— от голубого до Болдинского. Количество в такого рода поэзии принципиально, оно есть настояние самого качества. Напечатано из всего этого — крохи. Сапгир никогда не унывал и легко покидал свое наследие ради следующего периода. Теперь все чаще он — поэт-философ. Удел поэта — размышлять о главном, беседовать, «как с другом, с Богом»...

Я был разграблен. Был товарным складом.
Я был сортиром, холодом и смрадом.
Но даже взорван будучи, тем самым
Не перестану быть Звездой и Храмом.

Кажется, он выходит победителем из самой обреченной борьбы — со временем.

Андрей БИТОВ

Генрих САПГИР

Отсрочка вам еще на полчаса...

МНЕ 12 ЛЕТ

Весь встрепанный и потный со двора
Вбежал: отец!.. И сразу тихо стало
Из темных рук бумага выпадала —
И той бумаге не было конца

Он плакал половиною лица
Над Витебском над мятой
похоронкой —
И горе вдаль веревочкой-воронкой
Закручивалось — дымная дыра

Устами — всеми звездами крестами
Отец рычал, хрипел: «Будь проклят
Сталин!»
Обмолвился?.. Ослышался я? да?

Не Гитлера винил он в смерти сына...
Пусть жжет вас пламя Страшного
Суда! —
Да керосина больше! керосина!

1986

РУКОПИСЬ

Раскрыл меня ты насмех — наугад
На двести девятнадцатой странице.
Оплыли свечи. Все кругом молчат
И дождь потоком по стеклу струится

Дорогой кони скачут и храпят
В кустах — огни! Предательство!
Назад!
Мария спит смежив свои ресницы
И в лунном свете замок серебрится.

Начало: «Граф дает сегодня бал»
Конец: «Убит бароном наповал!»
Я — пыльный том седого графомана

Но лишь открой картонный
переплет —
Предутренней прохладою пахнет
И колокол услышишь из тумана.

1976

Памяти писателя
Геннадия Цыферова

ГОЛОВА СКАЗОЧНИКА

Вот голова Камилла Демулена
Бормочет нежные слова
Вот голова как маска льва
Свирепые черты Дантона

Вот Цыферова голова
Трясет соломенной бородкой
И распускает губы как бутон:
— Любил я в жизни сей короткой
Вас Робеспьер Марат Дантон —
Само звучание имен
— И вашу голову Людовик
Я целовал в глаза и лобик

Марина помнишь это лето
Марина ах! — Антуанетта
Была любовь... была Москва...
В подушках чья-то голова
Я в руки брал ее — и это
Была она — Антуанетта

И вашу голову Дантон
Я видел в Химках под мостом
И вашу голову Камилл
Я видел в Болшево под дубом

Болела под осенним небом
Дождь листья на нее лепил
А пляска алых колпаков —
Так листья в парке закружило!
Я был нелеп и бестолков
Но сердце видело и жило

И вот новинка — гильотинка
Над сердцем нож ее навис
И падает сползает Генка
В колени в кружева маркиз —
По лестнице ногами вниз

Я — сказочника голова
И может быть чего-то стою,
Хоть золотистою пыльцою
Цветов и бабочек полна

Любили же в конце концов
Чужие жены чьи-то дети
Мое бугристое лицо
Купринско-чеховского дяди

Ах, все во мне перемешалось
Россия... Франция... века...
Маркизы... бабы... боль и жалость...
И бабочки... и облака...

1974

УМИРАЮЩИЙ АДОНИС

Я — Адонис
Я хромаю и кровь течет из бедра
Я корчусь — червяк на ладони
Не отворачивайся Природа будь
добра
Я — сын твой Адонис

Меня погубила дура из бара
Обступили какие-то хмуро и серо
Я падаю — мне не дожить до утра
Мне дурно

Вот приближается рокот мотора
Меня освещает белая фара
Как твое имя парень?
— Адонис
«Адонис? Латыш наверно или
эстонец»

Я — Адонис
Я совсем из другого мира
Там апельсины роняет Флора
Там ожидает меня Венера
И о несчастье узнает скоро
Дикие вепри
Бродят на Кипре...

«Ах ты бедняжка!
Понял! он — итальяшка»
Я — Адонис!
Я чужой этим улицам и магазинам
Я чужой этим людям и трезвым
и пьяным
Поездам телевизорам телефонам
Сигаретам газетам рассветам
туманам

«Нет
Скорей
Это
Еврей»

Я — Адонис
Я сквозь дебри за вепрем бежал и
дрожал
Меня ветки за пятки хватали пытали
Меня били! любили! хотели! потели!
Я любезен богине Венере
Я не здесь! Я не ваш! Я не верю!

— Сумасшедший ясно
— Но откуда он?
— Неизвестно

Я — Адонис

1970

ПОДМОСКОВНЫЙ ПЕЙЗАЖ С КУКЛОЙ

Вся в ряске течет полудохлая
Клязьма
В осоке видна утонувшая кукла
К осени — дождь... Но и солнышко
дразнит
Окраина вся менструально набухла

На том берегу — магазины и
праздник
Здесь кто-то крикнул, а там кто-то
гукнул
Там пьяный бежит. А другой
безобразник
Чернеет в траве словно жук или
буква
Что все это — кукла плакаты
бараки?
Наверно какие-то тайные знаки —
И всюду рассыпанные человечки
И желтый закат за поселком —
и даже

Лошадь белеющая у речки
В нечеловеческом этом пейзаже

1974

МОСКВА КОНЦА ВЕКА

Фантастика — Москва и москвичи:
То лысина, то сталинское что-то
Прохожие громыки кривороты
Бровасты леониды ильичи

Спаси меня Господь и научи!
Постреливают... По ночам — охота
А то идут танкетки и пехота —
Пронизывают улицу лучи...

Днем — смурь, толкучка — плоские
затылки —
Не люди, а какие-то обмылки,
Я сам под мышкой свой кочан несу

Мерцая нитью поезда — в столицу —
Убить ограбить затеряться
скрыться
В полях Таганки в Кунцевском лесу

1989

ПРИШЕСТВИЕ

— Галактика! Амон и царь Египта...
Все звезды — да! — кто — светом,
кто — звонком
И первой вышла женщина из лифта
Которую слизнуло языком

Темно и стра... на складе заводском
Встают и бродят... А туман? а
взрыв-то?
Тряс мальчика... глаза открыты...
жив? да?
В лесу тянуло страхом и дымком

И столп пороховой в пустыне вырос
Свершилось! — нам сквозит
Христос — Озирис
Открой окно —
там стекла сотряса...

В палатах продолжаются дебаты
Ждут призраки компьютеры
солдаты...
Отсрочка вам еще на полчаса

1990

ПРОД
ТОВА
РИ

Земля у нас одна

Фото
Олега ВОРОБЬЕВА (Североморск),
Юрия ЕРМОЛИНА (Челябинск),
Дмитрия ЗЮБРИЦКОГО (Одесса).

КОММУНИСТ В СТРАНЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Коммунистическая идеология в наши дни переживает серьезные испытания. Рушится казавшийся еще недавно незыблемым социалистический лагерь, а вместе с ним — идейные постулаты, считавшиеся бесспорными, данными на века. Мы пристально следим за брожением умов в своем отечестве, с тревогой раздумывая о новых идеалах, пока с трудом проглядывающих в водовороте мнений. А какова позиция тех, кто многие десятилетия разделял нашу идеологию издалека, живя в иной общественной системе? Готовы ли они в свете последних событий «поступиться принципами»? Нам кажется, что читателям будет интересна точка зрения итальянского коммуниста, московского корреспондента газеты «Унита» Серджио Серджи, с которым беседует Людмила Сальникова.

— Я еще со школьных лет усвоила, что итальянские коммунисты — самые лучшие коммунисты из капиталистического лагеря. Их много, они пользуются авторитетом и влиянием в своей стране. «Унита» была чуть ли не единственной газетой Италии, которую могли процитировать в наших официальных сообщениях — ведь она орган коммунистов. Наверное, и у вас существует особое отношение к первому в мире коммунистическому государству. Как вы восприняли ваше назначение корреспондентом в Москву?

— Да, Советский Союз все наши левые силы всегда немного идеализировали, он для нас являлся своего рода символом, живым воплощением каких-то социальных чаяний. Я вырос в семье коммунистов, сам коммунист и был убежден, что в государстве рабочих и крестьян преодолены многие общественные конфликты. Конечно, доходили слухи и о ваших трудностях, но в моем окружении их не принято было муссировать... О чем-то, как я теперь понимаю, старались просто не говорить. Так что в Москву два года назад, в разгар перестройки, я поехал с желанием и интересом.

— И действительность превзошла все ваши ожидания?

— Увы. Я не предполагал, что ситуация выглядит так удручающе... Причем ухудшение продолжается.

— Что вас поразило прежде всего?

— Ну, во-первых, я понял, что попал в иную цивилизацию. Применять к вашей стране западные мерки — дело безнадежное. Нужны годы, чтобы хоть как-то понять ваш национальный менталитет, национальное своеобразие. Думаю, что вхождение Советского Союза в мировое сообщество — очень непростая задача. А во-вторых, пришлось окунуться в атмосферу загадочности, необъяснимости многих явлений, событий...

— Например?

— Примеров сколько угодно. Самый близкий — очереди. У меня в голове не укладывается: как можно два часа стоять в очереди! Это же страшно унижает! Вы можете собираться в многотысячные митинги на площади, чтобы скандировать: «Долой КПСС!», но почему-то не хотите прийти к Моссовету и сказать: «Все, не потерпим больше этих страшных очередей!» Энергия уходит совсем не туда. Однажды наблюдал, как одна пожилая женщина просила разрешить ей без очереди купить пакет молока — она очень торопилась. Знаете, какой гнев, какое возмущение закипели в очереди! И при этом поразительная покорность и смирение в принятии этих унизительных условий жизни...

— Очереди — это чуть ли не главное завоевание социализма. Уже несколько поколений наших соотечественников просто не знают, что можно покупать все необходимое свободно, без гигантской затраты времени и нервов.

— Я уже сказал, что сравнивать наши страны бессмысленно. Однако какие-то параллели провести все-таки можно. Итальянские рабочие тоже переживали тяжелые времена, но ведь они смогли сплотиться и отстоять свои интересы. Что мешает вам?.. Знаете, нынешняя накаленная обстановка в Москве чем-то напоминает мне Палермо. Многие называют этот город столицей мафии. И не случайно. Здесь нередки убийства политических и государственных лидеров, судей, полицейских. Так вот, физическое насилие порождает враждебность между людьми. Тебе здесь могут грубо ответить на улице, продавец табачного киоска иной раз бросает сдачу чуть ли не в лицо. А какое унижение приходится испытывать, чтобы получить любую пустяковую справку! То, что положено тебе по закону, делается как великое одолжение. Меня это всегда возмущает. Условия жизни в вашей стране тоже вызывают у меня гнев.

— Загадка русской души для вас связана только с бытовыми условиями жизни советских людей?

— Ну что вы! Если перейти к сфере политики, там загадок и парадоксов еще больше. Я, например, и сегодня дорого бы дал, чтобы узнать истинные причины отставки Шеварднадзе, Прункскене, других крупных политиков. К сожалению, многие важные этапы политической борьбы протекают тайно, скрытно от общественности, поэтому когда мы видим результат — он подчас шокирует. В то же время вы склонны не видеть очевидное и пропускаете досадные удары под дых. Только один пример — назначение на пост вице-президента Янаева. Помните, как он выступал перед депутатами на IV съезде? На вопрос, как у него со здоровьем, он ответил — спросите у жены. И это заявляет второй человек крупнейшей державы! После таких слов присутствующие в зале женщины должны были просто выйти или, поднявшись на сцену, дать пощечину выступающему. Да-да, я говорю это вполне ответственно. В любой стране мира поступили бы именно так. Но не в вашей. Чудовищное пренебрежение элементарными нормами этики вызвало у присутствующих только легкий смешок, в том числе у женщин. Необъяснимо! И при этом удивительно много времени тратится на придирчивое обсуждение жены Президента, каждого ее слова, нового наряда, очередной поездки. Словом, целая национальная проблема. Все прежние лидеры вашей страны казались либо холостыми, либо вдовцами — они нигде не показывались с женами, хотя этого требует протокол. Наконец, появился руководитель, который повел себя согласно принятым во всем мире нормам — и вызвал недовольство населения...

— Вам не кажется, что конфликт между народом и властью традиционен для русской истории?

— На мой сторонний взгляд, вы будете недовольны любым, даже самым идеальным правителем. При Сталине было плохо? При Хрущеве плохо? При Брежневе?.. Но и при Горбачеве плохо. Что же вас устроит? По-моему, вы всегда излишне фокусируетесь на личности одного человека — того, кто стоит у власти. Но ведь страной управляет не один он. Для вас же он, и только он — причина всех несчастий.

— Тому есть объяснение. Вы же сами заметили, что вся кухня нашей власти надежно скрыта от посторонних глаз.

— В последнее время эта традиция все-таки нарушилась. Кто, как не Горбачев, дал возможность появиться на политическом небосклоне целой плеяде «звезд». Их имена всем хорошо известны. Другое дело, что действуют политические кумиры порой по каким-то ирреальным, с моей точки зрения, правилам. Взять хотя бы известное выступление Ельцина по телевидению. У него могло быть хоть сто причин сказать то, что он сказал. Но какой момент он выбрал для своего обращения? Самый неподходящий. Именно в эти дни Горбачев выступил с важными инициативами по урегулированию кризиса в Персидском заливе, Хусейн после встречи с Примаковым впервые заговорил о выводе своих войск из Кувейта. Весь мир аплодирует миротворческому шагу Горбачева, а Ельцин требует его немедленной отставки... Но даже если Президент сложит свои полномочия, что изменится? Полки магазинов наполнятся? Все распри утихнут?

— Может быть, больше всего людей раздражает именно это противоречие между успехами во внешней политике и дальнейшим ухудшением ситуации внутри страны?

— Тем не менее у вас идет благотворный процесс выравнивания, приведения в соответствие критериев внешней и внутренней политики, они начинают влиять друг на друга. Иначе бы наша беседа не состоялась — вас бы просто не пустили в наш корреспондентский пункт. А какая невиданная политическая свобода появилась у людей! Вспомните, с какими лозунгами прошли демонстранты по Красной площади Первого мая прошлого года. Правительство любого государства после подобных обвинений должно было просто убежать в ту же минуту с трибуны Мавзолея и где-нибудь спрятаться, чтобы никогда больше не показываться своему народу... Мне кажется, Горбачев допустил действительно серьезную ошибку, когда обещал быстрые перемены к лучшему. Так не бывает. Но люди, ожидавшие, что вот-вот жизнь коренным образом преобразится, почувствовали себя обманутыми.

— Многие упрекают сегодня Президента за его крен вправо, видят в этом отказ от принципов перестройки, возврат к прошлому. Вы разделяете это мнение?

— Нельзя, как известно, войти в одну реку дважды. Невозможно вернуться в прошлое. Я не понимаю тех, кто пугает такой перспективой. Но нельзя не учитывать, что в стране есть не только радикалы, жаждущие обновления. Огромная масса людей настроена довольно консервативно, а благодаря нарастанию кризисных явлений таких заметно прибавилось. Горбачев, как политик-реалист, как умный человек (по уму с ним может равняться, я думаю, только Яковлев, ушедший по таинственным причинам из команды Горбачева), не может не учитывать этой инертной массы, противящейся решительным реформам. Возможно, Президент не намеревался примыкать к правым, а хотел их привлечь на свою сторону, что явилось бы ему мощной поддержкой. Однако консерваторы сами начали перетягивать Горбачева в свой лагерь. Перетягивание каната, судя по всему, еще не закончилось. Как вы сами понимаете, это мое субъективное видение ситуации, поскольку, повторяю, закулисные механизмы власти неизвестны и остается делать лишь предположения. Но, по-моему, сегодня стало ясно, что идти к рынку, не учитывая интересов военно-промышленного комплекса, пренебрегая мнением лидеров коммунистической партии, верхушки номенклатуры,— значит готовить стране катастрофу. Старые структуры все еще сильны и оказывают влияние на принятие решений.

— Как вы относитесь к нынешним деятелям КПСС? Говорит ли в вас классовая солидарность?

— Я не встретил пока ни одного настоящего коммуниста. Хотя, нет, один раз видел. Как-то подъехал к подъезду дома, где находится мой офис, вышел из машины, чищу от снега лобовое стекло, и вдруг один прохожий, заметив меня, возмутился: «У, понаехали к нам, буржуи, фашисты проклятые! Скоро мы всех вас...»

— Как вы среагировали?

— Этот прохожий был тут же повержен в снег. Собственной женой. Она толкнула его в спину, чтобы не рассуждал, шел дальше, а он и упал, поскольку был пьян и еле стоял на ногах... А если серьезно... Абалкин, которого, кажется, считают правым, на последнем съезде партии сказал, что в Советском Союзе никогда не было социализма. Я склонен с ним согласиться. Мы в Италии под коммунистической идеей подразумеваем нечто иное, чем вы пытаетесь построить у себя. Не случайно ИКП в свое время была отлучена от «правильных» коммунистов, возглавляемых КПСС. Мы всегда действовали, основываясь на собственных представлениях, отвергая догмы, за что обвинялись в оппортунизме, реформизме, в скатывании к социал-демократам и прочих смертных грехах. Мне кажется, советским коммунистам давно пора отказаться от старых представлений о власти, перестать подменять собой органы управления обществом. Удел партии — политика. Многие коммунисты понимают это, но такие, как Полозков, Нина Андреева, упорно не хотят видеть сегодняшних реалий. К сожалению, у КПСС пока нет серьезной оппозиции, а многопартийность появится, по моему мнению, когда произойдет раскол у коммунистов.

— Нельзя не заметить, что события в СССР, в Восточной Европе влияют на компартии других стран. В ИКП тоже произошли серьезные изменения. Как вы к этому относитесь?

— Вы, конечно, уже знаете, что на XX съезде Итальянской коммунистической партии происходили весьма драматичные события, повлекшие за собой расформирование ИКП и создание новой Демократической партии левых сил. Признаюсь, непросто было уснуть коммунистом, а проснуться не ясно кем... Я даже еще не сдал свой партийный билет. Импульс к таким резким переменам пришел с Востока, отрицать это бессмысленно. Падение Берлинской стены оказалось своего рода рубежом, за которым должен начаться новый отсчет времени. Правда, некоторые члены партии выступали против реформ, дабы не демонстрировать таким образом нашу зависимость от Восточной Европы.

— Сегодня чуть ли не самыми ярыми антикоммунистами становятся жители сплоченного некогда социалистического лагеря. Идеи марксизма-ленинизма на глазах теряют популярность. Как вы, коммунист, в таких условиях видите свое будущее?

— За авторитет итальянских коммунистов я спокоен. Десятки лет ИКП пребывала в оппозиции и являлась главной силой в борьбе за демократические преобразования в стране, за социальную справедливость. И немалого добилась. С ней многие связывали и связывают надежду на лучшую жизнь. Что касается марксизма-ленинизма... Это далекая история, имеющая мало общего с живой действительностью. Уже никто, по-моему, не верит в коммунистическую перспективу в прежнем понимании. Однако слово «коммунизм» для многих людей во всем мире, как и раньше, обладает неким магнетизмом, оно сплачивает вокруг себя тех, кто хотел бы построить новое общество, свободное от нынешних пороков и конфликтов, где управляют не экономические силы, а высшие принципы разума, гуманизма, справедливости...

— Вы считаете, что такое достижимо? А может быть, человечеству нужна такая неосуществимая прекрасная идея, чтобы жизнь не казалась бессмысленной? Можно ли считать, что еще один виток социальных экспериментов завершен и мы вновь возвращаемся к сказочному «Городу солнца» Кампанеллы?

— Если хотите.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

Роман

ГЛАВА X

Ровно в шесть пополудни высокий рыжий малый — наш старый знакомец Жан-Поль — решительно толкнул тяжелую застекленную дверь в помещение редакции «Юманите» на улице Фобур Пуассоньер и, быстро оглядевшись в холле, направился налево — к столу, за которым сидела дежурная. Правую руку он держал в кармане кожаной куртки, в левой был конверт.

— Это для Армана Сейнака. Очень срочное дело. Отправьте прямо сейчас.

— Вы можете подождать? Я только проверю, у себя ли он.

Дежурная взяла трубку местного телефона. Рыжий остался стоять у стола, но на девушку не смотрел: его взгляд беспокойно шарил по приемной, изучая всех, кто там был.

Вахтер, сидевший рядом с дежурной, взял пустую сумку для корреспонденции.

— Я пошел наверх,— сказал он и, выйдя из-за стола, направился будто бы к лифту. Но, оказавшись позади Жан-Поля, внезапно навалился на него, прижав к столу, мгновенно набросил сумку ему на голову и крепко схватил за руки. Плотный мужчина, сидевший в дальнем углу, с неожиданным проворством подскочил и помог своему коллеге скрутить «курьера», не дав ему никакой возможности действовать правой рукой — она так и осталась в кармане куртки.

Все это произошло мгновенно. Жан-Поля вывели через заднюю дверь, а потом через запасной выход вообще из здания в переулок. Там ждала машина. Его втолкнули туда, один оперативник уселся рядом и двое — впереди. Руки его в наручниках оказались за спиной. Тем временем еще один оперативник вернулся в холл через парадный вход и забрал конверт.

— Спасибо, дорогуша,— похвалил он дежурную.— Отлично ты это проделала. Передай Сейнаку, что все о'кей.

Спустя несколько минут раздался вой полицейских сирен, к зданию подлетели четыре полицейские машины. Выскочившие из них люди — человек двадцать в форме и в штатском — бросились к дверям. Они миновали приемную, будто точно зная, куда надо бежать, рассыпались по комнатам второго и третьего этажей, где располагались отделы редакции, а двое отсоединили местный телефон и принялись обыскивать стол дежурной.

Несмотря на протесты Сейнака и остальных сотрудников, за полчаса полиция обшарила все кабинеты. Возглавлявший группу инспектор отказался ответить на вопрос, есть ли у него ордер на обыск, и только плечами пожал, когда ему сказали, что на следующий же день газета расскажет своим читателям о его действиях. Из кабинета, где в тот момент никого не было, он позвонил в префектуру.

Продолжение см. «Огонек» №№ 11—16.

— Это Дюмайль, господин префект.

— Ну?

— Ничего не обнаружено. Абсолютно ничего. Мы все перерыли.

— Не понимаю! Агент ведь доложил, что человек с конвертом вошел в здание.

— Но вышел ли он, господин префект?

В трубке наступило молчание.

— Вот идиот! — произнес наконец префект.— Чего ж ему никто не сказал, чтобы он еще подождал?

— Приступить к поискам того, кто принес конверт?

— Не надо. Уводите своих людей...

А машина ОТО тем временем на большой скорости двигалась к улице Соссэ. Она заехала в подземный гараж, и один из инспекторов пошел звонить.

— Он тут, внизу,— доложил он Альфреду Бауму.— Привести его к вам?

Баум был уже в курсе.

— Не надо. Снимите пока отпечатки пальцев и проверьте на компьютере. Потом пусть инспектор Алламбо с ним побеседует. Я его проинструктировал, он будет тянуть допрос как можно дольше. А я встречусь с этим малым завтра утром.

Из гаража Жан-Поля провели в лифт. Он шагал с развязным видом и не отвечал, когда к нему обращались. Сотрудникам контрразведки такая бравада была знакома — ее обычно хватает часа на два. Они будто и не замечали ничего.

В кабинете инспектора Алламбо наручники с Жан-Поля сняли, предложили сигарету и не стали настаивать, когда он отказался от чашки кофе. Пришел молодой человек со специальным оборудованием и снял отпечатки пальцев, а другой сфотографировал его. В карманах у задержанного не нашлось ни оружия, ни документов.

Негромкий голос и мягкие манеры инспектора Алламбо — человека уже немолодого — не сразу позволяли обнаружить в нем острый и недобрый ум. Он слыл большим специалистом по части допросов и, не повышая голоса, умел, как никто другой из его коллег, выжать из преступника признание.

— Только дайте им время — и они запутаются,— утверждал он.— В этих их россказнях обязательно найдется слабое звено. Дайте им поговорить — и они сами себя разоблачат.

Жан-Поль объяснял происшедшее чрезвычайно просто. Хотя его рассказ не внушал доверия, опровергнуть его оказалось трудно, тем более что он упорно стоял на своем. Один человек по имени Жиль, которого он, Жан-Поль, знает не особенно близко, заплатил ему сто франков, чтобы он отнес конверт в «Юманите». Вот и все, что он имеет по этому поводу сообщить. Где это произошло? Да прямо на улице. На какой именно улице? Ну, на бульваре Клиши. Там он иногда и раньше встречал Жиля. Может, они вместе в кафе заходили? Да нет, просто встретились случайно. А давно познакомились? С год назад, может, и два, а то и раньше. Как выглядит этот Жиль? Ну знаете, такой небольшого роста, волосы темные, совершенно обыкновенный, в переулках возле Клиши таких сколько угодно.

Чем занимается Жиль и на что живет, ему неизвестно. Может, он сутенер, кто его знает? Где живет? Ну ни малейшего представления! А где сто франков? Он их разменял: купил билет на метро и пачку сигарет. А где сигареты? В кармане были, если только он их не выронил. Может, чертовы эти полицейские вытащили, пока в машине ехали.

Инспектор Алламбо записывал все тщательно, будто верил каждому слову. Он был сама вежливость и предупредительность. Разумеется, он и сам хотел как можно скорее отпустить Жан-Поля домой. Но необходимо выполнить кое-какие формальности. Между прочим, по какому адресу он проживает?

— Не помню,— ответил Жан-Поль.

— Не помнишь, где живешь?

— Не помню — и все. У меня память отшибло после того, как меня в машине избили.

— Так тебя били? Покажи-ка следы побоев.

— А нету следов. Вы же тут специалисты, бить умеете...

Инспектор вздохнул: что-то дело не продвигается. Может, отпечатки пальцев помогут.

И правда, отпечатки пальцев кое-что объяснили. Они принадлежали некоему Жан-Полю Масэ, тридцати одного года, в прошлом — три года службы в иностранном легионе, четыре раза сидел — дважды за нарушение общественного порядка (то бишь за уличную драку) и дважды — за кражи, один раз — с применением насилия. Выяснилось, что этот Жан-Поль Масэ с тех пор, как ему стукнуло шестнадцать, провел за решеткой в общей сложности девять лет.

— Это же надо! — посочувствовал Алламбо.— Столько времени даром ушло, правда ведь? А теперь и это еще. Суд наверняка отнесется к делу серьезно.

— Да какое дело-то, из-за чего шум? Что я этот сраный конверт отнес?

— Это верно, никакой вины за тобой нет. Только разве судья поверит, когда узнает твое прошлое? Скорее уж он решит, что ты действовал сознательно, как член какой-то левой организации. Так что сам думай, приятель. Если суд подойдет к тебе без снисхождения, то уголовный кодекс за такие дела предусматривает наказание очень и очень суровое.

— Ну например?

— Пятнадцать лет строгого режима.— Алламбо сочувственно покачал головой.— Хочешь кофе, дружок, а?

«Надежным человеком» Рольфа Хемминга был не кто иной, как Пишу — секретарь Амбруаза Пеллерена, тот самый, которому, к его досаде, не удалось присутствовать при встрече его шефа с Жоржем Вавром. Пишу служил Пеллерену уже семь лет — из них четыре, когда тот был всего-навсего малоизвестным политиком, и три — когда занимал уже министерские посты. У него была великолепная память, неукротимая энергия и готовность выполнить любое поручение. Амбруаз Пеллерен полагался на него как на самого себя — кто ж этаких не ценит? Его дове-

рие простиралось далеко за сферы политики и распространялось на такие стороны жизни министра, где его телефонные разговоры больше бы заинтересовали его супругу, нежели коллег. В смысле надежности, считал министр, бледный, несколько смахивающий на лемура Пишу не имел себе равных. Пеллерен заметил его некогда на самых нижних ступенях служебной лестницы — у него был нюх на полезных людей — и всемерно способствовал его продвижению, как бы формируя для себя, в чисто французском стиле, помощника, всецело обязанного своей карьерой патрону. Отсюда — надежность. Отсюда — возможность довериться. И отсюда же — тайная ненависть, которую питал к Амбруазу Пеллерену хитрый, неврастеничный, не находящий удовлетворения своим амбициям Пишу,— эта ненависть разъедала его душу, как медленно действующий яд. Конечно, отсюда же и миниатюрный радиомикрофон под крышкой старинного, в стиле Людовика Четырнадцатого комода, который украшал гостиную Пишу,— именно в его квартиру Хемминг привел адмирала Брубека, чтобы познакомить его с министром. Они втроем — сам Хемминг, адмирал и министр — уютно расположились возле низкого столика, на котором стояли бутылки и стаканы. Скромник Пишу предоставил патрону на весь вечер квартиру и удалился по своим делам. Не догадываясь, с кем собирается встретиться министр, и не задавая никаких вопросов, он позаботился обо всем и оставил гостям неплохой выбор напитков: обычная его предусмотрительность.

Оба американца пили шотландский виски. Министр налил себе рюмочку портвейна.

— Messieurs, je vous écoute — господа, я вас слушаю,— сказал он.

Он пригласил господина адмирала, начал Рольф Хемминг, потому что полагает, что новому шефу ЦРУ было бы чрезвычайно полезно установить контакты с ведущими политическими деятелями Франции — с людьми доброй воли, чья политическая философия естественным образом приводит их к такого типа контактам. Vous me comprenez bien? Вы ведь меня понимаете, мой друг? Как это важно — услышать из первых рук, что французские лидеры думают и планируют, на что рассчитывают в сложившейся весьма щекотливой, я бы даже сказал, опасной ситуации. Он мимоходом упомянул взрывы, коснулся предстоящих выборов, поморщился, говоря о коммунистах, и рискнул высказать предположение, что, уважая французскую демократию и желая восстановить в этой стране статус-кво, правительство и народ Соединенных Штатов проявляют интерес, пожалуй, даже встревожены тем, что здесь происходит, и хотели бы сделать все, что возможно...

Он продолжал в том же духе, то намекая на сотрудничество, то слегка угрожая возможностью прямого американского вмешательства, создавая атмосферу, в которой можно было произносить такие слова и выдвигать такие идеи, которые по самой своей сути нуждались в том, чтобы их окутывали неким политико-конспиративным туманом. Он был мастер вести беседы на скользкие темы. Его утонченная натура гомосексуалиста и многолетний опыт, когда ему приходилось убеждать несогласных и упрямых и подбадривать слабых духом, сделали его настоящим профессионалом в делах такого рода.

Зато для адмирала это был темный лес. Словесные хитросплетения Хемминга если и доходили до него отчасти, то уж, во всяком случае, никакого впечатления не производили. Ведь они собираются решить одну из самых сложных задач этого сложного и жестокого мира: сокрушить коммунизм, так ведь? Этот обтекаемый Хемминг уже начал раздражать его. Что за нудный тип! Пора спрашивать напрямую, а он вопросов не задает, болтает себе. Адмирал решил задать их сам.

— Я бы хотел знать, господин министр, как поступят ваши люди, если по предварительным подсчетам окажется, что коммунисты получили преимущество?

— Это зависит от многих вещей, господин адмирал.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

— От каких именно?

— Всего не предусмотришь. От общего настроения в стране, к примеру, а главным образом — от настроения тех, кто, с моей точки зрения, составляет истинную Францию, тех, кто всегда голосует против коммунистов и социалистов и кто, если судить здраво, является движущей силой нашего общества.

— А если как раз они и недовольны нынешним правительством? И настроены действовать против вас?

— Если эта ваша политическая гипотеза оправдается, то мы поступим соответственно новым обстоятельствам.

Адмирал недовольно заворчал. Все вокруг лукавят, не нравится ему это!

— Вот вы лично смогли бы проявить в таком случае решительность и употребить власть?

Амбруаз Пеллерен позволил себе изобразить удивление, брови его слегка приподнялись.

— Вряд ли я мог бы прямо сейчас, заранее, дать определенный ответ.

— То есть власть не употребите...

Наступила долгая пауза.

— Я этого не сказал.

— Так вы предпримете какие-то шаги, господин министр?

Снова пауза.

— Смотря какие шаги. Должен заметить со всей искренностью, господин адмирал, что я не склонен входить в подробности, обсуждая проблемы такого рода.

— Но вы предполагаете поддерживать связь с моим другом Рольфом?

— Да.

— И можно рассчитывать, что вы будете держать нас в курсе? Сведения, которые поступают через наше посольство,— это сущая чепуха.

Министр сделал жест, который легко было истолковать как утвердительный,— адмирал так его и понял.

— Отлично,— резюмировал он. Однако по пути в отель спросил:

— Рольф, а получше у вас ничего не нашлось?

— Лучшего не нужно, господин адмирал. Есть и другие деятели, с которыми нам было бы легче сотрудничать, но у Пеллерена достаточно мускулов и шарма, и когда дойдет до дела, он себя покажет.

— Это он всегда так осторожничает или только вид делает?

— Вовсе нет. Он ходит вокруг да около, потому что хочет убедиться, что вы наших планов не выдадите у себя в ЦРУ. Предлагая вам с ним встретиться, я ведь не утверждал, будто он даст ответ на все ваши вопросы. Но поверьте моему слову, господин адмирал, что, если уж дела на выборах пойдут плохо, он вступит в игру.

...Вернувшись домой, Пишу вынул из спрятанного магнитофона кассету, на которой записались все вечерние разговоры, унес в спальню, дважды прослушал, принял решение завтра же переправить ее куда следует. И только после этого лег спать.

На следующее утро, в восемь, Баум вызвал к себе Алламбо.

— Пока ничего,— сообщил тот.— Допрашивали всю ночь. Держится за свою версию — с места его не сдвинешь. Я готов поклясться, что он отнюдь не просто посредник в этом деле, а крупная рыба.

— И я времени даром не терял,— сказал Баум.— Вчера вечером потолковал с одним приятелем, который занимается архивами иностранного легиона. Знаете, они там заводят симпатичные толстенькие досье на каждого из своих участников, все как на ладони — и прошлое, и настоящее. Так вот, этот Жан-Поль Масэ довольно-таки занятный малый.

Он вытащил из кармана скомканный лист и расправил его на столе.

— Ну, что мы тут видим? Масэ всегда интересовался политикой, и хоть интерес этот самого грубого свойства, политика в его жизни многое значит. Какое-то время он состоял членом одной неонацистской группы. Но эти ему не подошли — мягкотелые слишком. Он подался к тем, кто покруче, прибился к итальянской группе Terzia Positzione. Тут уж ему и бомбы, и пулеметы. В легионе постоянно вел разговоры о том, что стране, мол, нужна сильная рука. Ради этого, говорил, можно и кровь пролить. Вообще-то его там всерьез не принимали. Но вот насчет его принадлежности к левым — никаких следов. Правый террор — да. А к левым, насколько можно судить, он отношения не имел.

— Так что с ним делать?

— Продолжайте допрашивать...

— Жестко?

— Нет, жестко не надо. Пожалуй, и я включусь — посмотрим, как он отреагирует на нового человека. Давайте его сюда.

Развязность не только не покинула Жан-Поля, а, напротив, даже усилилась по мере того, как к ним обращались все более вежливо. С Алламбо, ему казалось, он справился шутя. Эти здешние свиньи — сущие детишки по сравнению с теми, которых он знавал в прошлом. А теперь вот толстенький, коротенький пердун, который уставился на него и покачивает головой. Да пялься сколько влезет, все равно от Жан-Поля ничего нового не услышишь. Рано или поздно им придется его отпустить. Главное сейчас — сохранять спокойствие, держись нормально, ничего эти говнюки с тобой не сделают.

— Так ты что же, не хочешь нам помогать? — спросил между тем толстяк, лицо его выразило удивление.— Неужели не понятно, что застрянешь тут надолго? Нам-то что, мы не против. Но, может, ты сам о себе позаботишься?

Жан-Поль не ответил. Он попытался сыграть с толстяком в гляделки — не получилось, тогда он уселся поудобнее, вытянул ноги и зевнул.

— Тут тебе не полиция, понимать надо,— продолжал толстяк.— Это контрразведка, у нас порядки другие.— Говорил он мягко, будто даже виновато.— Никто не знает, что ты здесь. Это точно, ни один человек не знает. Разговор у нас с тобой что-то не получается, только время зря тратим. А могли бы в пять минут все решить — сделаешь заявление по всей форме и сразу получишь все, что следует, закон тебя будет защищать...

— Не можете вы меня держать вечно,— заявил Жан-Поль.

— Можем,— ответил Баум тоном глубокого сожаления.— Вполне можем. Видишь ли, ты нам тут всю ночь басни рассказывал. Отнял массу времени у инспектора, а теперь вот мое время не жалеешь. Мы-то люди терпеливые, но у некоторых наших коллег на тебя терпения не хватит. Так что послушайся доброго совета, лучше помоги нам, а то, хочешь — не хочешь, придется с ними повстречаться. Я достаточно ясно выражаюсь?

— А пошли вы все...— Жан-Поль снова зевнул.

— Ладно, посидишь, пока мы еще кого-нибудь не задержим. Там посмотрим. На твоем бы месте я помолился, чтобы это произошло поскорей. Тут у нас скучища...— Баум снова вздохнул.— Уведите его.

Когда за Жан-Полем закрылась дверь, Баум повернулся к Алламбо.

— По-моему, из этого малого ничего не выжмешь. Может, если измолотить его до полусмерти, он что-нибудь и скажет. Но пока еще положение не такое. Дело это щекотливое, может и плохо обернуться. У меня есть идея получше.

Он изложил собеседнику свою идею.

— Любишь ты рисковать, Альфред,— сказал Алламбо.

— Нет, не люблю. Но иногда это необходимо.

В тот день Жан-Поля несколько раз приводили на второй этаж, в комнату, которая находилась в самом конце коридора. Там его допрашивал усталый сержант — никакого результата. То и дело сержант выходил за какой-нибудь папкой, за чашкой кофе. И каждый раз Жань-Поль устремлялся к окну — прикидывал все «за» и «против» побега. Днем и пытаться нечего, а в потемках вполне может получиться. Следовательно, надо, насколько возможно, тянуть...

Где-то после десяти вечера его опять привели на допрос. У сержанта вид был усталый и безнадежный: ему небось и самому надоело. Через полчаса он сказал:

— В горле пересохло. Схожу за кофе. Тебе принести?

— Неси,— вежливо согласился Жан-Поль.

Сержант вышел и запер за собой дверь. Жан-Поль кинулся к окну, вскочил на подоконник и выбрался наружу. Он повис на руках и, оттолкнувшись ногами от стены, разжал пальцы. Падать было невысоко — метра три-четыре. На тренировках в легионе и не с такой высоты приходилось прыгать. Он ловко приземлился и бросился бежать по улице Соссэ. Никто не попался ему навстречу, и дежурный у ворот ничего не заметил.

«Елки-палки, до чего просто!» — порадовался он про себя.

Добежав до станции метро Сент-Огюстен, он убедился, что никто его не преследует. Небось еще и не хватились, тупицы чертовы.

На платформе внизу оживленно беседовали трое мужчин. Подошел поезд, двое из них сели в тот же вагон, что и Жан-Поль, а третий направился к выходу и поспешил к ближайшей телефонной будке. Выслушав его сообщение, Баум позвонил на Восточный вокзал:

— Леон, он едет в метро в твоем направлении. С ним двое наших. Вокруг вокзала народу достаточно?

— Нас тут пятнадцать человек и две машины.

— Хорошо. Мне что-то кажется, что он прямо к вам едет. Желаю удачи.

На станции Шоссе д'Антен, где Жан-Поль сделал пересадку, в ожидании поезда в сторону Восточного вокзала стояли двое инспекторов в штатском. Те, что приехали вместе с Жан-Полем, проводили его вверх по лестнице и потом по длинному коридору. Выйдя на платформу, они направились в другой вагон, а те двое, что ждали на платформе, последовали за Жан-Полем.

На Восточном вокзале Жан-Поль вышел. Его заметили четверо сотрудников ОТО, один немедленно побежал на выход к телефону.

— Звоню с Восточного вокзала. Он тут! Пока, шеф, привет!

Остальные трое, сохраняя приличную дистанцию, «повели» Жан-Поля по длинному туннелю — тому самому, в котором прозвучали выстрелы Ингрид. Здесь его перехватили сотрудники ОТО, ждавшие на лестнице, которая ведет в верхний вестибюль. Держась к нему поближе, они дошли до выхода из метро. Тут, читая газету, стоял Леон. Когда Жан-Поль поравнялся с ним, Леон сложил газету и, сунув ее в карман, вслед за ним пересек площадь. Жан-Поль свернул на улицу Сен-Дени. И тут же из тени к нему шагнула женская фигура. В зубах у девушки была незажженная сигарета.

— Огоньку не найдется?

— Они у меня зажигалку отобрали!

— За тобой хвост,— внятно сказала Ингрид.— Иди дальше. Придешь ко мне — только сначала от них избавься.

В этот момент мимо прошел Леон и успел взглянуть на лицо говорившей. В его памяти сработала какая-то кнопка: похоже, девица из клиники. Волосы другие, но черты лица те же. Он уловил сказанные ею слова. Черт, значит, кто-то выдал их план! Думать надо быстро. По крайней мере двое из ОТО идут следом, метрах в пятидесяти. Люк на следующем углу — отсюда метров сто. Если он попробует задержать их, то один ускользнет. Но если они дальше пойдут врозь, то все равно кого-то из них упустишь. Он задержит девку — это важней.

Все произошло в считанные секунды. Леон схватил ее за руку и рванул к себе: только бы удержать, пока подбегут те двое. Но он не предполагал, что Жан-Поль, вместо того чтобы убежать, обрушит тяжелый кулак ему на голову и коленом саданет в пах. Согнувшись пополам от боли, Леон отпустил Ингрид, и она бросилась бежать по улице. Двое оперативников пустились вдогонку, но у нее было метров тридцать форы. К тому же она была в отличной спортивной форме, да и Жан-Поль оказался бегуном не из последних. Скоро у преследователей не осталось никаких шансов догнать эту пару.

Люк увидел наконец бегущую; те, что преследовали ее, что-то крикнули. Он догадался, что эта сцена имеет какое-то отношение к Жан-Полю, девчонку надо поймать. Но она была на другой стороне, их разделял поток машин и, пересекая улицу, он потерял ее из виду: тут как раз распахнулись двери кинотеатра и оттуда повалила толпа.

Снова неудача...

«Полицейская провокация по отношению к «Юманите» — заголовки этой газеты на следующее утро прямо-таки кричали. Какой-то ловкач ухитрился сделать снимок: бригада по борьбе с коммунистами шурует по кабинетам редакции. Этот снимок занял всю первую страницу, оставив только место для колонки, написанной Сейнаком, который объявил, что полицейский рейд — это маневр, имеющий целью дискредитировать его партию. «Что они искали? — вопрошал он.— Есть основания предполагать, что сначала послали в редакцию некий секретный документ, вот его-то участники рейда и собирались обнаружить. Однако номер не прошел. Мы теперь удвоим бдительность».

На внутренних полосах сообщалось о новых взрывах в провинции. Вся остальная пресса посвятила этим взрывам, унесшим шесть человеческих жизней, первые страницы.

Баум у себя в отделе слушал отчет Леона о том, что произошло вчера. Он был взбешен, но старался этого не выдать, повторяя про себя, что такое могло произойти и с ним самим. Ясно было одно: кто-то в отделе закладывал их планы. Он сидел за пустым столом и пытался осмыслить этот факт, который только подтверждал его растущее убеждение, что все события последнего времени — части одного целого, что ситуация организована и кто-то ловко ею управляет. Взрывы, продолжающиеся целых четыре месяца,— а полиция ни на шаг не продвинулась в поисках террористов; странная история с секретными документами: ясно, что тот, кто организовал их пропажу, вовсе не заботился, чтобы они попали в руки русских или еще чьи-нибудь, а заинтересован в политическом скандале. И еще факт, который никак нельзя сбросить со счетов: кинокадры, отснятые в Булонском лесу...

Он решил посмотреть их еще раз и, позвонив по внутреннему, с несчастным видом отправился в просмотровую. Там он сидел в потемках один, пока прокручивали пленку, снятую покойным Морисом, всего пятьдесят секунд.

Сначала на экране возникла неподвижная фигура в кустах спиной к камере: Галевич. Потом камера чуть сдвинулась вправо, и на заднем фоне стал отчетливо виден мужчина в темной куртке, он держит под руку девушку с длинными светлыми волосами. На ней узкие брюки и блузка, мужчина что-то говорит, а она слушает. Камера снова вернулась к Галевичу, гуляющая пара тоже вошла в кадр. Человек немолод, под пятьдесят, его лицо видно отлично. Баум узнал его безошибочно.

Пленка кончилась: на этом месте Леон по передатчику велел Морису не расходовать государственное имущество. Но Баум видел достаточно. И то, что он видел, было весьма странно, поскольку немолодой мужчина был в ОТО досконально известен, именно его досье Баум то и дело листал в последние две недели. Из документов, собранных в папке, следовало однозначно: данный господин — убежденный и непоколебимый гомосексуалист, у него не бывает с женщинами отношений такого рода, чтобы назначать тайные и нежные свидания под сенью Булонского леса.

Баум вернулся к себе, плюхнулся в кресло и тем же меланхолическим взглядом уставился в стену напротив. Почему эти кадры так неотвязно его преследуют, почему связываются в его сознании со всеми остальными событиями последних дней? С одной стороны, вроде бредятина, а с другой — почему бы и нет? Но уж что точно — так это то, что никого он не сумеет убедить, даже Жоржа Вавра, будто такая связь существует. Если бы его, Альфреда Баума, спросили, почему он усматривает тут какую-то связь и в чем, собственно, она заключается, вразумительного ответа он бы не нашел. «Иногда,— сказал он сам себе,— чувствуешь что-то. Ни доказательств нет, ни свидетелей, но ты точно знаешь. Просто весь твой жизненный опыт говорит. Остается только ждать сущего пустяка — пока факты подтвердят теорию».

Он поднялся и начал ходить взад и вперед по крошечному кабинету. Облегчения это не принесло. Он снова сел и постарался отвлечься от просмотренной пленки и сосредоточиться мыслями на событиях вчерашнего вечера. Надо бы установить на улице Фобур Сен-Дени наблюдение, хотя эти ребятки наверняка оттуда уже смылись. Разве что случайно вернутся — забрать что-нибудь, что в спешке забыли. Но ждать такой удачи он не вправе. Удачу еще надо заслужить, а как отдел сейчас работает — так ничего он не заслуживает хорошего. В воскресенье в Иври выставка кошек, хотелось бы пойти. Там будут все знакомые, и среди экспонатов ожидается кое-что интересное. Но нет, вместо этого сходит-ка он в Булонский лес. Скорее всего эта прогулка окажется совершенно бесполезной, и свой выходной день он проведет скучно и в одиночестве. Эстелле это не понравится — жаловаться она, конечно, не станет, но ее укоризненное молчание хуже, чем если бы она на него кричала. Будь что будет — все равно печень ему покоя не даст, пока он не изгонит этого беса, который будто прячется в зарослях возле шоссе Этуаль и прямо-таки преследует его.

Его поддерживала мысль, что к каждому замку ключ рано или поздно находится. Все люди к чему-то привыкают, и даже самые опытные конспираторы не в силах что-то изменить в некоторых своих привычках.

В этот день, в пятницу 20 августа, общественное мнение совершило опасный крен от тревоги к истерике. Франк упал на сорок сантимов по отношению к доллару. Французский банк пожертвовал еще пять миллиардов, понапрасну пытаясь удержать его курс на высоте. Биржа зафиксировала самое большое падение акций с 1968 года. В министерских кабинетах Парижа заканчивались последние приготовления к встрече глав Европейского экономического сообщества, которая должна была состояться в Лондоне в следующий понедельник. Собираясь в Лондон, президент Франции и премьер-министр предвидели неприятные беседы с европейскими коллегами по поводу все ухудшающейся обстановки в их стране.

ГЛАВА XI

Похоже было, что собирается гроза. Может, это и к лучшему: по крайней мере она развеет душный, пропахший бензином воздух, и в городе станет легче дышать. Альфред Баум, однако, надеялся, что гроза грянет попозже. Эстелла повздыхала выразительно и завернула ему завтрак с собой, теперь он сидел на поваленном дереве и уплетал жареную курицу и прочие деликатесы, запивая их красным вином из бутылки. Он бы предпочел пару сандвичей и пиво, но не хотел задевать чувства Эстеллы и взял с собой так называемый набор для пикника, больше похожий на обычный воскресный завтрак.

Было уже около двух, он околачивался возле шоссе Этуаль с полудня. Леон ему все объяснил, и он без труда по приметам нашел это место. Единственное, что могло бы показаться странным (и весьма странным!) в его внешности в данный момент — пока он, сидя в панаме под деревом, уничтожал свой завтрак,— это сумка для гольфа. Чего нет в Булонском лесу — так это поля для гольфа! Баум сам чувствовал, что выглядит несколько смешно — тем более что в жизни он не играл ни в гольф, ни в какие другие игры.

Закончив есть, он собрал бумажки, косточки и прочее в кармашек сумки и направился в гущу леса. Там, углубившись в заросли метров на пятьдесят, где его не было видно из проносящихся по шоссе машин, он наконец открыл сумку. Внутри была упакована металлическая трубка длиной побольше метра и сантиметров пятнадцать диаметром, соединенная с электронным записывающим устройством и парой наушников. Как микрофон для подслушивания с дальнего расстояния этот прибор незаменим, но таскать его по жаре в лесу — сущее наказание: очень уж заметное, тяжелое, ни на что не похоже — только на подслушивающее устройство, каковым оно и является. Как-то надо было ухитриться оставаться незамеченным и при этом находиться в радиусе действия прибора. В данных условиях, решил он, это будет означать примерно в ста метрах.

В два пятнадцать на шоссе, неподалеку от того места, где скрылся в кустах Баум, остановился белый фургон «рено». Водитель, похоже, не имел намерения вылезать. Деревья мешали рассмотреть его как следует. В два тридцать Баум заметил на шоссе Этуаль мужчину — его он узнал сразу, даже издалека. И водитель, видно, тоже: из машины выпорхнула блондинка, и они, сойдя оба с пешеходной тропки, встретились метрах в семидесяти пяти от куста, за которым укрылся Баум. Парочка принялась ходить взад и вперед под деревьями, мужчина что-то говорил, девушка время от времени вставляла слово. У нее были длинные светлые волосы, она опустила голову, будто разглядывала что-то на земле.

Баум приподнял направленный микрофон, повесив шнур на нижнюю ветку дерева. Он без труда уловил их шаги, и, чуть подрегулировав, расслышал голоса. Какие-то искажения, подумал он, голос девушки звучит слишком низко, будто мужской. Они непрерывно двигались, то и дело скрывались за деревьями, это сильно затрудняло прием. Эх, техника бы сюда, но тут уж приходится действовать одному. Да и не нужен ему никто до тех пор, пока не подтвердятся его подозрения и предчувствия. Тем более сейчас, когда кто-то в отделе их закладывает. Вот если произойдет то, чего он ожидает, он придумает кучу причин, почему не захотел никого с собой брать в лес. Не надо, чтобы об этом знали. Что, если эти тайные встречи в Булонском лесу вовсе не то, что он предполагает? Да еще после всех этих провалов... Словом, нет — и все.

Он уловил несколько слов, произнесенных мужчиной: «согласованные действия... шестого сентября... точный маршрут...» В микрофоне раздавались шорохи и еще какие-то звуки, приносимые из леса. Девушка спрашивала: «А если мы не готовы?.. Новый командный пункт?»

Баум больше всего заботился, чтобы его не заметили и чтобы микрофон все время был направлен в сторону говоривших, как бы они там ни расхаживали. Смысл беседы до него не доходил — ничего, у него будет сколько угодно времени, чтобы послушать запись... Он проверил: катушки кассеты вращались исправно. Удалось записать большую часть их диалога. Может, на этот раз ему наконец-то повезло. Пора бы уже. А то все время карта шла не в масть. Может, это к нему козырной туз пришел.

Парочка наконец рассталась. Без всяких проявлений чувств — ни при встрече, ни при разлуке. Свидание, точь-в-точь похожее на деловую встречу, только вот место неподходящее. Они даже рукопожатием не обменялись на этот раз, не то что на той пленке. И эта девушка... Какая-то она неженственная. Больше на парня смахивает, ей-Богу. Баум усмехнулся — да это парень и есть! Дело ясное: нежное любовное свидание в полдень в лесу — это просто прикрытие, неглупо придумано.

Он собрал в кустах аппаратуру и заспешил к дороге. Мужчина уже укатил в направлении, противоположном тому, откуда появился. Когда Баум был метрах в десяти от шоссе, тронулся с места и фургон, он едва успел заметить номер. Баум нацарапал его на листке, подхватил сумку для гольфа и стал ловить такси. Первый раз за последние недели он чувствовал себя в своей тарелке — легко и свободно. Вечно имея дело со всякими загадками, он терпеть их не мог. Вот и эта наконец разгадана, прямо камень с плеч. Разгадана, но еще и доказательства нужны. Однако сегодня ему важно было разобраться с этими свиданиями...

Толстяк с дурацкой сумкой, весь потный, но страшно довольный, сел в поезд на вокзале Монпарнас и в половине пятого уже пил черный кофе у себя дома в Версале.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

■

Читая материалы о современной деревне в России, удивляюсь больше всего тому, что крестьяне неохотно берут землю. Фермерам даже мстят, поджигая их хозяйства. Как же за 70 лет уничтожили душу крестьянина, если он не хочет иметь свою землю!

Я родилась и выросла в Риге, окончила экономический факультет университета. Сидела по восемь часов в конторе и с трудом дожидалась конца рабочего дня. И вот я уже второй год — фермерша, сама себе хозяйка!

Насколько все отличается у нас в Латвии. Очень высок общественный престиж фермеров, среди которых много молодых (нам с мужем по тридцать). В Латвии 7 тысяч крестьянских хозяйств, в моем Елгавском районе — более 300, а на территории нашего сельсовета — 52. Летом, после земельной реформы, хозяйств будет еще больше.

Поделюсь опытом. На территории каждого сельсовета из среды фермеров выбирается правление, в нашем сельсовете председатель правления — мой муж. Раз в месяц общее собрание. Председатели поселковых правлений входят в правление района, в котором есть должность директора-распорядителя, у нас это милая Рита Чаганс. Нам выделяют технику, стройматериалы, горючее. Бензин получаем по талонам наравне с госпредприятиями. По решению правительства всем фермерам ставят телефоны.

Конечно, проблем полно. Колхозы и совхозы многие на ладан дышат, но землю не отдают. У нас под боком хозяйство «Сельхозтехники»: скосили сено и... сгноили. Сейчас у нас 13 гектаров, хотели бы взять еще 17. Посудите сами: 6 дойных коров, 3 телки, 7 быков, одна свинья (прошлым летом было 35), весной ждем двух телят. Конечно, своих кормов не хватает, покупать невыгодно, потому и нужна земля. Работаем вчетвером — мы с мужем и его родители. Восстанавливаем большой дом, строим хлев, забот полно. И все-таки работа продвигается. А самое главное — мы независимы, работаем на себя, а не на чиновников. Приезжайте, увидите...

По национальности я латышка, но моя бабушка — славянка, воспитала меня на сказках Пушкина и балладах Жуковского, я всегда интересовалась историей России и близко к сердцу принимаю все, что с ней связано.

Даце ЛАУВА
п/о Далбе «Мунтес»,
Елгавский район, Латвия

■

Узнали из № 8 «Огонька» о том, что злая рука подожгла хозяйство пожилых фермеров Шмитовых. Горе Александры Павловны и Владимира Васильевича не может оставить равнодушными всех, кто видит в убийствах священников и поджогах честных крестьян руку еще сильной, хотя и явно отжившей свой угрюмый век Совдепии.

Наш трудовой коллектив направляет 500 рублей из своего фонда и желает Шмитовым здоровья и мужества.

По поручению трудового коллектива
директор малого предприятия
«Интерком»
А. Я. ВЫРИКОВ
Москва

МАРИНА НЕЁЛОВА

Мы с Мариной дружим давно. Я пьес, слава тебе Господи, не пишу, а потому отношения мои с актерами и режиссерами лишены «духовности». Так... встречаемся и радуемся.

«Современник» у меня во дворе, потому я называю его, в шутку, конечно, своим придворным театром, а актеры в отместку зовут меня дворовым мальчиком. Мы не обижаемся друг на друга. Иногда я захожу в театр постоять за кулисами, потрепаться. Галю встретишь Волчек, она тут же отведет тебя в сторону, шепотом спросит: «Что делается и что делать?» И тут же, не дождавшись ответа, все сама расскажет и объяснит. Валя Гафт спросит, как он играл, я скажу — гениально, он скажет — мог бы лучше, но не хочет, расскажет про свое здоровье, прочтет эпиграмму... гениально, Валя! Потом встану у пульта помрежа. Страннейшее занятие — наблюдать за Неёловой из-за кулисы. Вот только что она была нормальным или не вполне, но все же обычным хорошим человеком, шаг и все — другая жизнь.

Тут бы самое время вставить вопрос из интервью: «Влияют ли на твою жизнь судьбы выдуманных или реальных людей, которых ты играешь?» И ответ, который объясняет сложные взаимоотношения героев и актера, отношения, напоминающие брачную жизнь людей. Потом начинается жизнь, куда из реального существования актера добавляются краски или отмирает то, что раньше казалось существенным. У этого альянса всегда в репертуарном театре драматическая судьба. Актер изменяет с другой ролью и с третьей и потом и вовсе уходит. А роль не может изменить с другим исполнителем, потому что с другим — это другая роль.

Иногда я звоню Марине, чтоб узнать, где она снимается и что репетирует.

Однажды телефонный разговор затянулся настолько, что я незаметно для Марины заснул с телефонной трубкой. Утром она позвонила гневная: «Первый раз в моей жизни такое произошло!». Таким образом, я привнес в жизнь замечательной женщины что-то новое.

Задавать вопросы о том, как она живет и каким образом стала актрисой,— занятие неловкое. Потому что я знаю, что живет Марина недалеко от Чистых прудов со своей очаровательной четырехлетней дочкой по имени Ника. Друзей немного — на них не хватает времени. Денег — столько, сколько она заработает. Что еще? Шумных компаний не любит. Великосветских приемов не посещает, рестораны ненавидит. Читает много, особенно любит литературные и театральные мемуары, следит за событиями в стране, но ни в парламентария, ни в общественного деятеля превращаться не хочет и не любит беседовать для печати.

А не для печати — любит.

— Марина, почему ты не хочешь, чтобы я задал тебе несколько вопросов про твою жизнь?

— А потому, Юра, что для меня это почти то же самое, что вместе со зрителями пройти через подъезд, потом в пальто отправляться сквозь сцену, а потом появиться в роли. Занавес в театре был придуман не зря. Он охраняет тайну. И мне кажется уместным эту тайну сохранить. Открылся занавес — тут весь актер твой.

— И что же, тебе никогда не хотелось посмотреть, как в нашей жизни выглядит Гамлет или Несчастливцев?

— Я себе представляю.

— Нет, но если бы ты была не актрисой, а обычным зрителем.

— Тем более. Актер три часа создавал мне некий иллюзорный мир. Я за этим пришла в театр. Пусть он сохранится еще немного во мне после финала. Мне принадлежит то, что я увидела на сцене. И вовсе не хочется знать, что Гамлет выйдет из служебного входа в стоптанных башмаках и болоньевой куртке или в шубе из бобра. У него есть своя жизнь, не касающаяся меня. Пусть.

— Ты считаешь, что зрителю не интересна эта жизнь?

— Там ждут его невероятные открытия: ты смотри, артисты — тоже как люди. Страдают, слезы бывают дома, и затруднения испытывают те же, что и ты. И уравнялись?.. А то неизвестно, что все мы в одинаковой степени унижены. Нет, дорогой друг Юра, мне кажется, что зритель идет в театр не для того, чтобы убедиться, что все мы равны в нашей жизни.

— И где же ты оставляешь нашу жизнь?

— Оставляешь... Едва ли кому-нибудь удавалось целиком содрать с себя шкуру, как змее, перед выходом на сцену.

— А хотелось бы?

— Я сказала — целиком, потому что перед каждым спектаклем в той или иной степени актер проделывает эту операцию. И процесс этот хотя и болезненный, но сладостный.

— Но аналогия со змеей неполна. Та сбрасывает оболочку и остается собой. А вы еще и натягиваете новую, которая должна прирасти очень быстро, и живете несколько часов в ней. Испытываешь ли ты иные чувства за своих героев или они сходны с твоими?

— Надеюсь, что «иные» чувства вполне реальны. Во всяком случае, платишь за них усилиями мученическими.

— Почему?

— Зачем ты задаешь вопрос, на который можешь ответить сам?

— Отвечаю: потому что собственное состояние не всегда готово трансформироваться в иное. Когда хочется — это происходит легко. А когда не очень — все равно надо.

— Приблизительно... Художник не чувствует себя готовым работать — отложил краски, писатель — перо, журналист...

— Журналистика — не искусство.

— А я и не говорю, что журналистика — искусство. Я хотела сказать: «журналист же должен написать, хоть бы и не очень у него складывается, потому что газета не может не выйти в свет». Актер тоже не может не выйти.

Недостаток места не позволяет привести эту тему беседы в подробностях, а также сарказм Марины Мстиславны по поводу интервьюеров, задающих всегда одни и те же вопросы. Не желая разрушать стереотип, я спросил:

— Что самое трудное для тебя в профессии актера?

— Наверное, чувство одиночества, которое возникает после спектакля,— неожиданно спокойно ответила Марина.— Ты расстаешься с одной своей судьбой, временной, и никак не можешь возвратиться к постоянной. Помнишь, ты снимал меня после «Спешите делать добро»? Вот. То — прошлое — стекает, и остается пустота. На время. «Как я раздвоенно один», как у кого-то в стихах. Эта раздвоенная единость остается с тобой. Возникает, знаешь, ощущение физического вытеснения одного человека внутри тебя другим.

— А если ролей много? Не легче ли защитить себя этой частой сменой?

— В Америке мне пришлось играть «Три сестры» двадцать шесть дней. Казалось, это невозможно. Если у меня здесь три разных спектакля подряд, я схожу с ума. Надо вводить себя в иные жизни, разные. А там как бы моя жизнь в образе Маши продолжалась, просто прерываемая некими незначительными, не занимающими сознание делами. Я жила в ритмах персонажа. С антрактом на день... И лучше, если я в этом антракте ничем не занималась и не общалась ни с кем.

— Выходит, тебя отвлекает то, чем ты занимаешься вне театра, дру...

— Очень...

— Другими словами, тебе мешает твоя жизнь. И другие роли.

— Про роли сложнее. Но, начиная новую работу, я чувствую, как если бы я была, допустим, окрашена маслом, а вдруг часть нарисована карандашом или акварелью. Тут недавно играли «Крутой маршрут», я с ужасом поймала себя на мысли, что забыла отчество моей героини. Анфиса, еще не познанная до конца, начала вытеснять из меня всех, и даже Гинзбург, роль, которая мне дорога. Чувствую — и сижу не так, и двигаюсь... Зритель не видит этого, но сама я замечаю изменения.

— Иная «действительность» внутри себя — часть актерского ремесла, слава Богу, она есть, а как вы справитесь с тем, что происходит вне вас?

— Артисты совершают почти космические победы над собой, выходя на сцену и иногда хорошо играя. В сегодняшней нашей жизни, когда театр превратился в фабрику, неуважение к артисту, к сложнейшим химическим почти процессам, происходящим в нем, разрушает саму идею Игры. На актера влияет все: погода, запахи, то, что прочел в газетах... Подвержены влиянию извне и зрители. Когда мы впервые показывали «Крутой маршрут» по книге Евгении Гинзбург, это было для зрителей театральным потрясением. Разумеется, многие читали о тюрьмах и лагерях, но театр — это другой эмоциональный уровень. Было начало перестройки, и зал воспринимал спектакль как некое откровение. Аплодировать боялись, реакция — тишина. Неловко перебивать. Этот период сменился другим, когда люди, почитав газеты, посмотрев первый Съезд или там резкие передачи о прошлой и настоящей жизни, приходили в театр осмелевшими, с некоторым цинизмом беспечности, любопытствуя — ну от чего мы навек убежали? Появилась реакция, смех даже. Теперь — третий этап. Опять напряжение в зале. Они всматриваются. Моделируют **свое** поведение в предлагаемых условиях.

— А кого зрители видят на сцене — Машу, Женю Гинзбург, дочь городничего, Анфису или тебя?

— Я хочу, чтобы они увидели человека, которого я играю, но, если они видят и меня, они тоже правы, потому что все, что можно им показать на сцене, я все-таки достаю из себя. В каждом из нас многое заложено и намешано, и, может быть, эта профессия позволяет проявить буквально, как в фотографии, скрытые чувства самого актера. Но не только. Мы тешим себя надеждой, что и зритель во время спектакля «опускается» в проявитель.

— А ты сама хороший зритель?

— Я? Мне кажется, замечательный. Правда, необъективный. Если я люблю актеров, то, даже замечая промахи, я нахожу им профессиональные объяснения. По крайней мере способна восхищаться чужой работой. Особенно когда я не понимаю, как это сделано. Смотрю на Николсона в «Кукушке». Знаю, что он сидит один в полуметре от камеры, кругом осветители, гримеры, рабочие, а он играет так, словно фильм и снимается два часа — сколько идет. Без пауз.

— Есть ли у тебя зависть?

— Нет, другое. Если я вижу хорошую работу, мне хочется немедленно сделать что-то самой.

— Лучше?

— Лучше кого? У меня совершенно отсутствует соревновательный момент. Только лучше того, что я делаю.

— Ты любишь, когда тебя хвалят?

— Люблю, как всякий актер, но, зная недостатки своей работы, часто не доверяю, потому что нуждаюсь в реальной оценке того, что видно со стороны, насколько совпадает рисунок роли с тем, что я ощущаю сама.

— И кто для тебя авторитет? Близкие, режиссер, коллеги?

— Близкие — нет. Я не люблю знать, что в зале сидят знакомые. Они мешают мне создать необходимый образ суммарного, единого зрительного зала. Режиссер — разумеется. В общий замысел спектакля вплетена моя роль. Коллеги? Ну да, но не все.

— Ты предпочитаешь солировать в спектакле, или тебе легче работать в сильной компании?

— Второе, конечно. Сильный партнер для меня — все! Я ловлю его взгляд, его движение. Если этого нет, мне приходится играть за него.

— У тебя есть любимые актеры?

— Есть. Их очень много. Не буду называть, не потому что это тайна, просто боюсь кого-нибудь пропустить, но имя одной ты знаешь.

Фаина Георгиевна Раневская очень любила Марину. Помню, она согласилась поговорить со мной лишь после того, как я пообещал привести в гости Неёлову. Они разговаривали, а я слушал и снимал. Из того разговора я понял, что две замечательные актрисы имеют сходные актерские судьбы, что их привязанности к литературе и поэзии имеют много общего, что нереализованность уникальных талантов — обидная реальность, что мощный иронический оптимизм и вера в собственный единственный выбор — тоже похожи. Как и сомнения, так причудливо сосуществующие с внутренней силой характеров.

— Берегите себя, Мариночка,— говорила Раневская.— Может показаться, что наступит другая жизнь. Но другой не будет. Это не генеральная репетиция, деточка. Это спектакль.

Юрий РОСТ
Фото автора

Марина Неелова играет в «Современнике» — по одну сторону Чистых прудов. Живет по другую. Она любит свою актерскую работу и свою дочь Нику. В то же время она не любит давать интервью и фотографироваться.

Автор живет на той стороне, где «Современник», и, хотя он не любит снимать и брать интервью, он однажды вышел на пруд и увидел Неелову, которая прямо-таки по льду спешила изображать Анфису в одноименной пьесе Леонида Андреева в режиссуре Галины Волчек. Волчек живет далеко от прудов, и поэтому ее не видно на снимках. Зато виден театр, где она сидит, поджидая Неелову.

Фото Юрия РОСТА

Юрий Темирканов

Компания, которую мы собрали,— не «представители». Они объединены только тем, что имеют отвагу представлять лишь самих себя. Девять мужчин, окружающие одну женщину, не отражают реального соотношения сил в обществе. На самом деле их гораздо больше — и мужчин, и женщин. Не десять и не одиннадцать. А может, целая тыща. Не так узок круг, как тонок слой...

Людмила Петрушевская

Марк Захаров

Алла БОССАРТ

Возможна ли первичность сознания в одной, отдельно взятой стране? Мы развиваемся по своим, отдельно взятым законам. В том числе и общепринятые законы диалектики для нас не писаны. Советские люди наголову разбили материю и одержали над ней абсолютную победу разума, сознания и духа.

Дух нации — уже не метафора и не образ. Дух нации — это конкретные люди, мужчины и женщины, живые и, к большому горю, павшие в диалектической борьбе противоположностей. Обостренная совесть — тяжкая ноша. Взваливать на себя совесть нации — работа для атлантов. Привычная нешумная работа русского художника и интеллигента. И, добавим, работа неблагодарная. Особенно в нашу революционную эпоху, когда интеллигенция из цвета превратилась в прослойку. Легко ли служить буфером, амортизатором между напластованиями толп, партий, фронтов, платформ и дружной семьи народов? От непомерного давления прослойка опасно истончилась — до листа бумаги; холста; воображаемой четвертой стены; радиоволны. Прослойке круто живется, ибо само понятие чисто условно: нет никакой прослойки, интеллигент всегда штучен. Одиночество художника — его единственное средство обороны; нападение же ему не присуще.

Революционная эпоха не любит интеллигента, социалистическая держава не нуждается в нем. Впрочем: «После социалистич. рев-ции формируется новая И., к-рая сливается со старой И. в единую социалистич. нар. И., активно участвующую под руководством рабочего класса и коммунистич. партии в социалистич. и коммунистич. стр-ве...» Интересно бы знать, как именно руководит рабочий класс старой И. в лице, например, Юрия Любимова или новой И. в лице, наоборот, Анатолия Васильева? Потому-то рев-ционная эпоха и не любит, потому социалистич. отечество и не нуждается... Но драма заключается в том, что художника питает именно эпоха и именно родная почва. Он нуждается в отечестве и принадлежит эпохе. Интеллигент обречен на нераздельную любовь к своему месту и времени. Он обречен на эмиграцию и ностальгию, даже если никогда не покинет пределов родины. Внутренняя эмиграция гораздо обширней. Это эмиграция Лермонтова, проклявшего страну рабов и господ и — умершего на этой земле, Эмиграция Сахарова и отца Александра Меня.

Советский интеллигент остался русским интеллигентом. Его сердце разрывается совсем не от манхэттенского зноя — как веселое ленинградское

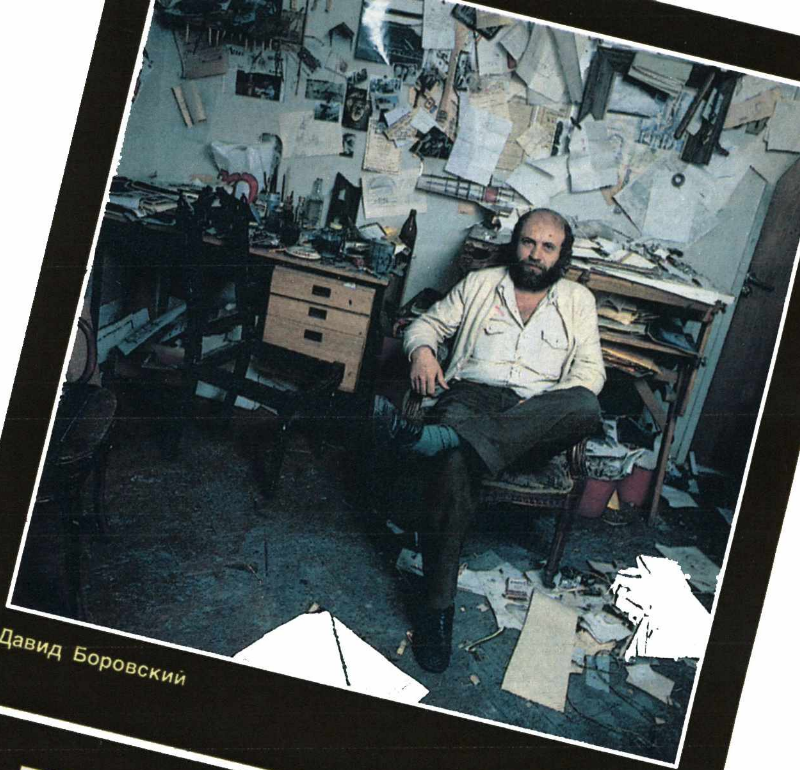
В ОЧКАХ И ШЛЯПЕ

Василий Аксенов

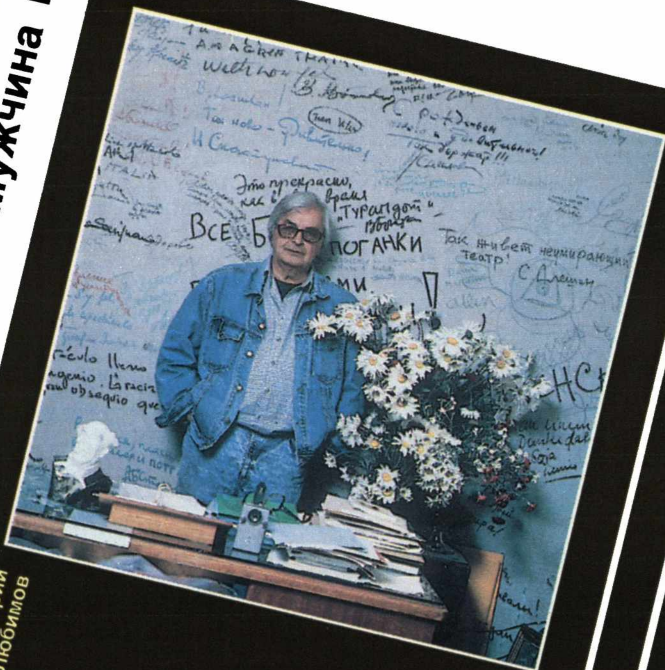
сердце огромного Сережи Довлатова.

Советский интеллигент хочет остаться русским. Он жизнь положил на это, голыми руками вырыл котлован для Перестройки, заложил ее фундамент, чтобы рядом с партиями и фронтами, зрителями и читателями, политиками и кухарками, мадоннами, младенцами и рокерами спокойно жить в этом своем доме. Политики присвоили проект и назначили своих прорабов. Интеллигенту не жалко, он не тщеславен. Но дайте же достроить... Юрий Петрович Любимов специально вот вернулся. Темирканов — дирижер, какие рождаются по одному на эпоху. Выстояла и вырвалась из молчания Людмила Петрушевская. Полным победителем спускается по трапу и, как встарь, гребет по родному Садовому кумир шестидесятых профессор Ви. Пи. Аксенов, обувши по такому случаю недорогие сникерсы...

Интеллигент — всегда победитель. Потому что по самому большому счету он не зависим ни от кого и ни от чего. Он склонен к ренессансу — то есть к возрождению. Из любого пепла, грязи и дерьма, с которым его мешают. Потому что он живой дух. И тленья убежит.

Давид Боровский

Юрий Любимов

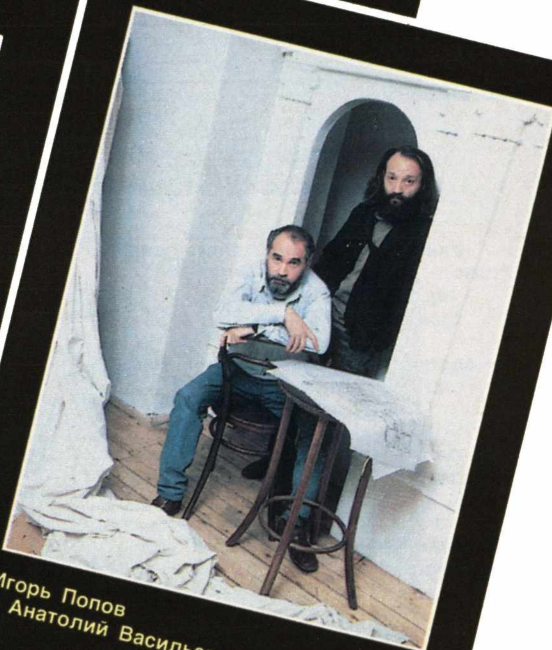
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

Саша Соколов

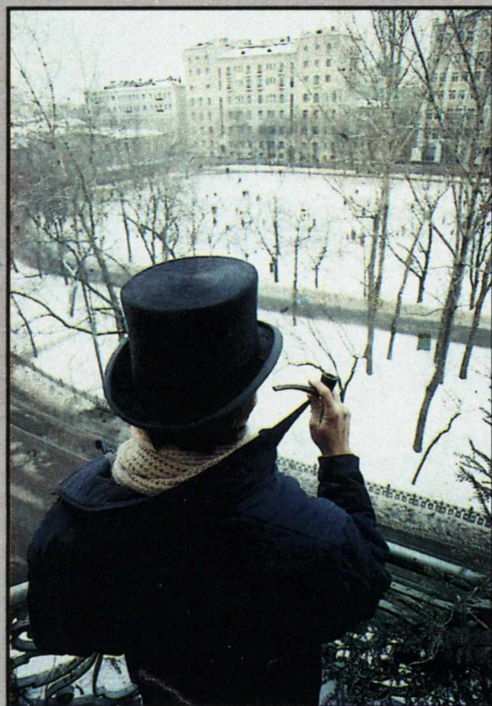
Сергей Довлатов

Игорь Попов и Анатолий Васильев

Симпатичнейший Юрий Михалыч Рост наблюдает за детьми, рожденными во времена застоя и радующимися тому, что перестройка заморозила им пруд для счастливого катания на коньках.

Стремясь правдиво воссоздать счастливую прудовую жизнь своего народа, помня гениальные заветы классика о том, что самое прекрасное в жизни — чистый лист бумаги, и безвозмездно любя читателей, уставших от оказанного им доверия неустанно управлять государством, семимильными шагами всегда идущим к новой жизни, Юрий Рост не спешит огорчить их плодотворным творческим прудом, тем самым подавая пример всем журналистам мира, как всесильно — потому что верно — отражать достижения избранного пути.

Симпатичнейший Юрий Михалыч Рост прогуливает собаку по имени Джек, демонстрируя любовь к животным, необременительную для социалистического народного хозяйства.

Симпатичнейший Юрий Михалыч Рост поливает дерево, которое он посадил для того, чтобы жизнь прошла не зря.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

Симпатичнейший Юрий Михалыч Рост ловит рыбу в Чистых прудах, наглядно показывая советским людям в безнадежной ситуации пример уверенности в возможном приходе весны.

Симпатичнейший Юрий Михалыч Рост с отеческой заботой гладит юных бегемотов, заменяя им тепло родителей, оставшихся в Зимбабве.

ЮРИЙ РОСТ

Смотрю на свою стенку с книгами: она вся утыкана фотографиями — моих друзей, моих близких, моих любимых; наверное, за нехваткой времени для встреч я окружила себя ими в доме, чтобы всегда знать, что они есть, что они близко, что я могу на них взглянуть, соскучившись. Такой же фотографией Юра дает о себе знать и подтверждает, что он существует в реальной жизни. Поймать его невозможно, несмотря на географическую близость: он живет во дворе моего театра, я — через пруды от них обоих. Каждый день я иду в театр, смотрю на его балкон и в зависимости от времени года вижу подрастающий подсолнух, елку, выставленную и связанную, потом украшенную и в лампочках, потом остов от нее, потом полосатый тент над балконом, потом ворону, доедающую его завтрак, потом стол с самоваром, потом кого-то, как будто даже сидящего за этим самоваром,— я все равно знаю: это меняются времена года, меняются декорации, даже исполнители, но Юры самого как будто и нет, даже если он только что тут сидел и попыхивал своей трубкой. Игра. Зрения ли? Слуха? Ощущения? Не знаю. Именно игра, а не обман, в котором мы так часто его обвиняем. Да и обвиняем-то мы его тоже, как будто соблюдая правила этой игры. Так уж заведено. Так должно быть.

Он появляется с середины фразы — ты продолжаешь ее вместе с ним, вы улыбаетесь друг другу — вы рады закончить разговор, начатый полгода назад.

Юра! Я знаю тебя очень давно, но понимаю, что знаю тебя мало, всегда испытываю потребность много тебе рассказать, всегда хочу много услышать. Юра, непохожий на нас — многих, никогда на вопрос «Как дела?» не отвечающий «плохо» совсем не потому, что все «прекрасно», а потому, что никогда не позволяет себе перекладывать свои проблемы на другого, Юра, очень многим нужный, даже необходимый, хотя бы такими краткими вкраплениями в твою жизнь. И, значит, когда бы ты ни позвонил к нему домой, тебе всегда ответит кто-то другой, кто-то из его многочисленных друзей, которые тоже не знают, где он и когда он появится. Поэтому если он не на Эвересте, то вы точно можете поймать его на яхте, плывущей через океан, или на самолете, летящем через пустыни к какому-нибудь оазису. Звоните! И вы никогда его не застанете! Но я уже знаю, что когда-нибудь, совсем неожиданно, он сам позвонит, скажет: «Сейчас зайду»,— и ровно через неделю я буду рада его встретить и поговорить обо всем. Я расскажу ему про свои репетиции, про погоду в Москве за истекшие полгода, а он мне про какой-то плот, на котором он крутился в водоворотах реки неизвестного мне названия.

«Ну, что нового у тебя?» И если завтра у меня нет репетиции, а его не ждут дома друзья, от которых он еще утром вышел за спичками, то мы будем сидеть, пить чай, наступит завтра, договоримся увидеться вечером и встретимся снова — много месяцев спустя. Юра! Мне очень нравятся наши пунктирные встречи, наши разговоры, твои ответы на мои вопросы. (Как интересно сравнивать пути, по которым мы идем в наших разных профессиях!) И, может быть, когда-нибудь мы действительно напишем с тобой книгу под названием «Семь вечеров», только, боюсь, сочинять ее придется всю жизнь.

А пока сегодня, за много лет до нашей книги, где-то между зимой и весной (поэтому балкон не одушевлен) я сижу на Юриной кухне (какое преимущество для дружбы его близость к театру!) и напротив меня сидит, как это ни странно, сам Юра, случайно пойманный мной, и обреченно смотрит на телефон в надежде, что какой-нибудь звонок вырвет его из Москвы. Я же с упрямством человека, вся география которого заключена в расстоянии между домом и театром, задаю и задаю ему глупые вопросы, наслаждаясь ролью интервьюера. Наверное, эти же самые вопросы я задаю и себе, сама отвечаю на них, но та спираль, по которой мы сейчас движемся, мне гораздо интереснее того круга, в который я замыкаюсь сама с собой.

— От чего, как тебе кажется, ты можешь испытать счастье?

— Может быть, от того, от чего счастливы люди, которых я люблю, друзья... От того, что я кого-то удивил и удивился сам. От нового знакомства и старой дружбы, от атмосферы любви, от заинтересованности в моей работе, от востребованности, от реализации замысла — это, правда, очень короткое счастье, потому что следом за ним пустота и ощущение одиночества. Мне скучно быть счастливым без компании.

— Неужели ты никогда не был счастлив сам по себе, один?

— Был, точнее, бывал. Это было связано с Моментом (я пишу это слово иногда с большой буквы). Момент — такое состояние или процесс, когда я просто физически ощущаю, что происходящее со мной не требует оценки в воспоминании. Момент — осознанное время. Никогда раньше и никогда позже. Сейчас. Живу сейчас. Иногда Момент — это победа, а иногда просто участие в действии, к которому может быть приковано внимание всего мира или будет приковано потом. Или абсолютно личное движение, но с сознанием неповторимости.

— Вспомни и участие, и победу,— я хочу понять, что ты называешь Моментом?

— Ну, допустим, ночь в Тбилиси 9 апреля 89-го года, когда я снимал побоище, устроенное армией и внутренними войсками. Я участвовал: меня били, поднимали над толпой демонстранты, чтобы можно было снять то, что творилось внутри, в окружении, за линией солдат... Нет места рассказать подробно. Или 72-й год, Олимпийские игры в Мюнхене. Я был единственным журналистом, кто забрался на крышу здания напротив дома, где содержались израильские спортсмены, взятые в заложники террористами. Я снимал вплоть до погрузки их, связанных, в автобус для отправки в аэропорт, где все погибли. Не важно, что ни в первом, ни во втором случае родные газеты не опубликовали материалы,— я там был, и видел, и написал.

— Ты тщеславен?

— Знаешь, Марина, что говорит мой друг Борис Жутовский: тщеславие мое столь велико, что его как бы и нет. Это шутка или почти шутка. Нет. Мне хочется быть лучше себя. Веришь?

— Ну буквально каждому слову. А театр дарил ощущение счастья?

— Да. Помню Михаила Романова в «Живом трупе» в Киеве — это было первое потрясение. Я хорошо знал его и Марию Павловну Стрелкову, его жену (помнишь ее с Кторовым и Ильинским в «Празднике святого Йоргена»?). Мы жили в актерском доме прямо во дворе драматического театра. Дядя Миша! И вдруг что-то непонятное — другой человек, невероятной силы и правды. Давид Боровский может подтвердить — он тогда только начинал свой путь великого сценографа. Сережа Юрский — в «Горе от ума», «Карьере Артура Уи», «Трех сестрах» — Тузенбах, в программах чтеца. «Мещане» Товстоногова, «Варвары» — какой там был Луспекаев! (Я знал его еще по Киеву.) Алиса Фрейндлих в театре Ленсовета, и там же спектакль Петра Фоменко, который не пустили,— «Мистерия-буфф». Смоктуновский в товстоноговском «Идиоте» и Смоктуновский, да и все, кто был занят во мхатовских «Головлевых» Додина. Спектакли «Современника» на Маяковке, Олег Борисов в «Чудотворной», марионетки Резо Габриадзе, Раневская, Неёлова, то есть ты.

— Всех знакомых вспомнил?

— Нет, со многими я не знаком. Можно еще про кино? Хотя с этим сложнее, но и оно давало ощущение счастья. «Не горюй», «Осенний марафон» Гии Данелии, где все блестящи: Басилашвили, Волчек, ты, Леонов... «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани, «Листопад» — там Гоги Харабадзе играл, «Подвиг разведчика» Бориса Барнета...

— Потом продолжишь. Вспоминай Моменты победы. Об остальном расскажешь в книге.

— Тогда один. Я участвовал в бегах в качестве наездника-любителя на лошадке по имени Лексикон. Он был по результатам слабее других. Когда я выезжал на дорожку ипподрома, Дима Этингов, у которого в конюшне Лексикон стоял, провожал меня. «Как рулить?» — спрашиваю. «А по езде»,— сказал Дима. Эти на первом вираже укатили. Я еду сам по себе. На втором вираже стал подбираться к головке. А когда вышел на прямую, вдруг почувствовал абсолютное единение с рысаком — «пейс», говорят на ипподроме. Такое ощущение, будто я нес Лексикона на вожжах. У самых трибун ехал. Ор дикий! На меня ведь никто не ставил. На остальных не смотрю. Лечу! Выиграл голову у фаворита, с лучшим для Лексикона временем. Триумф.

— Награды любишь?

— Нет, не люблю. Хотя одну ценю. Устную, так сказать. Тогда же, на ипподроме, возвращаюсь с победой в конюшню — смотрю: рядом с Этинговым стоит легендарный король-наездник старик Ратомский. Я надулся от гордости, в предвкушении эпитетов, и не ошибся: «Смотри, Дима,— сказал Ратомский.— Говно, а проехал, как мастер».

Марина НЕЁЛОВА

Юрий РОСТ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРУДЫ

Ворона летала над Чистым прудом,
Ворона себя утруждала трудом.
Она отвечала своим убежденьям,
Пока я себя утруждал наблюденьем.

Другу Гоги

* * *

Над прудами на жестком диване
одинокий грузин возлежит.
А душа беспокойно бежит,
чтобы стол заказать в ресторане
и сказать много разных тостóв.

Спи спокойно, грузин! Нет местов.

* * *

Ночью лунной и бессонной,
Сея смуту и беду,
Вредные жидомасоны
Стаей плавают в пруду;
А *в дневное* время суток,
С попустительства властей,
В Чистый пруд пускают уток
Из «Московских новостей».

С ПОЗИЦИИ БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ

Черный лебедь, к людям выйдя,
Отражается в воде.
А другой, на яйцах сидя,
Лебедят в пушистом виде
Скоро выведет в гнезде.

И меня сей факт касается
(Я, узнав о нем, тужу):
Сколько лет сижу на яйцах —
Ничего не вывожу!

* * *

В Чистом пруду проживает карась.
Любит карась геркулес и горох.
Он без гороха едва не издох,
Хоть признает президентскую власть.

Я, услыхав его жалобный вздох,
Удочку взяв и кормов (сколько смог),
Участь облегчил его, и в воде
Больше не будет он корчиться!

Будет он корчиться в сковороде —
Ведь и другим кушать хочется.

* * *

В час гласности ну чем бы нас утешить?
Над прудом небо плоско, как доска,
Обширно и пустынное — пока
В нем не успели для меня навешать
Портретов членов и секретарей ЦК.

Дмитрий ГУБИН,
собственный корреспондент
«Огонька»

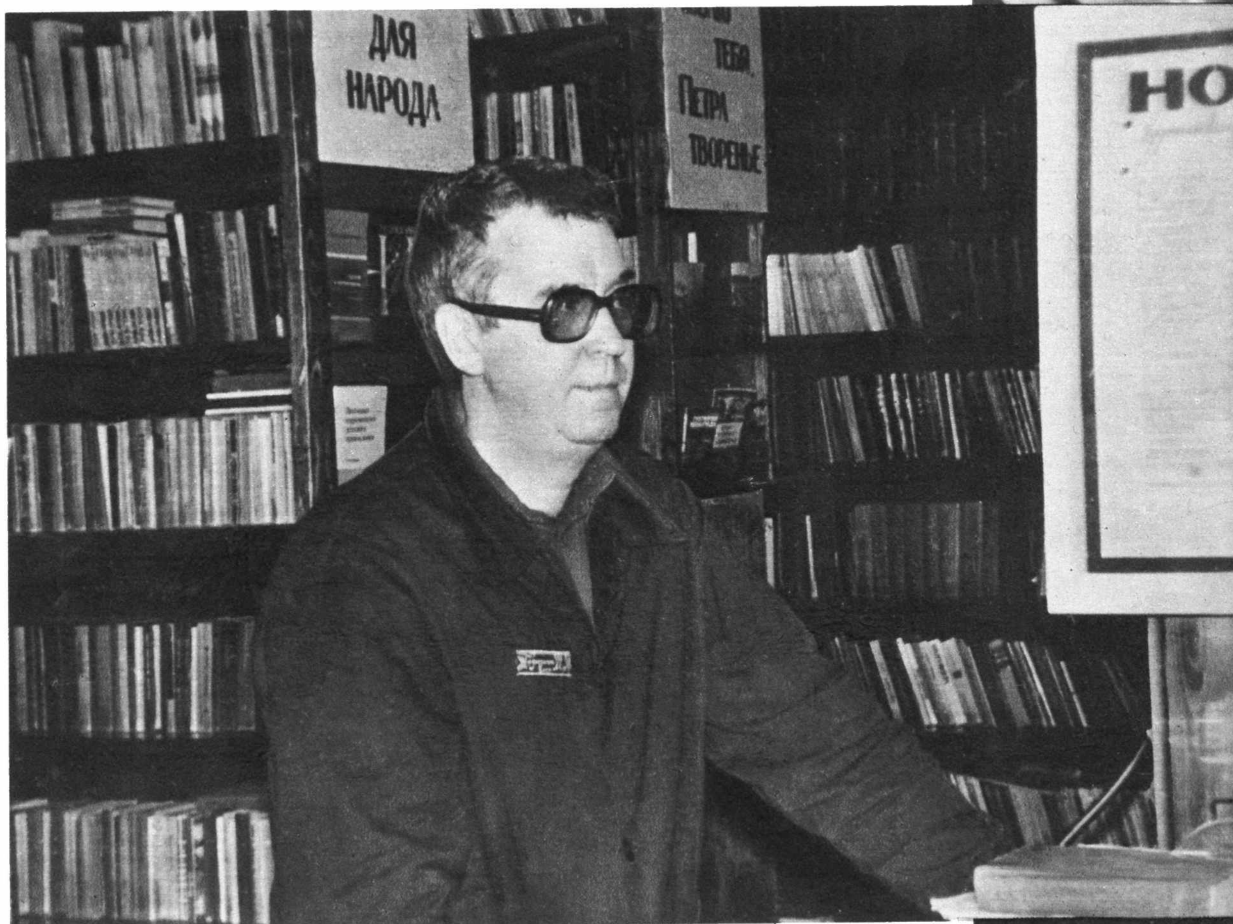
ОТ ТЮРЬМЫ, ОТ СУМЫ И ОТ СТРАХА

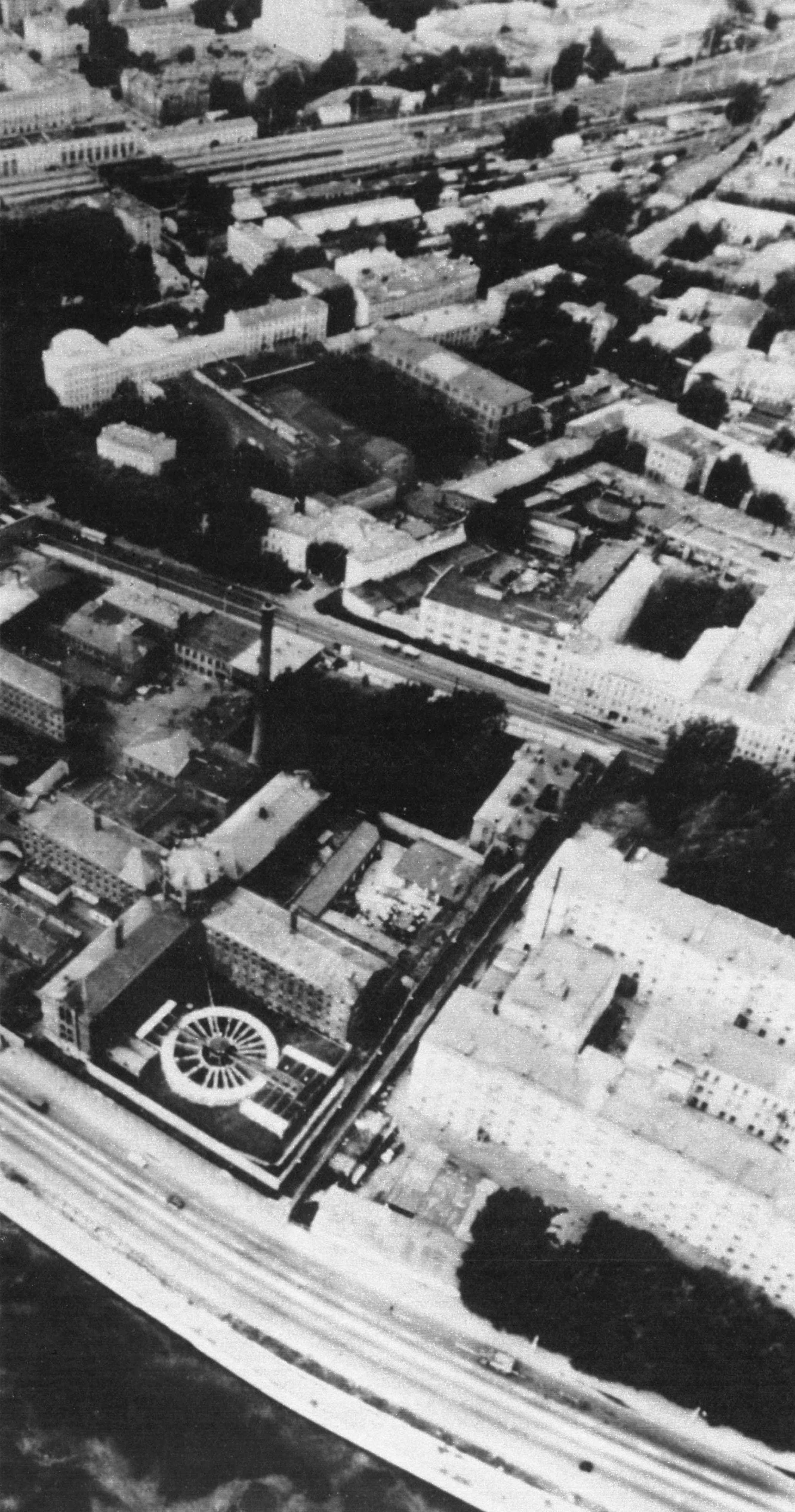
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРОЖИВАНИЯ В НЕВОЛЕ

Человек образованный, подвергающийся по закону одинаковому наказанию с простолюдином, теряет часто несравненно больше его. Он должен задавить в себе все свои потребности, все привычки: перейти в среду для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом... Это — рыба, вытащенная из воды на песок... И часто для всех одинаковое по закону наказание обращается для него вдесятеро мучительнейшее.

Ф. М. Достоевский. «Записки из мертвого дома».

Фото Александра ДЖУСА

Нет правосудия совершенного. Один попал под карающую десницу, другой успел прикрыться амнистией, одному суд зачел честное прошлое, другой не сумел доказать алиби — сколько лет судебной системе, столько же и несправедливости, потому что идеален суд лишь там, где Грозный Судия, а Земля несовершенна от сотворения.

Но не есть ли несовершенство закона, заложенное, повторяю, в него изначально, некая подсказка, намек на то, что есть иная истина и высшая правда? Что, попав под действие юридической машины, может быть, важнее добиться иного результата, чем просто выигрыша судебного процесса? Понимаю, что это суждение вызовет невольное раздражение у людей, долго и безрезультатно ищущих правды по судам, прокуратурам и адвокатским конторам. Упрекать их не за что. Но и о высшей истине нельзя умолчать, прежде чем представить суду вашему Игоря Михайловича ТЕРЕШИНА, в прошлом — директора крупного исследовательского института, члена-корреспондента Академии меднаук, автора некоторых лекарств, в том числе знаменитых среди сердечников рибоксина и стрептодеказы, в 1982 году потерявшего все, попавшего в тюрьму, на зону и прошедшего их с достоинством, которого дай Бог другому; хотя до сих пор и не реабилитированного.

Когда бы мне пришлось составлять список людей, жизнь которых никак не пересекается с Уголовным кодексом, Терешин вошел бы, безусловно, в первую десятку как человек, по духу своему не способный преступать закон. Типичный отличник, неизменный везунчик, самый молодой в институте профессор, самый молодой в медицинской академии чл.-корр., щепетильный, честный — характерный интеллигент. Как сказала мне за обедом одна акула ленинградского бизнеса, выброшенная когда-то на мель одной с Терешиным камеры: «Игорю под дулом парабеллума сказать: своруй!.. своруй, иначе застрелю! Не своровет. Он просто не сумеет своровать. В отличие,— тут акула вонзила нож в пылающий стейк,— от меня». Кровь брызнула фонтаном.

Если сжать все страницы уголовного дела Терешина до нескольких строк, выйдет, что Игоря Михайловича посадили за то, за что сажают всех директоров, если есть потребность посадить: за хищения госимущества «путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением» плюс «злоупотребление властью», статьи 92 и 170 УК РСФСР. На нормальном языке, с учетом обстоятельств дела это означает, что Терешина обвинили в воровстве стремянок, кафеля, утеплителя и сидений для унитаза для тещиной дачи.

Не буду ничего опровергать, но отмечу, что судебное разбирательство изобиловало несоответствиями и противоречиями, режущими даже дилетантский взгляд. Адвокат Вениамин Владимирович Бриль, знаток в такого рода делах, сказал: «Это был мучительнейший, тяжелейший процесс, какая-то дрейфусиада. Очевидно было, что суду дали команду сажать, и никакие показания свидетелей, разрушающие обвинения, во внимание не принимались. Я тогда своему подзащитному сказал: «Приготовьтесь к операции по утоплению». Убежден, сегодня этот процесс был бы непременно выигран».

Посвященные, хорошо запомнившие тот нашумевший суд, рассказывали, что за несколько месяцев до возбуждения уголовного дела Терешин крупно поругался вначале с обкомом, а потом и с райкомом КПСС, секретари которых в ультимативной форме потребовали снизить число «лиц еврейской национальности» в терешинском институте до среднероссийского процента, а тот в ответ вспылил, и что Терешина, таким образом, подвели под монастырь за непонимание национальной политики пар-

тии. Впрочем, не берусь утверждать. Прошло много лет. Меня в судьбе Терешина интересовало другое.

— Игорь Михайлович,— спросил я, первый раз придя к нему домой,— а вы встречали за решеткой людей, равных вам, чл.-корров, профессоров?

Над Терешиным ввысь рядами уходили книжные стеллажи. Надо мной висел портрет хозяина работы безымянного для меня зека.

— В «Крестах»,— сказал хозяин,— я угодил с ходу в тюремную больницу. И не поверил глазам. Знакомый профессор, молодой довольно мужчина, мы с ним раньше в одной профсоюзной комиссии подводили итоги соцсоревнования... Я не сразу понял, что он тоже зек. А потом, услышав его историю, хоть это и нехорошо, подумал: черт, не все уж так ужасно со мной! В отличие от меня его, профессора, почтенного человека и отца семейства, подвели под изнасилование. В своем институте он был первым кандидатом на освобождающуюся директорскую должность. Но оппозиция нашла способ его устранить. К нему зашла на прием медсестра, разорвала блузку, а потом выбежала в коридор и стала кричать, что он ее попытался изнасиловать...

— Он как оказался в тюремной больнице — сердце?

— Сломанные ребра и сотрясение мозга. Он скрыл в камере, что осужден по 117-й статье, потому что знал: прибывших по этой статье бьют, и бьют жестоко. И пошел на прогулку, по наивности оставив копию приговора под матрасом.

— Вы боялись, что вас может ждать что-то подобное?

— Я до последних дней верил в успех своего дела, хотя приговор не был для меня неожиданностью. Я начал к нему готовиться с преодоления страха. Паники не было, но профилактику я счел необходимой. Поговорил с одним знакомым, он сидел. Тот сказал: «Ничего! Будешь там лепилой». «Лепила» — это фельдшер по фене. «Но будь осторожен — подойдет ворик, из-под ватничка топор покажет, скажет: давай бюллетень! Ну что поделаешь, давай...» Основное, на что я себя настраивал: если будут пытаться унизить — давать сдачи, не уступать.

Страх — вот о чем я думал, расспрашивая Игоря Михайловича. Почти в каждом из нас сидит этот страх мира, осужденного законом, и страх стать осужденным самому. Во мне — с тех пор, когда некий старшина сгреб меня, студента, у станции метро «Колхозная» и, заведя в закуток сбоку от турникета, начал заполнять бланк допроса: «Давай рассказывай!» — «Что рассказывать?» — «Ночку у нас проведешь, вспомнишь что». Потом отпустили — накладочка, так сказать, вышла, но память осталась.

Страх вообще хорошо запоминается, не только мозгом, но и мышечной памятью, навсегда фиксирующей внезапную ледяную мертвость тела и дрожание ног («страх — та же химическая реакция, синтез метаболитов с соответствующими внешними проявлениями, поверьте мне как биологу»,— сказал Терешин). А кого хоть раз не томил невысказанный вопрос: смогу ли я выжить там, преодолею — не преодолею? И что ожидает там, куда смывает пенитенциарная (по Солженицыну — канализационная) система? И как попрать страх, попирающий тебя самого? В России от сумы и тюрьмы не зарекаются. Я договорился с Терешиным, сиделым профессором, чл.-корром, ученым, интеллигентом, поговорить именно о том мире.

— Все, кто писал о тюрьме — Солженицын, Лев Самойлов, Габышев,— говорят, что важен первый шаг, сделанный в камере. Буквально: как человек поздоровался, что сказал. Как было у вас?

— У меня — удачное стечение обстоятельств. Я вхожу — все на прогулке, кроме одного человека — сидит кряжистый такой мужичок на нижней полочке. Привет, говорю, он тоже: «Привет».

— Так и сказали: «Привет»?

— Да, так и сказал. Оказалось, он, как и я, «хозяйственник», то есть «хищник», как нас называли. И он мне разъяснил с вопросительно-нежной улыбочкой: вот здесь грабитель лежит, здесь убийца, здесь бандит... А твое место, раз ты последним пришел, вот здесь, у унитаза. Вот в эту щелочку у стенки и клади матрас.

— Это считается худшим местом — «возле параши»?

— В «Крестах» не параши, а именно унитазы, простите уж за подробность. Среди зеков очень популярна легенда о сидевшем в «Крестах» авиаконструкторе Туполеве, который, освободившись, истратил свои гонорары на замену «параш» белоснежными унитазами,

Чтоб зек простой, советский, наш
Жил без зловония параш
И чтоб, съев каши миску с гаком,
Спокойно в унитаз свой какал...

Камера переполнена, человек двенадцать спят на полу, на нарах в два этажа, и места под ними нет. Новенький, приходя в камеру, ложится возле унитаза и «дежурит» — то есть моет за всех посуду. Это такой закон, в камерах «Крестов» довольно распространенный. Ну что ж, будем законопослушными... И я, наверное, недельку драил за всех посуду, пока не пришел очередной новенький. Надо сказать, к моему дежурству снисходительно относились. А бывали случаи, что если кто-то плохо отмывал миску, оставался жир, швыряли в лицо...

— Рассказывают о страшной тюремной «прописке», когда новенького унижают, избивают... Вам удалось этого избежать?

— Через несколько дней тюрьмы меня вызывают к моему адвокату. Он испуганно бросается ко мне: «Игорь Михайлович, что с вами? Как вы?» Я улыбаюсь. И тогда он разъясняет: «Позвонили вашей супруге и сказали, что вы зверски избиты в камере». Но у нас не избивали. В «Крестах» на «осужденке» сидят почти все по первому разу, то есть, как правило, нет ни «авторитетов», ни «воров в законе», державших всех в страхе. Я сразу решил, что к каждому сокамернику буду относиться как к ровне. Ведь там все страдающие, несчастные люди, пусть и преступники. И наша беда нас уравнивала, и никакое чл.-коррство на мое поведение не влияло. И если человечка два были ко мне поначалу плохо расположены, а может, и подготовлены к тому, чтобы «прописочку» все-таки устроить, то серьезные, крепкие мужики отнеслись с сочувствием. Мы посылки поровну делили, в шахматы из хлеба играли — был там один специалист, хорошо лепил, настоящие запрещены... Дошло до того, что с соседними камерами удалось провести соревнование по составлению кроссвордов. Даже какой-то коллектив сложился. Я никогда не забуду, как двенадцать рассерженных на советскую власть мужчин слушали от начала и до конца радиопостановку «Гамлет» и как по очереди читали новенькие, ни разу не раскрытые тома «Войны и мира» из тюремной библиотеки. Как ни странно, была такая не тюремная, не зековская обстановка.

— Скажите, про туполевские унитазы — это вы сочиняли?

— Был грех. У нас больше половины семейных было, они просили: «Сочини стишок, я домашним пошлю».

— Скажите, что вы слышали о порядках на зоне, ожидая в тюрьме рассмотрения кассационной жалобы?

— Страшного ничего не рассказывали: те, кто там уже был, больше помалкивали. В основном мы выпытывали технику попадания в зону: карантин, выдача одежды... Ведь в следственном изоляторе все в том, в чем из дома ушли, и до отказа в кассации даже волосы сохраняли. У меня была шевелюра богатейшая, и очень неприятен был момент, когда остригли наголо... Хотя коллеги меня подбодрили. «Ну вообще не безобразно» — как высказался один. Это очень унизительная процедура, стриженым ты превращаешься в предельно неуверенное в себе существо... Ну так вот, о зоне расспрашивали тех, кого «дергали» оттуда в качестве свидетеля и временно помещали в «Кресты». Я помню одного, бригадира столовой. «Сначала попадаешь на карантин, на карантине избивают»,— говорил он мне. Потом я с ним встретился уже на зоне, когда пришел к нему в столовую. Он проводил к себе в кабинет. Небольшая люстра. Диван. Приемник. В общем, однокомнатная квартирка человека среднего достатка. Были у него два денщика. Они тут же принесли вилочки, антрекот, картошечку с соленым огурчиком. Хозяйственный такой мужичок был. Но жил в вечном страхе, потому что периодически с зоны устраивались вторжения в столовую, и если зеки прорывались, били смертным боем и поваров, и обслуживающий персонал. Считалось: воруют, а все голодают. А с этим бригадиром разобрались подругому. Ему подложили в комнату не то два, не то пять килограммов чая, а затем при обыске «обнаружили». Ну, и раскрутили еще на 7 лет.

— Вы боялись карантина?

— Я попал на зону усиленного режима в поселке Металлострой, это под Ленинградом. Сразу сложилось впечатление: те, кто сажал меня, уже дали знать о моем прибытии. Вначале на зоне проходишь медосмотр — несколько специалистов. И вот психиатр, осмотрев меня, решил пооткровенничать. Он сказал: "Вас ждут здесь, и я вам не завидую. На зоне знают, что вы профессор, обеспеченный. А обеспеченных здесь доят. Ожидать вы должны самого страшного. От вас будут требовать, чтобы на свидание родственники приносили деньги. Если принесут мало денег, будут унижать, будут бить». Вот такую он провел со мной психотерапию. Вообще начало хорошего не предвещало. Мне выдали весьма подходящую для издевательства форму: черную шапку с козырьком, так называемую «пидарку», годную по размеру только ребенку, и брюки тоже на десять размеров меньше моего. Новый ватник тут же поменяли уголовники на невообразимое рванье, а ботинки с отвалившимися подошвами мне оставили домашние. Сказали: моего размера нет. Я ожидал худшего.

— Вы как-то настраивали себя психологически или, может быть, философски?

— Нет, никаких философских раздумий не было: там, терпимость, подставь правую щеку... Я расценивал все происходящее как тяжелейшее испытание, которое выпало на мою долю, и соответствующе к нему относился. Нужно было мобилизовать все свои силы и весь свой опыт, чтобы выдержать его...

— Вы не закончили свой рассказ о карантине.

— Вообще-то карантин — это довольно чистое такое помещение, кровати в два ряда,— словом, типичная казарма, даже без решеток на окнах. В нем селят прибывшую в зону партию, это обычно человек тридцать. В первый же день, в 4.30 утра, побудка, всех строят и распределяют по преимуществу на тяжелые работы, которые полагаются карантинщикам. И тогда же их грабят, отбирают понравившиеся вещи. Так сложилось, что в помещении карантина я прожил не одну неделю, но за все время не видел ни одного бунта. Мне очень тяжело было там, потому что часто приходилось видеть страдание и боль, а иногда и кровь. По ночам новеньких часто подвергали избиению. Их срывали с кроватей, выстраивали, по рядам проходили и били.

— Кто бил — бригадиры?

— Нет, «жулье», «жулики»...

— Жулики?

— Это синоним «вора в законе», «авторитета». У нас на зоне их называли «жулики». И вот «жулики» приходили развлекаться.

— Но ведь карантин отгорожен?

— Зона — это 12 отрядов, по сто человек каждый, а на всех них ночью приходится четыре или пять прапорщиков. Отряды отгорожены, но охраняют их сами же зеки. Есть такой, прошу прощения, отряд «козлов», как их на зоне называют, то есть формально он называется, кажется, «отряд охраны общественного порядка». И вот подходит «жулик» к «козлу»: «Пусти!» — И пожалуйста, открываются ворота. Я был свидетелем такого не один, не два, а больше десятка раз. И это произвело на меня самое гнетущее впечатление. Особенно когда били тех, кто сидел со мной в одной камере «Крестов».

— А вы...

— Я ничего не мог сделать.

— Русская литература традиционно описывает мучения человека, который видит зло, но не может ему противостоять. У вас были такие угрызения?

— Конечно, были. Еще и какие! Я ведь знал и тех, кто бил. Через несколько месяцев зоны с некоторыми из них у меня были настолько хорошие отношения, что они бы не дали с моей головы волосу упасть. И вот они же, напившись пьяными... Зверем заключенного на зоне делает алкоголь. А бывает, водка льется на зоне рекой. Очень редко, чтобы так называемый беспредел имел место без нее. Он карается по закону зоны, и очень жестоко. Но вот, напившись пьяными, бьют виноватых, а чаще невиновных. Я иногда просил пожалеть их, но в ответ — «Михалыч, молчи!» И вот эта беспомощность и постыдный страх — пожалуй, самое ужасное из пережитого на зоне.

— Простите, вопрос может быть неприятен. Вас как-нибудь система зонной «прописки» задела?

— Нет, меня ни разу не тронули. Поначалу, когда я был в своем клоунском облачении, приставал один шмакодявка, очень настырный и злой, но я сумел дать ему отпор, а затем познакомился с бригадиром из зеков, представился и, следуя своим принципам, все про себя рассказал. Не исключаю, что первые дни ждали реакции начальства, это на зоне важно. Начальник лагеря, полковник Дедков, вызвал к себе на беседу: «Я читал ваш приговор. Осуждены вы не по закону, а по совести, но я постараюсь помочь уберечься от всего злого, что есть на зоне». Он мне дал инструкцию, как себя вести.

— Какие из дурных мыслей о зоне сбылись, а в чем ваши ожидания были приятно обмануты?

— Еще в «Крестах» «бывалые» мне говорили: постарайся попасть на зоне в библиотеку, там тебе будет хорошо. И вот пока я перебирался в «Крестах» от унитаза по нарам поближе к паровому отоплению, я об этом мечтал. И на зоне через какое-то время я действительно стал работать библиотекарем. Это были самые радостные моменты моей жизни в лагере: я совершенствовал немецкий и английский, начал с азов учить французский. Мне приносили из дома научную литературу, начал готовить программу исследований по генной инженерии. То есть я смог заняться своим делом. Конечно, для этого у меня были условия, но поверьте, что только условия в зоне ничего не решают. С понятным интересом читал юридическую литературу, рассчитал по дням, когда можно будет обращаться с ходатайством о досрочном освобождении, когда смогу быть выпущен «на химию»... Я, например, предположил, что попаду под амнистию 30 декабря 1982 года.

— Почему?

— Потому что в 1972 году была амнистия в честь 50-летия СССР. И я не ошибся. Вообще, знаете, амнистия — мечта зека, за год до возможной даты все разговоры только о ней. Почти каждый зек — юрист в какой-то степени, он все время пишет: ходатайства о поми-

ловании, о досрочном освобождении, надзорные жалобы... Так сложилось, что меня частенько просили: напиши что-нибудь поубедительней. Ожидание ответа дает надежду, без которой можно очень быстро на зоне опуститься. Хотя, конечно, после лет восьми опускаешься все равно. Как правило, люди ломаются. И тут я, уверен, исключением бы не был, потому что день за днем все это действует: убийства, избиения, драки...

— Вы были свидетелем убийств?

— Ну как такое увидишь? Страшно то, что все к этому привыкли и равнодушны. Так принято: на каждой зоне есть определенный процент убийств, тяжелых избиений, драк... И главное ЧП на зоне не убийство, а побег. Вот тогда действительно начинается переполох. Построение, переклички, люди ночью стоят часами в строю, пока не найдут... А при мне находили всегда.

— Существует мнение, что на зоне интеллигенту труднее, чем, скажем, рабочему. То есть что образованность и воспитание по ту сторону забора сами по себе вызывают ненависть.

— Все зависит от поведения интеллигента. Вот такой случай: прибыл с этапом в зону бывший директор крупного НИИ. С ним сводили счеты и тоже состряпали, сфабриковали дело: дали 5 лет якобы за спекуляцию. Он своего «жигуленка» продал... И на третий или четвертый день пребывания в зоне директора избили в умывалке, где обычно все разборки и происходят. Я спросил: «За что его били?» «Да,— говорят,— бывший директор, на нас смотрит как на подонков». И это считается: избили за дело, а не допустили беспредел.

— Могли бы вы выделить черты интеллигенции, которые ей мешают там? Специфические комплексы какие-то?

— Некоторых губит брезгливость, которую, конечно, нельзя утрачивать. Но ее демонстрация порой приводит к печальным последствиям. Затем общее такое невинное, а скорее наивное восприятие действительности. Происходит огромный внутренний конфликт: некоторые интеллигенты не могут понять, что здесь можно жить и чувствовать себя человеком, даже любимым делом заниматься,— у них такая психическая структура. И этим невольно, не желая того, они демонстрируют свое неравенство. Например, отказываются от чашки чая, которая идет по кругу, и ее из уважения тебе предлагают. Хочешь, не хочешь — отхлебни, не обижай. Я не замечал никакого особенного преследования интеллигенции, хотя, конечно, попадались изверги, которые рады были поиздеваться над измученным человеком. Был у нас один такой на карантине: «Ах ты, интеллигент!» — раз, по морде, очки в сторону, вслепую ищет. Но подобному может подвергнуться каждый. Любой, попадающий на зону, проходит через свой страх. Какой бы ты ни был на воле боксер, но вот тебя выкинули из переполненной душегубки-«автозака», одели в шутовской наряд и посадили в карантин. И какой-нибудь дохленький бригадиришка, которому щелчка-то много, чтобы раздавить, может дать по морде. Обычно эти плюгаши забитые ходят на зоне на цыпочках, но здесь, в карантине, распускаются.

— А как, с вашей точки зрения, нужно вести себя в этой ситуации?

— Я себя настроил четко и думаю, никто бы с таким настроением не ошибся: плюгашу надо было врезать по первое число. Если сидишь на табуретке — схватить табуретку, ну, может, не сразу ударить, если этот мерзавец струсил и отошел. А если лезет — бить беспощадно. Если хватит на такое запала, то 90 процентов за то, что тебя больше не тронут.

— А еще 10 процентов?

— 10 процентов за то, что такие действия приведут к печальному результату. Но на зоне, я в этом убедился, ни в чем не может быть 100 процентов гарантии. 90 — это предел.

— Ваш настрой на сдачу вас хоть раз спас?

— Однажды. На второй или третий день зоны я с девятнадцатилетним молокососом мыл полы в лагерном клубе, и он попытался заставить меня вымыть и его часть пола. Причем грозил чем угодно, вплоть до... Ну, и вот я тогда мобилизовал все свои знания в области матерщины, до предела напряг голосовые связки и с угрозами бросился отрывать стул, прибитый к полу. Парень как мышка замер, а потом при встречах на зоне: «Здорово!», «Привет!» — первым здоровался. Хотя, может быть, я и не очень типичный представитель интеллигентского рода-племени: отец у меня был с тремя классами, мама — секретарь-машинистка, я мальчишкой и по подвалам побывал-побегал...

— Значит, умение дать сдачи — это то, что, безусловно, поднимает человека в уголовной среде?

— По-разному идет подъем. Один поднимается за счет крепкого кулака, физической силы, знания приемов каратэ. Другой — за счет уголовной дерзости: кого-то пырнет, изобьет, его сажают в так называемое помещение камерного типа, ПКТ, это настоящая тюрьма в зоне, оттуда он выходит уже на две-три ступени поднявшись. Особенно часто этим путем идет молодняк.

— Вы не поняли. Я не про уголовный подъем, а про те черты, которые вызывают уважение.

— Если ты сумел найти подход... Если почувствовали в тебе советника, доброжелателя. К тебе могут прийти, попросить написать письмо любимой женщине. Иногда их знают только по переписке. Помог, не отказал — тебя уважают. Помог составить прошение какое-нибудь... Почему они именно к тебе за этим обратились? Все зависит от мозаики фактов, там все очень наблюдательны и друг за другом смотрят. И вот человек, который, по их понятиям, обладает грамотностью и знанием жизни, не только уголовной,— вот он вызывает вначале интерес, а потом и уважение.

— А как вы считаете, из-за чего люди опускаются?

— Я уже говорил: срок. После восьми-девяти лет нередко уголовник превращается в зверя, а интеллигент — в чушку. Это когда человек перестает стирать одежду, стричься, мыться и для него остается только поесть, поспать и справить естественные надобности.

— Только срок?

— Чушкой можно стать и раньше, если тебя сломали или ты сам сломался. Может сломать начальство, могут сломать зеки. Сидел со мной в «Крестах» в одной камере такой парень, Гриша — интересный, между прочим, парень! Его избили на зоне через две недели после того, как попал в повара. И не могу сказать, что сильно, но избили. А потом еще. И буквально за полгода он опустился. У него есть ребенок, к нему приезжала жена, но он так и не вышел из этого состояния. Здесь очень многое зависит от опыта, здравого смысла и каких-то внутренних сил. Вот пример — ларек. Раз в месяц у нас работал ларек, в нем можно истратить 8 рублей. Идешь из ларька — тебя поджидает всякая шпана, отбирает, что на месяц себе купил там, консервы, чай... У меня, правда, ни разу не отбирали.

— А как бы вы поступили, если бы попытались?

— Все так же. Ничего бы я не отдал, и тут была бы драка. Потому что если бы я отдал, это было бы началом падения. Любое проявление слабости мгновенно становится известно на зоне, а библиотекарь — фигура заметная.

— Игорь Михайлович, ваша линия поведения хоть раз дала сбой?

— В библиотеке мне нужно было раз в десять дней носить книги в ПКТ, где сидят самые отпетые бандиты, а также те, кого начальству необходимо спасать от расправы. Я нес большой ящик на лямках, в него входило 30—40 книг, меня обыскивала охрана и пропускала внутрь. Кстати, вот откуда у меня знакомства со всей бандитской элитой зоны... И вот в самый первый раз я решил разыграть из себя этакого лихого дядьку-шутника, что мне совершенно не свойственно. Когда открылось окошечко-«кормушка», я достал для заключенных книги и бесшабашно крикнул: «Здорово, орлы!» И вдруг в ответ дичайшая матерщина, угрозы: мы тебя на зоне замочим, мы тебе на зоне отрежем... Я обалдел. И только потом в этом оре различил: «Петухи, орлы и другие птицы в 12-й камере!» Вот это попал в переплет!.. Пришлось объясняться, меня даже боялись какое-то время в ПКТ пускать, но обошлось...

— «Петухи» — это опущенные?

— Да. Их в ПКТ содержали в одной из камер. Вообще это очень страшная сторона зоновской жизни. Есть такие мерзавцы, насилуют молодых ребят, иногда это случается еще в «Крестах», а став опущенным, молодой парень превращается в изгоя: любой контакт с «петухом» грозит уже тебе самому неотвратимыми карами. Бывает, опускают за доносы, а порою и «жуликов» за нарушение законов зоны — например, за воровство из тумбочек, это «крыски» так называемые... Причин здесь великое множество. К концу срока я мог позволить себе дать конфетку или книжку опущенным — мне это разрешалось, а вернее, прощалось. Может быть, как чудачество, но прощалось.

— Что для вас на зоне явилось самым большим испытанием, самым большим напряжением и самым большим унижением?

— Напряжение было постоянно, психическое такое напряжение, потому что постоянно видишь избиения, унижения других личностей. Тут, конечно, и сострадание, и жалость, но и страх, потому что тебя самого может ждать такая же судьба. Потому что все может измениться, на зоне всегда фифти-фифти: выживешь — не выживешь. И приходится поддерживать со всеми ровные отношения, даже с откровенными негодяями и мерзавцами. Это очень большое напряжение — поддерживать ровные отношения. Испытания были самые тяжелые в первые дни, когда поднимали ни свет ни заря и гнали на работу, когда обворовали мешок с вещами... Я пришел из «Крестов» в рваных бареточках, а уже октябрь был, грязь сантиметров пятнадцать, и вот один паренек, из жалости ко мне, дал отличные лыжные сапоги: «Поноси, Михалыч...» Их у меня украли в ту же ночь... Или вот прапорщик из охраны, когда на тебя глядит такое красное с перепоя мурло: «Ну чо, морда очкастая, вали, дед, проходи давай...» — и пятерней тебе в лицо. Это было очень тяжело.

— Вы ничего не сказали об унижении. Это очень неприятно вспоминать?

— Прежде всего унижало то, что люди сочли тебя достойным такого существования... С дрожью вспоминаю о вшах. Впервые я познакомился с ними в детском саду в блокаду, но это было в 1942 году. И вдруг в камере — по мне ползут... И все это приводило к возмущению: как? За что ты сюда попал? В эту унижающую обстановку, где приходится терпеть то, что видишь...

— А вас вообще тюрьма и зона, как вы считаете, сильно изменили?

— Я всегда людям верил, надо мной все посмеивались: «Нельзя же быть таким доверчивым». У тестя про меня даже слово специальное было — «доверчистый». И случалось, на зоне меня обманывали самым беспощадным образом. И вот теперь, как это ни прискорбно, я стал людям доверять меньше. Хотя и бояться их стал тоже меньше, ведь раньше я был из довольно трусоватого десятка ученых. И еще, знаете, я понял, что нет людей отпетых. Самый последний негодяй какой-нибудь, только что истязал кого-то, и вдруг вынимает альбом с фотографиями, а это на зоне святая святых, и вот у него уже и слезы на глазах. У меня исчез черно-белый подход к людям.

— И последнее. Если бы сегодня какой-то человек, попавший в тюрьму, обратился к вам, что бы вы ему сказали?

— Я сказал бы: надо бороться. Надо найти те формы существования, которые позволят выжить. Вопрос выживания и вопрос преодоления страха — это главное. Решить это никогда до конца не удается, потому что нет за колючей проволокой такого состояния, когда ты в абсолютной безопасности и ничего не боишься. Но если в какой-то степени эти задачи решены, то можно осуществлять свои планы. Как доказать то, что ты не виновен. Я делал все возможное в условиях зоны, чтобы надзорные инстанции задумались над моей судьбой. Были надзорные жалобы, работа с документами, работа с адвокатом и письма, письма, письма... Все это страшно сложно, но в итоге мне возвратили профессорское звание, докторскую степень, сняли судимость. Вернут ли чл.-корра? По здравому смыслу, должны. Я борюсь. Это интервью — тоже часть борьбы. Хотя это, наверное, не надо записывать?

Я, кажется, в ответ развел руками — мол, что записалось, то уже не сотрешь, и диктофон какое-то время жужжал вхолостую. Не хотелось уходить из уютного кабинета, заставленного в профессорском стиле от пола до потолка американцами, от Торо до Мейлера. Американцы были и моей слабостью, но у Терешина их было больше. Мне было необходимо додумать то важное, без чего интервью, казалось, теряет смысл. И я понял. За перестройку мы настолько разгородили искусство и жизнь, что жизнь как искусство почти не воспринимается нами. Обесценено до предела искусство достойно жить. Это у Фолкнера человек в тюрьме — мир и философия, а у нас человек в тюрьме — лишь повод для критики системы. Мы валим на систему все грехи с той же слепотой, с какой нафрейдизованные американцы валят все на несчастное детство с подавленной сексуальностью. Да Боже мой, в одержимом поиске социальной справедливости мы обеднили жизнь и принизили до уровня подвального этажа, загадив попутно все то, что выше, уравняв роман с газетой... Неужели с точки зрения вечности человек, поднявшийся над своим страхом, не выше человека, добившегося судебного пересмотра?

Я был благодарен Игорю Михайловичу за часы его рассказов под шелест магнитной ленты, как благодарен ленте, впитавшей мягкий и грустный голос, никак не соответствующий теме разговора. Там, где Терешин говорил о необходимости борьбы, пленка зафиксировала вдруг легкое заикание. И это возвращающееся через десятилетия его детское заикание было так далеко от судов, адвокатов и всех законов той системы, что прогнала Терешина по своим коленам. Ведь было же сказано: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Положа руку на небо никакой адвокат Терешину не нужен. Хотя, утверждая это, я, возможно, не оправдываю Игоря Михайловича надежд.

Ленинград.

От редакции.

С описываемых в этой беседе событий прошло достаточно времени. Профессор Игорь Михайлович Терешин сегодня — один из руководителей Фонда помощи жителям блокадного Ленинграда и советско-американского бизнес-центра, прибыль от которого идет на нужды блокадников. Его мечта — организация фонда помощи блокадникам при ООН. Не забыта и научная работа: программа исследований по генной инженерии, над которой он работал в неволе, стала основой для создания новых диагностикумов. Ну, и еще одно. Ни блокада, ни тюрьма не проходят просто так. У Терешина сегодня вторая группа инвалидности.

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

НАШ ЧЕЛОВЕК В НХЛ

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

В сентябре 1988 года мне позвонила моя старая приятельница и спросила, могу ли я устроить встречу Каспарова с Фетисовым: у Славы к Гарику есть вопросы. Каспарова я знаю достаточно хорошо, с Фетисовым был знаком хуже, хотя помнил его с венского, 1977 года, чемпионата мира по хоккею (дебют Фетисова в сборной), а потом мы встречались, за исключением трех-четырех чемпионатов, на всех последующих. В Праге в 1978 году на свернутом за час прощальном банкете (предполагался долгий праздник, но сборная ЧССР проиграла) 19-летнего Фетисова награждали как лучшего защитника, а Анатолий Владимирович Тарасов приговаривал: «Испортят мальчишку, испортят».

Каспаров считался не только одним из главных оппонентов Госкомспорта, но и неофициальным профсоюзным лидером у известных наших спортсменов. Я не сомневался, что Гарик не откажется от встречи. Но, поскольку откровенная поддержка «спартаковцем» Каспаровым «цеэсковца» Фетисова могла последнему только повредить, проводили встречу секретно, поздно вечером, дома у будущей жены Гарика, Маши.

Итак, тайным советником Фетисова стал Каспаров, подключив юристов и экономистов из своей команды к работе над контрактом Фетисова с НХЛ.

Но действия в театре абсурда продолжали идти полным ходом. Фетисов то уезжает, то не уезжает. То ему оформляют документы, то нет. Кто-то из генералов говорит, что кавалер ордена Ленина не должен стать предателем (?!). Мои приятели только по газетным публикациям о деле Фетисова сумели составить и выпустить книгу. Но, по-моему, никто так и не задался вопросом: почему человек, у которого нет долгов, не может поехать работать туда, куда ему хочется, куда его приглашают, и, наконец, туда, где больше платят? Спорили о другом: в какой отдаленный гарнизон будет отправлен майор Фетисов? Сам же майор разносил служебные бумаги в родном армейском клубе. За пару месяцев Фетисов перекрыл обычную норму всей хоккейной команды ЦСКА на ношение военной формы за десятилетие. Но ему надо было сохранить другую, главную форму, спортивную. Поскольку на лед ЦСКА не пускают, Фетисов начинает играть за команду карандашной фабрики имени «Сакко и Ванцетти», построенной в свое время американским миллионером Хаммером. Директор фабрики, говорят, задумал сам продать бывшего капитана сборной в НХЛ и на вырученные деньги реконструировать производство. Каспаров в то лето 1989 года был на сборах в Загульбе (полгода ему осталось жить в Азербайджане), и каждый вечер в Баку звонили или Слава, или Лада. Обстановка накалялась. Фетисов начал играть не по правилам чиновников перестройки. Он решил уехать (немыслимое дело!) по собственному контракту, без государственной опеки. Кстати, Фетисов был первым из спортсменов, кто это сделал. Тогда еще Каспаров в ЦК КПСС ходил чаще, чем в Центральный шахматный клуб (сейчас он не появляется ни там, ни там), и в результате этих походов два отдела ЦК дали визу на выезд Фетисова в США (шестую статью ведь тогда еще не отменили). А при Детском фонде уже создавалась усилиями чемпиона мира по шахматам организация «Спортсмены — детям», где иностранные паспорта получили не только Фетисовы, но и семья Старикова, не столь знаменитого, но тоже защитника сборной СССР. Ларионов и Макаров отказались участвовать в этой фазе сражения. Следующей, кто использовал выездные возможности Детского фонда, была Ирина Роднина. Наконец, в конце августа 1989 года Слава, Лада и карликовый пудель Рэди улетели в Нью-Йорк. Организатором проводов был Владимир Крутов.

Я на прощание сказал псу: «Прощай, ты умрешь на чужбине». Рэди шел уже пятнадцатый год, что, по собачьим меркам, больше чем долголетие.

Вот уже два года Фетисов в Москве не появляется и, по-моему, не испытывает никакого желания это сделать, а к извечным интеллигентским вопросам «Кто виноват?», «Что делать?» прибавился еще один: «Уезжать или не уезжать?» Во всяком случае, пока пускают.

* * *

Я вышел из машины возле дома с гаражом в цокольном этаже (в нем же еще и баня), даже не в ряду, а в микрорайоне подобных краснокирпичных особняков с террасами и палисадниками у заднего фасада. В Америке такое поселение, как правило, с прудом, рощей, кортами и бассейном называют кондоминиумы — кооператив для людей с высоким достатком.

Большая, светлая гостиная, черная гора всевозможной аппаратуры с огромным телевизором посередке. Черные кожаные диваны. Из гостиной есть вход на кухню, она меньше, но ненамного. Красавица Лада, фотомодель ростом с собственного мужа, варит борщ. («Другого первого Славка не ест»,— объясняет она.) Аромат такой, что работать трудно. Тем более кастрюля на плите стоит огромная, на всех. Делаем усилие, ставим камеру и начинаем беседу, часть которой с комментариями я воспроизвожу.

— Когда я приехал сюда, то не был готов на те сто, а может, и больше процентов, что требовались для игры. Тем более что дебюту советских игроков здесь придавали большое значение и от нас ждали многого. Конечно, надо было готовиться к работе в НХЛ совершенно по-другому. Сейчас, после того как я посмотрел те кадры, что вы сняли на моей тренировке у Анатолия Влади-

мировича (дело происходило на лужайке в Загорянке, на даче Тарасова.— **В. М. - К.**), это же было накануне отъезда, я вижу, какой же я был тяжелый. Да, я истратил слишком много сил, не на подготовку, а на то, чтобы уехать, и поэтому нервного запаса не оказалось совсем...

...Здесь я позволю себе вклиниться в монолог Фетисова и заметить, что один из наших хоккейных беглецов, по-моему, Могильный, в одном интервью сказал, что, когда он увидел, как ломают самого Фетисова, для него все стало ясно...

— А запас был так необходим. Отсутствие и физической, и моральной готовности слишком сильно влияло на игру. К тому же стиль команды, да и всей лиги, слишком отличался от того хоккея, в который играл я. Играл, причем всю жизнь с большими, я бы даже сказал, с великими, игроками, в совершенно другой хоккей. Передо мной встала дилемма: или за тот короткий промежуток, что мне отпущен, подстроиться под их стиль, или доказывать преимущество своей игры. Я выбрал второе. Надо оставаться самим собой, не перестраиваться под другую систему (именно это, как мне кажется, послужило поводом для большого напряжения в отношениях Фетисова и тренера «Нью-Джерси».— **В. М.- К.**). Хотя и пришлось учить другую тактику. Не хочу сказать, что она примитивная, но она другая.

Но все же самая большая проблема заключалась в том, что я был совершенно не в той физической кондиции. Я приехал в Штаты победителем: как же, вырвался из Союза! И забыл, что вырвался играть в хоккей. И это основная причина, почему я здесь оказался. Весь первый год я смотрел на табло, ждал, когда же закончится время. Но играл много, и пресса была не столь плоха, как писали в Советском Союзе. У меня в том, первом, сезоне получалось в среднем 28 минут на поле — это очень много, почти половина матча. Я и сейчас не могу поверить, как смог выдержать такую нагрузку...

...Думаю, что Фетисов смог выдержать первый сезон на кураже. Уже в середине второго он заболел воспалением легких, причем в тяжелейшей форме, с осложнениями. Сейчас Фетисову тридцать один, как же долго он собирается играть? Ведь по нашим меркам он ветеран.

— В Союзе на высоком уровне можно играть максимум до тридцати. А в Канаде недавно 39-летний защитник подписал трехлетний контракт. Здесь в хоккей играют ради шоу, зрелища. В Союзе в течение дня команда три раза тренируется, на следующий день выходит на матч. Игра уже не в радость, а только на результат.

— Есть, наверное, еще один барьер, который пришлось преодолевать. Когда советский человек за границей в командировке, он все равно старается жить и общаться со своими согражданами. Но что он испытывает в другой системе, став ее полноправным членом, причем не на низших ступенях общества, а наверху, где, скажем так, бывших наших не много? Прижиться, наверное, нелегко?

— Помимо спортивных проблем, передо мной встала еще одна, причем немаловажная, проблема первого года. Человек, переезжая в Союзе из одного города в другой, ощущает затруднения, теряет связи и ищет новые. А здесь вообще все было иное, начиная с языка и кончая жизненным укладом. Ты чувствуешь себя чужим, а быть чужим, поверьте, не так просто. Прежде ты был для всех без исключения своим. Ведь многие игроки в НХЛ не хотели, чтобы мы играли в лиге: мы же конкуренты, отнимаем хлеб. Незнание языка лишает общения, вокруг живут ведь только американцы, причем состоятельные. И мысли начались: «Зачем, для чего?» Но потом стал приходить язык, стали появляться друзья. Жизнь налаживалась, а это помогало игре.

Большую часть времени я провожу в команде, общаюсь с ребятами, дружим семьями, ходим вместе пообедать в ресторан, ходим в гости друг к другу. Мой сосед Дуг Браун, наш защитник, живет здесь неподалеку, мы чаще всего встречаемся с ним и его семьей. Дуг играл в национальной сборной США, мы давно знаем друг друга. Он помогает мне учить язык. Естественно, общаемся и с теми, кто уехал из Союза. Среди них у нас много хороших друзей и знакомых.

— В Советском Союзе ты был знаменитым спортсменом. Одним из самых любимых, здесь вокруг тебя нет такого обожания, но зато ты стал богатым человеком. Как быть любимым, ты уже знаешь, а каково быть богатым?

— Не знаю, насколько я богатый. «Совинтерспорт» постоянно сообщает в прессе, что я беден, так как отказался от их услуг при составлении контракта. Могу только заметить, что условия моего контракта значительно лучше, чем у ребят, которые уезжали в НХЛ с помощью «Совинтерспорта». По уровню контракта я вхожу в 5—10 процентов самых высокооплачиваемых игроков Америки. Но есть и другая сторона такой высокой зарплаты — это большие налоги, да и жизнь совсем недешевая. Здесь деньги должны работать, и этому надо учиться. Деньги в Штатах заработать тяжело, но очень легко их потерять. Мы с Ладой не поменяли образ жизни. Как жили, так и живем, ни в чем себе не отказывая, не экономя, не ущемляя себя ни в чем. Следовательно, надо искать для себя какой-то бизнес. Им занимаются все хоккеисты-профессионалы. Одни удачно, другие неудачно, но все. И проблема научиться владеть деньгами — большая проблема здесь.

Когда я услышал от Фетисова фразу, что деньги должны работать, честное слово, оказался в шоке. Я знаю многих именитых советских тренеров и спортсменов, но ни один из них ни разу в беседах подобные мысли не высказывал. Что же делает с лихим хоккеистом этот проклятый мир, пошедший в противоположную сторону от нашего выбора? Это надо же, Фетисов занялся основами капиталистической экономики. Я уже не открою секрета, это сделал мой друг, ленинградец Геннадий Орлов, в одной из своих спортивных программ сказав, что у Фетисова на паях что-то вроде домовой кухни.

Мы побывали на частной территории Фетисова, которая действительно куплена на паях. Это кондитерский магазин, в котором есть различные бутерброды и прохладительные напитки. Днем пробиться к прилавку трудно. Магазин находится в сердце Манхэттэна на Пятой авеню (это как в Ленинграде посредине Невского). Но Фетисов, как настоящий бизнесмен, посетовал, что дела могли бы идти получше. При этом он все время поглядывал на свой стоящий у тротуара роскошный «мерседес». Даже у собственного магазина штраф за стоянку здесь, в центре Манхэттэна, сто долларов. Взятка, расчет на собственную популярность, клятвы, что больше никогда так не сделаешь, практически бесполезны.

Молодой предприниматель Фетисов мог бы еще объяснить, что честное слово в бизнесе — основа, фундамент сделки. Черт его знает, почему «слову капиталиста» доверяют больше, чем слову представителя другой экономики, но факт остается фактом. Быть верным своему слову — это, так мне кажется, одновременно и нравственное, и экономическое начало, без которого возрождение страны невозможно.

Пока же, увы, значительная часть наших новых кадров, которые, как известно, решают все, действуют по принципу, который им внушали с детства и который им кажется самым капиталистическим: не обманешь — не уедешь.

Так я думаю, читая в газетах выступления сперва одного из руководящих сотрудников «Совинтерспорта», а спустя несколько месяцев и самого руководителя этой организации. Я понимаю, что в ЦК ВЛКСМ, откуда они родом, бизнесу не учат. Но кому от этого легче? Оба, как заклятье в спину предателя советского спорта, повторяют обвинения Фетисову. Не хочу сомневаться в их личной честности, но есть же еще и такое понятие, как профессионализм. Если они знают, что врут, но делают это для пользы фирмы, то этот вопрос мы уже обсудили. Еще хуже, если они не понимают, о чем говорят.

Итак, два наших фирмача упорно твердят о проигрыше Фетисова в деньгах из-за того, что он проигнорировал государственную поддержку, и приводят все время цифры: 250 тысяч долларов по контракту у Фетисова, а вот у Ларионова 375 тысяч (это уже оставшаяся половина, другая — в казне государства), забывая, что доллары Ларионова канадские, следовательно, цифра уже поменьше тысяч на пятьдесят. Но главное, конечно, не это. И если начальникам что-то неведомо, я объясню. В контрактах, как правило, есть система бонусов, которые обеспечивают выплату при выполненных условиях. И никто, кроме тех, кто подписывает контракт, не знает этих сумм. Они секретные. И все те, кто побывал в гостях не только у Фетисова, но и у остальных, могут подтвердить: уровень его жизни порядка на два выше. Это при том, что Фетисов — защитник, а в НХЛ их цена ниже, чем у нападающих.

Еще одна деталь: Фетисов заключал контракт сам, для Ларионова, Крутова, Макарова «Совинтерспорту» потребовался западный посредник, который получил, по слухам, то ли 8, то ли 12 процентов от контракта. Огромные деньги, которые потеряли как хоккеисты, так и государство, а зачем? Очередной залп обвинений в адрес Фетисова заключался в том, что, продешевив, он сорвал рынок. В НХЛ существует «драфт» (аукционный список), и никакого рынка Фетисов сорвать не мог. Третьяк, например, с юниорского возраста был записан за «Монреалем», и если бы он в те годы каким-то чудом попал в НХЛ, то попал бы только в «Монреаль», как Фетисов в «Нью-Джерси», а Ларионов в «Ванкувер». Хорошо бы это тоже знать, ну, а если не знать, то не выкладывать как аргумент против игрока.

А теперь еще один аспект — моральный. Первоначально Фетисову предложили в «Совинтерспорте» 10 процентов от контракта. Фетисов счел это унизительным и отказался. Тогда переговоры начали открыто обсуждаться в прессе, что в мире вообще не делается, а ставку повысили до 20 процентов. При этом спортивные начальники клялись, что наши законы большего не разрешают. Фетисов вновь отказался. Тогда возникла цифра 40 процентов (а законы?), затем 50. Фетисов переговоры с клубом провел сам, со своими адвокатами. Ларионов и Крутов давления не выдержали, но их 50 процентов от контракта выписаны мужеством Фетисова. Как давит государственная машина, знают многие.

И еще маленькая деталь из того же немодного сейчас морального аспекта. Фетисов подписывал свой контракт, будучи как хоккеист безработным. В ЦСКА ему не давали тренироваться, из команды выгнали и пугали дальним гарнизоном. О том, что в него вложены деньги, вспомнили, когда он решил уехать. Когда же Фетисов с бумажками под мышкой в роли офицера-посыльного гулял по коридорам родного клуба, об этом почему-то забыли. Впрочем, дело для нас привычное.

Но, должен заметить, на мой взгляд, многолетний капитан сборной СССР долги Родине за обучение давно вернул.

— У тебя здесь должен родиться ребенок. Гражданином какой страны он будет?

— То, что Лада ждет ребенка, мы держали в тайне. Это же только наше. Но американский корреспондент об этом узнал и нам пришлось раскрыться. Наш ребенок родится в июне... Должен родиться, дай Бог, все хорошо закончится. Он родится гражданином США и, следовательно, будет иметь шанс стать их президентом. Но в восемнадцать лет сам выберет: или паспорт гражданина США, или Советского Союза.

Я могу сказать, за что я бесконечно благодарен Америке — за то, что у нас будет ребенок. В Союзе нам сказали: забудьте. Это, сказали, не-воз-мож-но. И говорили так врачи на всех уровнях, куда мы только не обращались на протяжении последних пяти лет. А теперь наша семейная жизнь повернулась совсем по-другому...

...Лада в это время достала кассету, и чета Фетисовых уселась на ковер перед телевизором рассматривать будущего ребенка. «Видишь,— объясняла Лада, показывая на экран,— вот он головку повернул, а это — колено согнул. Сейчас найдем нужную цифру. Значит, в тринадцать недель, когда нас снимали, голова ребенка — двадцать семь миллиметров...» Слава презрительно раздвинул пальцы, отмеряя эти миллиметры. «Ты что думаешь, у тебя в это время голова больше была?» — сказала обиженная Лада.

Слава ушел отдохнуть перед матчем. Надо сказать, его новый статус доставил нам много хлопот. Если в Москве мы могли с ним работать сколько угодно, то здесь весь день подчинялся жестокому графику, хотя Фетисов находился не на сборах в Архангельском, а в собственном особняке.

Слава отправился на хоккейный стадион «Брэнда-арена» чуть ли не за три часа до игры. Мы рассчитывали добраться на большой «тойоте» Лады. Все получилось не совсем так, дело упиралось в пропуск на парковку, который в Штатах соизмерим лишь с нашим талоном на водку, а может, еще дефицитнее. В конце концов добрались. Лада отправилась в комнату для жен игроков: диваны, напитки, сыры и фрукты на столах, и защебетала там безостановочно на английском. Кто бы поверил, что полтора года назад она его не знала? Слава не разрешил жене работать по профессии, хотя звали и, по словам Лады, деньги предлагали немалые, но надо было мотаться по свету. «Славка просто бросал трубку, когда мне звонили по поводу работы».

Мы спустились в раздевалку. Журналистов сюда пускают, правда, и места в этой раздевалке хватило бы на всю

пресс-ложу. Здесь зал тренажеров, здесь столы и маленькая кухня, кофейный автомат. Над каждым местом игрока полка, над ней табличка с фамилией. Рядом с Фетисовым место нападающего Счастны: кто смотрит хоккей, помнит беглеца из сборной Чехословакии. Через несколько полок — табличка с фамилией «Касатонов». В недавнем прошлом друзья, не здороваются, а общаются только на поле и только по делу. Даже если оказываются рядом на скамейке, не замечают друг друга. Однако тренер «Нью-Джерси Дьяволс» не посчитал это причиной, чтобы два профессионала, добившиеся немалого, играя в связке, здесь выступали порознь. И в «Нью-Джерси» я увидел то, чего не видел почти три года,— пару Фетисов — Касатонов. Леша Касатонов против Тихонова не бунтовал, ультиматумы не ставил. Сохранил свою силу, и нервную, и физическую, и включился в НХЛ в игру сразу, будто вырос на этом континенте. В США он попал тихо и спокойно, без генеральского гнева и бурных статей в прессе. Много забивает. Правда, как считает Фетисов, Касатонов усвоил прежде всего то, что надо любой ценой выделиться. Забитый гол ведь запоминается больше, чем десяток случаев, когда из-за тебя пропускает шайбу команда. Вопрос личности и коллектива в НХЛ особый — это на долгий разговор. Игра командная, но, когда с тобой заключен контракт, для тебя важно прежде всего, как выглядишь ты, а не команда. Фетисов, как мне показалось, скучает по командной игре и остерегается столкновений на площадке. Впрочем, мы наблюдали за Фетисовым после его долгой болезни.

Эти умные мысли, конечно, не могли посетить при грохоте трибун. Русский эмигрант угостил нас в буфете рюмкой водки (после второго периода спиртное не дают). На двух огромных телеэкранах-табло показывали автородео. Гибриды, кузов автомобиля типа «Нива», а колеса не меньше чем от карьерного самосвала, прыгали по крышам нормальных автомобилей, зрелище не для неизбалованного советского автолюбителя.

Вышел на лед по красной дорожке темнокожий гигант и спел американский гимн (перед следующей игрой пела уже миниатюрная, очаровательная леди), но, поскольку матч предстоял с московским «Динамо», негр еще спел и гимн нашей страны. Словами не передать те ощущения, которые вызывает у тебя все время жующая доброжелательная публика, треть из которой мальчишки, несмотря на позднее время; десятки тысяч автомобилей вокруг стадиона, и все это на фоне голоса, выводящего с невероятным акцентом: «Нас к торжеству коммунизма ведет». Внизу у поля прохаживался Аркадий Ратнер из спортивной редакции ЦТ. Поздоровался, проходя на трибуны, Евгений Рубин, корреспондент «Свободы», но я его помню еще сотрудником «Футбола — хоккея». За ним выплыл замечательный спортивный писатель Александр Нилин в сопровождении увешанного «Никонами» Коли, сына знаменитого фотографа из ФиСа («Физкультуры и спорта») Мстислава Боташова. Это все в «Нью-Джерси», это все на другой стороне земного шара!

Тут появился Женя Богатырев из того же ФиСа и, задыхаясь, сказал: «Вы тут сидите, а внизу для журналистов бутерброды бесплатно и пиво, сколько хочешь».

Что ни говори, а своя компания — это в жизни немало. Особенно когда есть бутерброды и пиво. Пусть даже за деньги.

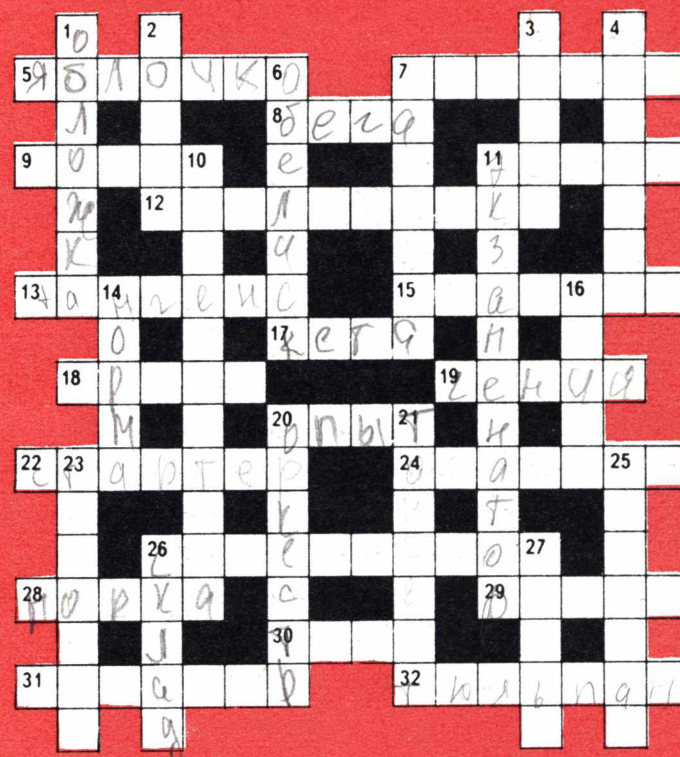

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Матросский танец. 7. Советский график и детский писатель. 8. Гонки рысистых лошадей. 9. Деталь струнного инструмента. 11. Философская дисциплина, изучающая нравственность. 12. Теория и метод познания явлений действительности. 13. Тригонометрическая функция. 15. Международный договор. 17. Лососевая рыба. 18. Почва, земля. 19. Обладатель высшей творческой одаренности. 20. Практически усвоенные знания, навыки. 22. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 24. Вещество, применяемое в лабораториях для химического анализа. 26. Прибор для измерения твердости материалов. 28. Пушной зверек. 29. Река в Непале и Индии. 30. Рассказ А. П. Чехова. 31. Передовой работник, совершенствующий организацию труда. 32. Декоративное луковичное растение, цветок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Обертка книги, тетради. 2. Стихотворение В. В. Маяковского. 3. Небольшой морской залив. 4. Искусственный шелк. 6. Мемориальное сооружение в виде граненого столба. 7. Число колебаний за единицу времени. 10. Наука о системах и методах управления. 11. Преподаватель, производящий проверочные испытания. 14. Установленная мера выработки. 16. Персонаж романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 20. Коллектив музыкантов. 21. Герой оперы Р. Вагнера. 23. Аппарат для передачи звуков на расстояние. 25. Минеральная вода. 26. Специальное помещение для хранения материалов. 27. Опера Р. Леонкавалло.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Персонаж. 6. «Баядерка». 8. Глюк. 9. Фритюрница. 11. Шурф. 12. Ствол. 13. Аляска. 16. Ванта. 17. Корунд. 18. Кимоно. 19. «Муму». 20. Уссури. 21. Шумиха. 23. Таити. 24. Капуас. 26. Вираж. 28. Анис. 29. Артамонова. 30. Галс. 31. Ориентир. 32. Титикака.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Краковяк. 2. «Марица». 3. Рапира. 4. Ярошенко. 5. Палас. 7. Аорта. 9. Фалеристика. 10. Амвросиевка. 14. «Людмила». 15. Кукушка. 20. Ушинский. 22. Аэрограф. 23. Танго. 24. Котлин. 25. Смолич. 27. Желна.

1 руб. Индекс 70663